

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

Основан в 2013 г.

№ 4 • 2023

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора – Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко – д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова – д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов – д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. Ф. Васюков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (Орел, Россия).

Е. Л. Васянина – д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев – д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер – д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душак – д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С. А. Карелина – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина – канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао SAR, Китай).

В. Ф. Лапшин – д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный деятель науки Российской Федерации (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С. В. Пархоменко — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Сулова — профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д-р юрид. наук, доцент (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:

**664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru**

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: <http://www.prolaw38.ru/>.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (дата включения — 20 июля 2022 г.), категория К2.

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.prolaw58.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 4 • 2023

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief – Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief – Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Head of the Civil Law and Process Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova – Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Criminalistics and Preliminary Investigation Department, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Orel, Russia).

Elena L. Vasyanina – Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev – Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer – Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEP/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev – Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina – Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin – Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova – Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Ilya V. Nikitenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Svetlana V. Parhomenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law Disciplines Department, Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Boris A. Revnov – Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law and Process Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:

4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number ЭЛ № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (date of inclusion – July 20, 2022), Quartile 2.

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library – www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 4 • 2023

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Антонов Б. А.* Понятие «враг» в политико-правовой концепции Карла Шмитта 7-17
- Спирин М. Ю.* Генезис юридической силы: значение формального источника права 18-26
- Умнова-Конюхова И. А.* О формировании права биологической безопасности как образовательного курса в биоюрисруденции в контексте новых задач повышения правовой культуры 27-37

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Филатова А. О.* Право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и формирование государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации 38-49
- Баканов К. С.* Обеспечение безопасности дорожного движения перевозчиком как условие надлежащего оказания услуг по перевозке пассажиров 50-58

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Нестолый В. Г.* Промежуточные решения суда в сокращенных производствах 59-69

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Коротких Н. Н.* К вопросу о понятии дящегося преступления и необходимости его законодательного закрепления 70-75
- Сергеа И. М., Ступина С. А.* Некоторые вопросы противодействия преступности в условиях информационной войны (часть 2) 76-87
- Лавгаренко Л. И., Плеснева Л. П.* Правовая природа уголовно-процессуального задержания и его соотношение с фактическим задержанием 88-99
- Брянская Е. В.* Криминалистическая тактика как средство аргументации при рассмотрении уголовного дела в суде 100-107

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.prolaw38.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 4 • 2023

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Antonov B. A.* The Concept of Enemy in the Politico-Legal Conception of Carl Schmitt 7-17
Spirin M. Yu. Genesis of Legal Force: The Significance of a Formal Source of Law 18-26
Umnova-Koniukhova I. A. On the Formation of Biosafety Law as an Educational Course in Bio-jurisprudence in the Context of a New Tasks to Increase Legal Culture 27-37

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Filatova A. O.* The Right to Obtain Information on the State of Protection of the Population and the Environment from the Influence of Dangerous Biological Factors and the Formation of the State Information System in the Field of Biosafety Assurance in the Russian Federation 38-49
Bakanov K. S. Ensuring Road Safety by the Carrier as a Condition for the Proper Provision of a Passenger Transportation Services 50-58

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

- Nestoliy V. G.* Interlocutory Judgment in Reduced Proceedings 59-69

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Korotkikh N. N.* On the issue of the Concept of a Continuing Crime and the Need to Legislate It 70-75
Sereda I. M., Stupina S. A. Some Issues of Countering Crime in the Context of Information Warfare (Part 2) 76-87
Lavdarenko L. I., Plesneva L. P. The Legal Nature of Criminal Procedural Detention and Its Correlation to the Factual Detention 88-99
Bryanskaya E. V. Forensic Tactics as a Means of Argumentation in a Criminal Case in a Court... 100-107

УДК 340.124

Б. А. Антонов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020

ПОНЯТИЕ «ВРАГ» В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРЛА ШМИТТА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 7–17.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.1.
Дата поступления 10.07.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Востребованность теоретических разработок немецкого философа и юриста Карла Шмитта (1888 — 1985 гг.) возможно объяснить целым рядом событий и тенденций, происходящих в современном мире. Наиболее актуальным сюжетом в этой связи выступает *война*, ее переосмысление, ре-интерпретирование, история развития и как первоначальный и необходимый элемент рассмотрения — предпосылки. Обязательной исторической предпосылкой (и, одновременно, — следствием) для возникновения любой войны выступает отношение к противнику как к врагу с неперменным набором характеристик последнего. Тема врага в пространстве политического традиционно рассматривается через призму войны, которая, в свою очередь, отражает состояние международного права на момент ее ведения. Целый ряд трудов немецкого философа и юриста К. Шмитта посвящен войне и врагу, порождаемому ею. Очевидной для Шмитта выступает зависимость характера войны от времени (духа времени) и места ее проведения и, как следствие такой зависимости, — изменение сущностной природы врага. Автор статьи предпринимает попытку систематизации тех типов войн, которые нашли свое отражение в политико-правовом учении Шмитта. Предлагая в качестве критерия систематизации временной и пространственный факторы, автор подвергает краткому анализу (1) религиозные войны периода Средневековья; (2) межгосударственные (регулярные) войны (до подписания Версальского мира в 1919 г.); и (3) современные тотальные справедливые войны (после подписания Версальского мира). В соответствии с данной систематизацией, автор рассматривает несколько типов врага, сущностная природа которого продиктована характером той или иной войны: враг — абсолютное зло (порождаемое религиозными войнами); враг — дуэлянт (порождаемый межгосударственными (регулярными) войнами); враг — преступник, партизан, террорист (порождаемый тотальной справедливой войной); враг — недочеловек, не-человек (порождаемый правовой теорией Третьего Рейха).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Война (религиозная, межгосударственная, тотальная); враг (абсолютное зло, дуэлянт, преступник, партизан, террорист, недочеловек, не-человек); понятие (пространство) политического; временной (пространственный) фактор.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонов Б. А. Понятие «враг» в политико-правовой концепции Карла Шмитта // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 7–17. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.1.

UDC 340.124**B. A. Antonov**

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8233-9520
ResearcherID: AAO-7496-2020*

THE CONCEPT OF ENEMY IN THE POLITICO-LEGAL CONCEPTION OF CARL SCHMITT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 7–17.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.1.
Received 10.07.2023, accepted 12.12.2023, available online 22.12.2023.

ABSTRACT

The relevance of the theoretical developments of the German philosopher and lawyer Carl Schmitt can be explained by a number of events and trends taking place in the modern world. The most relevant plot in this regard is war, its reinterpretation, history of development and, as an initial and necessary element of consideration, its prerequisites. An obligatory historical prerequisite (and at the same time a consequence) for the emergence of any war is the attitude towards the enemy with an indispensable set of characteristics of the latter. Enemy in the political space is traditionally viewed through the prism of war, which, in turn, reflects the state of international law at the time of its conduct. A number of works by the German philosopher and lawyer K. Schmitt are devoted to war and the enemy generated by it. Obvious to Schmitt is the dependence of the nature of war on time (the spirit of time) and the place of its conduct, and as a consequence of this dependence — a change in the essential nature of the enemy. The author of the article attempts to systematize wars reflected in Schmitt's politico-legal doctrine. Offering temporal and spatial factors as a criterion for systematization, the author briefly analyzes (1) religious wars of the Middle Ages; (2) interstate (regular) wars (before the Versailles Peace in 1919); and (3) modern total just wars (after signing the Versailles Peace). In accordance with this systematization, the author considers several types of enemy, the essential nature of which is dictated by the nature of a particular war: enemy as an absolute evil (generated by religious wars); dueling enemy (generated by interstate (regular) wars); enemy as a criminal, a partisan, a terrorist (generated by a total just war); enemy as a subhuman, non-human (generated by the legal theory of the Third Reich).

KEYWORDS

War (religious, interstate, total); enemy (absolute evil, duelist, criminal, partisan, terrorist, subhuman, non-human); concept (space) of the political; temporal (spatial) factor.

FOR CITATION

Antonov B. A. The Concept of Enemy in the Politico-Legal Conception of Carl Schmitt. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 7–17. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.1.

У каждого есть его собственные понятия врага, войны и добычи, а также свободы.

Карл Шмитт

Введение

Враг для его наиболее точного оценивания рассматривается немецким юристом и философом Карлом Шмиттом (1888 — 1985 гг.) в рамках политического [9], которое, при условии высокой степени интенсивности социальных противоречий, порождает предельное состояние миропорядка, называемое *войной*. Другими словами, трактовка любого типа войны диктует необходимость исследования системных отношений *групп — враг* и указывает на закономерность влияния *того или иного временного периода* на характеристику той или иной войны, а значит — и на характеристику порождаемого ею врага.

Расширяя рамки чисто исторического понимания понятия *временной период*, при рассмотрении корреляционных отношений *война — враг*, Шмитт ставит эти отношения в зависимость от времени, которое не просто влияет на характер войны и врага, а определяет их сущностную природу. Не меняя шмиттовского понимания времени, И. В. Гете поднимает его на более высокий — философский — уровень, определяя как *дух*: «Если какая-нибудь сторона выступает наиболее сильно, овладевая массой и торжествуя над ней, так что при этом противоположная сторона оттесняется на задний план и затеняется, то такой перевес называют *духом времени*, который определяет сущность данного промежутка времени»¹. Таким образом, под *духом времени* Гете понимает мыслительную традицию, которая меняется в связи с окончанием войны и установлением нового миропорядка (на условиях победителя).

В отличие от Гете, Гегель проецировал *дух времени* на *дух человека*: «Ни один человек не может перегнуть своего времени, так как *дух его времени — это также его дух*» [Цит. по: 12, р. 262]. При возникновении определенных предпосылок для очередной смены одной доминирующей традиции на другую возникает необходимость войны, продиктованная *духом человека*, который живет в этом времени и которую (войну) при всей очевидности исторической практики Гегель отвергает.

Дух времени, расширяя рамки конкретного понимания исторического периода до понимания времени как философской катего-

рии, неизменно определяет не только жизнь социума, но и пространства его пребывания. В данной точке смыкаются *Номос Земли*² как синтез социума и пространства, с одной стороны (при этом пространство необходимо рассматривать как некий элемент окружающей нас действительности, регулирующий отношения между людьми), и время — с другой. *Номос* — и прежде всего пространство, то есть место пребывания социума, — неизменно определяет, по Шмитту, характер, причины и исход военных действий. *Время* (*дух времени*), исходя из логики Гете, определяет саму сущностную природу войны, одновременно определяя и сущностную природу врага.

Режим *духа времени* порождает все новые войны, которые лишь на первый взгляд кажутся новыми: в действительности же они синтезируют черты своих предшественниц и одновременно обзаваются новыми характеристиками. Такое же перетекание одного значения в другое с приобретением новых смыслов и при сохранении неизменности языкового оформления происходит и с понятием *враг*.

Цель статьи — анализ специфических черт врага (как участника соответствующих военных действий) и его классификация согласно того или иного типа войны. Основанием для анализа и классификации послужило понятие политического с его разделением на друзей и врагов в политико-правовом учении К. Шмитта.

В соответствии с поставленной целью основными задачами являются:

— предложить краткий обзор состояния научных исследований в отношении понятия враг;

— определить суть полемики по поводу понятия враг между Шмиттом и его прямыми и заочными оппонентами (Э. Петерсон, Я. Таубес, Ш. Муфф);

— систематизировать различные типы войн (религиозные, межгосударственные, дискриминационные, тотальные) в соответствии с политико-правовым учением Шмитта и рассмотреть соответствующие разновидности

¹ См. Философский энциклопедический словарь. URL: <https://www.studfile.net/preview/6719527/page:20/> (дата обращения: 04.05.2023).

² Понятие «номос» Шмитт употребляет в трех значениях: в первом он означает синтез социума и пространства (локализация порядка); во втором значении номос представляет собой определенный исторический период конкретных пространственных реалий (всего Шмитт выделяет три номоса); в третьем значении номос выступает как синоним понятия «цивилизация». В последнем случае Шмитт предлагает разделить право народов на *право сухопутного и морского номосов* (вместо права войны и мира, международного публичного и международного частного права), которые находятся в состоянии «изначального» антагонизма.

ности врага, сущностная природа которого трансформируется в зависимости от циклического характера войн;

— проанализировать причины и характер трансформаций врага из одного типа в другой (еретик — вражеский солдат — все население вражеской страны — расовый враг — партизан — террорист).

В качестве основных источников автором статьи были выбраны такие труды Шмитта, как: «Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum*», «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил», «Понятие политического».

История и значение понятия «враг»: краткий обзор

«Враги — это те, кто нам или кому мы публично объявили войну, остальные являются разбойниками или грабителями». Данное — наиболее древнее определение врага — принадлежит римскому юристу Помпонию (Д. 50.16.118, Помпоний). На момент появления такого определения «в категорию врагов входят всякого рода свободные народы, которые еще не вступили в государственный период своего существования, против них могли вестись военные действия без всякого объявления войны, и против них можно было принимать любые меры» [Цит. по: 4, с. 58 — 59].

Отталкиваясь от определения Помпония, основатель международно-правовой науки Г. Гроций (1583 — 1645) подразделял право народов на право войны и право мира, характеризуя мир как «дружественный» и/или «вражеский» и приравнивая частную войну³, порождающую *частного врага*, к войне в международно-правовом смысле. Идея Гроция о разделении мира на «дружественный» и «вражеский» находит свое отражение в известном политическом различии Шмитта на друзей и врагов: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, это — различие друга и врага» [9, с. 301].

Шмитт принимает предложенное Гроцием разделение на «дружественный» и «вражеский» мир, но при этом не соглашается с его интерпретацией частной войны. Для Шмитта частная война — это «не более чем мятеж, бунт, нарушение общественного порядка, варварство или пиратство» [7, с. 194]. Поэтому с точки зрения нового европейского междуна-

³Примером такой войны, по Гроцию, можно считать феодальную междоусобицу.

родного права война может быть только межгосударственной, а враг — публичным.

Полемика вокруг понятия «враг»

Шмитт неоднократно возвращался к понятию *враг*, напрямую или заочно дискутируя или полемизируя с теми, кто предпринимал попытки анализа его исследований и, в свою очередь вступая с ним в диалог или полемику.

1. Шмитт против Э. Петерсона

Полемика вокруг понятия *враг* зарождается и развивается в рамках анализа отношения Шмитта и его оппонентов к такому направлению политической мысли как *политическая теология*⁴. Целью такой полемики неизменно становится доказательство состоятельности или несостоятельности политической теологии, а аргументом или следствием в процессе доказывания прямо или косвенно выступает отношение спорящих к понятию *враг*.

Отвергая состоятельность политической теологии Шмитта, немецкий католический богослов Э. Петерсон (1890 — 1960) в качестве доказательства выдвигает утверждение о недопустимости провести аналогию между церковным догматом и политической реальностью.

Обвинив Петерсона в ограниченности самого представления о христианской теологии как таковой, Шмитт настаивает на необходимости учитывать историко-политическую реальность в процессе рассмотрения взаимоотношения между церковью и государством: «Аргументация Шмитта основывается на тезисе о тотальности политического, которая вращается вокруг понятия "враг" и "друг", что находит свое отражение у Петерсона в виде теологического решения, устанавливающего различия между еретиком и ортодоксом. Граница между еретиком и ортодоксом сохраняет свой догматический характер только при условии осуществления политической нейтрализации ...» [10, с. 189]. При этом Шмитт уверен, что возврат к нейтральной позиции «еретик — ортодокс» невозможен, как невозможно буквальное прочтение христианского Евангелия, поскольку любые отношения «враг — друг» (включая отношения «еретик — ортодокс») неизменно остаются политически мотивированными, а значит, политически обусловленными.

⁴Сегодня термин «политическая теология» ассоциируется с именем К. Шмитта, хотя само это понятие использовалось философами, теологами и правоведами задолго до появления работы Шмитта с одноименным названием [6].

Итак, различие между еретиком и ортодоксом по Петерсону приобретает характер различия между друзьями и врагами по Шмитту, поскольку именно такое различие выступает признаком подлинности политического с такими характерными чертами последнего, как тотальность, интенсивность и серьезность, а мотиватором этих трех характеристик Шмитт считает разделение на друзей и врагов с его напряженным противостоянием по принципу «или — или» и ориентированностью на возможность причинения смерти врагу.

Таким образом, Шмитт секуляризирует характер отношений между еретиком и ортодоксом, а заодно и различие между ними. Более того, Шмитт включает этот секуляризованный аспект в мир политического, *экстраполируя политическое на область религиозного и придавая* отношениям «еретик — ортодокс» политический характер: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» [6, с. 57]⁵.

2. Шмитт против Я. Таубеса

Еще раз уточним, что отрицание Петерсоном состоятельности политической теологии и безоговорочное ее принятие Шмиттом, зиждятся на их разном отношении к догматам церкви. Если для Петерсона они незыблемы и существуют отдельно от политической реальности, то для Шмитта — это те «корни», которые прослеживаются и проецируются на все политическое, а значит — и на все понятия и феномены современной метафизической картины мира. В основе такого отношения Шмитта к догме лежит его принятие религиозной доктрины о грехопадении человека, которая не только не отрицается Шмиттом, но воспринимается им как предпосылка и причина для появления политического с его обязательной враждой и разделением мира на друзей и врагов. Для Петерсона врагами выступают еретики, для Шмитта — это все те, кто «встроен» в недобрый мир недобрых людей, в *мир богооставленный*, лишенный божественной благодати, пронизанный «тотальностью», «интенсивностью» и «серьезностью» политической вражды [5].

⁵ Данное утверждение отвечает логике развития Средневековой Европы, где после 1077 г. (каносское унижение германского императора Генриха IV папой Григорием VII) императоры приступили к укреплению светского государства, механизм управления которым в значительной степени продублировал систему церковной юрисдикции.

Не обосновательна в связи с этим та характеристика, которую дает Шмитту немецкий философ Я. Таубес (1923 — 1987), назвав его «апокалиптическим пророком».

Чтобы понять истоки воззрений самого Таубеса на политическую теологию и понятие *враг*, необходимо осознание того контекста, в рамках которого существовала при его жизни католическая церковь: «Это церковь-крепость, осажденная полчищами врагов веры — протестантами, безбожниками, либералами и коммунистами» [5]. Отсюда отношение Таубеса к еретикам как к вечным врагам, подлежащим обязательному апокалипсическому уничтожению.

Шмитт не отрицает теологического определения врага как *вечного* (и здесь его точка зрения совпадает с точкой зрения Таубеса), но *вечность* врага по Шмитту заканчивается не с наступлением апокалипсиса, а со Вторым Пришествием, которое и освободит человека от греха, дав ему возможность обрести гармонию и подчиниться Богу. Примечательно, что и здесь теологическое «встраивается» в «политическое», ибо по Шмитту Второе Пришествие должно ознаменовать торжество международного правопорядка, в соответствии с которым будет наконец покончено с гражданской войной, а война как таковая будет ограничена либо трансформирована в дуэль европейских государств с соблюдением принципов равенства, уважения и суверенитета, в отсутствии дискриминации человека как врага/преступника и/или абсолютное зло и с легитимацией каждого человеческого сообщества как «царства относительного разума» [7].

3. Шмитт против Ш. Муфф

Стоит еще раз упомянуть о том, что в рамках понятия политического враг по Шмитту — это всегда тот, кто порожден военным конфликтом или войной, а потому враг всегда публичен, представляя собой национальное или государственное единство. Речь в этом случае может идти только о межгосударственных войнах, поскольку нахождение врага внутри государства способствует зарождению так называемых вторичных политических различий в виде современного политического парламентаризма, в котором Шмитт не усматривает подлинности политической жизни. Нельзя при этом не учитывать того обстоятельства, что политическая жизнь парламентариев, протекающая в форме консенсусов и компромиссов, обладает высокой степенью интенсивности, следствием которой выступает процесс *развития и усиления противостояния* с последующим доведением его до политического различия *групп — враг*.

Современные представители так называемого левого шмиттианства признают вслед за Шмиттом противоположность *друг* — *враг* наравне с понятием политического. При этом для философов Ю. Хабермаса и Дж. Ролза политическое мыслится как пространство свободы и публичной дискуссии с использованием демократической риторики, а бельгийская исследовательница Ш. Муфф (род. в 1943), в отличие от них, в своей работе «О политическом» определяет это пространство как сферу конфликта и антагонизма. Отрицание Шмиттом консенсуса в сфере различения *друг* — *враг* Муфф называет роковой деполитизацией, а общество вслед за Шмиттом определяет как национальное или государственное единство, которое в рамках политического всегда приобретает образ публичного врага. Только в соответствии с логикой Муфф политика (но не политическое) рассматривается как сообщество коллективных идентичностей, сообщество *Нас*, отличных от *Них*. Так, в рассуждениях Муфф рождается пара *Мы* — *Они* [3, с. 170 — 171].

По мнению автора статьи, было бы некорректным проведение слишком зримой параллели между различением *друг* — *враг* Шмитта и парой *Мы* — *Они* Муфф. Тем более неуместным выглядел бы их компаративный анализ, поскольку немецкий ученый и бельгийская исследовательница рассматривают вышеупомянутые пары в рамках разных методологических полей: Шмитт в рамках политического, Муфф — в рамках *морального*. При этом мораль в рамках теории Муфф выполняет главную функцию политического — *разделение на противостоящие друг другу политические группировки*⁶. Однако если «Они» — это враги, то «Мы» предполагает не друзей (учитывая легкость перехода из сообщества друзей в стан врагов), а временную коалицию союзников и партнеров. Исходя из этого, Муфф рассматривает возможность избежать лобового столкновения (которое может в любой момент спровоцировать войну), переведя его в форму *агонизма*, соперничества (последнее предполагает заключение временных союзов, переговорных процессов и т.д.), в то время, как «для Шмитта враг — это не «антагонист», более того, у врагов не может быть никакого общего основания» [3, с. 171].

⁶ Переход функции понятия политического в область морали, связанной с религией (добро — зло), роднит концепцию Ш. Муфф с либерализмом, противником которого выступал сам Шмитт, для которого политическая формула, подразумевающая отсутствие врагов, означала бы голое администрирование.

Враг и война в учении К. Шмитта: попытка систематизации

Именно с возникновением римского права стало возможным разделение всего гражданского населения на законопослушных граждан и правонарушителей, а в рамках права народов это же разделение действует в отношении иностранцев. По меткому замечанию Шмитта, право народов в его первоначальном значении «в состоянии отличить врага, *hostis*, от грабителя и преступника» [7, с. 22 — 23].

Различение *враг* — *преступник* Шмитт проводит, используя критерий *публичное* — *частное*, поскольку сам характер права народов как прообраз международного права «делает» врага публичным, то есть тем, против кого можно объявить войну, с кем можно заключить мирное соглашение, вести переговоры и т.д. Таким образом, признание законного врага (*justus hostis*) инициирует рождение всякого международного права [7].

Несколько отвлекаясь от заданной темы, скажем, что востребованность теоретических разработок Шмитта французский исследователь Ален де Бенуа объясняет целым рядом событий и тенденций, происходящих в современном мире. «В этом отношении, — пишет Бенуа, — исследователей привлекают три сюжета: распространение терроризма, введение законов об исключительном положении, развитие войны» [2, с. 8]. Последний сюжет — развитие войны — в обязательном порядке предполагает рассмотрение темы врага и необходимость систематизации последнего.

В качестве первого критерия систематизации автор считает возможным предложить *пространственный фактор*, то есть зависимость характеристики врага от его локализации. В соответствии с этим фактором враг может быть квалифицирован как *внешний* (представитель другого политического единства) и *внутренний* (находящийся внутри того или иного суверенного пространства) с учетом того, что последний в этом случае выступает уже не в качестве врага, а в качестве *предателя*: «Может ли, например, подданный воюющего государства судить о правоте или неправоте своего правительства? Это породило бы гражданскую войну и анархию. А отдельный солдат? Это способствовало бы мятежу и *предательству*» [7, с. 193].

Вторым критерием выступает *временной фактор*, в соответствии с которым (с достаточно высокой долей условности) войны подразделяются на:

- религиозные войны периода Средневековья;
- межгосударственные (регулярные) войны (до подписания Версальского мира в 1919 г.);

— современные тотальные справедливые войны (после подписания Версальского мира)⁷.

Враг, порождаемый религиозной войной

В соответствии с разделением *религиозных войн* периода Средневековья на внутренние (конфессиональные гражданские войны) и внешние (Крестовые походы) враг также квалифицируется как *внутренний и внешний* и дискриминируется по религиозному принципу. Логика самого характера религиозной войны (как войны (добра со злом), не знающей временных рамок) диктует необходимость причислить еретика⁸ или (веро)отступника к врагам *вечным*. По этой же причине (зло в религиозной войне подлежит уничтожению) христианин не обязан возлюбить врага своего, если это враг его веры.

Рассматривая религиозные войны в качестве повода для разрешения политических противоречий и удовлетворения политических амбиций, Шмитт помещает врага, порождаемого религиозной войной, в область политического, что в корне меняет содержание христианского канона: христианин не обязан возлюбить врага своего народа.

Враг, порождаемый межгосударственной (регулярной) войной

Переход к Новому времени ознаменовал изменение характера войны; она становится дискриминационной: «По сравнению с жестокими религиозными и гражданскими войнами, которые по самой своей природе являются войнами на уничтожение и в которых противники взаимно дискриминируют друг друга как преступников и пиратов, и по сравнению с колониальными войнами, ведущимися против диких народов, это означает сильнейшую по своим последствиям рационализацию и гуманизацию войны» [7, с. 168 — 169]. *Межгосударственную (регулярную) войну* периода Нового времени Шмитт квалифицирует как *войну-дуэль*, а врага — как *дуэлянта и соперника*, с которым можно договориться. Именно это качество врага (возможность с ним договориться) предполагает равноправие в отношениях между суверенными воюющими державами (при этом такие цивилизационные признаки новых войн, как рационализация и гуманизация, порождают врага законного, юридически признанного («*justus*

hostis»), отличного от преступника и изверга [7, с. 97, 133, 166]). Следовательно, война-дуэль, в которой враг и преступник не одно и то же, подразумевает наличие суверенности врага (вражеского государства). Такая война желательна, по мнению Шмитта, для стран сухопутного номоса. Однако война-дуэль, а значит, и враг, порождаемый такой войной, не имеют прецедента в истории и в связи с этим зачастую характеризуются как утопия. При этом не стоит забывать, что согласно англосаксонской концепции дискриминационной войны как синтеза теологического (демонизация врага) и светского (криминализация врага) начала вражеские государства не могут обладать государственным суверенитетом, поскольку враг есть абсолютное зло и преступник одновременно. Как следствие, у них нет международной правосубъектности, а это значит, что они изначально лишены права собственности на имущество, банковские вклады, инвестиции и т.д.

Враг, порождаемый тотальной справедливой войной

Окончание Первой мировой войны обозначило очередную смену номосов, следствием чего стало изменение характера войны и типа врага. Переход от ограниченной (межгосударственной) войны-дуэли к *дискриминационной* произошел после заключения Версальского мира, и причиной этого стало доминирование политики США на европейском континенте, в результате чего враг из соперника трансформировался в:

- абсолютное зло (вечный враг);
- преступника (аналога тирана и пирата);
- партизана (аналога террориста);
- недочеловека (частичный отказ человеку в принадлежности к человеческому обществу);
- не-человека (нелюдь) (полный отказ человеку в принадлежности к человеческому сообществу).

Обращает на себя внимание тот факт, что враг-дуэлянт как участник межгосударственной войны исчезает и на его место приходит враг в качестве объекта *дискриминации* по нескольким основаниям: *религиозному* (враг как абсолютное зло), *уголовно-правовому* (враг как преступник, партизан и террорист), *расовому* (враг как недочеловек в силу принадлежности к низшей расе) и *ментальному* (враг как недочеловек в силу нормативного мышления, которое, по мнению Шмитта, препятствует корректному пониманию пространственного порядка) [7].

Исходя из того, что тотальная справедливая война содержит признаки дискрими-

⁷ Систематизация войн, предложенная автором, дает возможность создания соответствующей систематизации врага.

⁸ Еретики — проповедники-знатоки Священного Писания, не подконтрольные Святому престолу.

нации врага по различным основаниям, этот тип войны Шмитт классифицирует как *дискриминационный*. Такая война изначально принимает на себя некоторые признаки войны религиозной (но в «секуляризованном мире»), а уже в XX в. в связи с криминализацией действий глав государств, развязывающих войны, последние приобретают характер уголовного преступления. Шмитт, объясняя поворот к дискриминационному понятию войны, писал: «В понятии справедливости войны... всегда есть *латентное зерно дискриминации* незаконного противника и тем самым ликвидации войны как правового института. В таком случае война быстро становится не более чем карательной акцией...» [7, с. 137]. Следовательно, будучи дискриминационной по характеру, тотальная справедливая война⁹ может породить в итоге только *тотального врага*, который подлежит уничтожению.

Враг — абсолютное зло (вечный враг)

«Латентное зерно дискриминации», о котором пишет Шмитт, характеризуя тотальную справедливую войну, предполагает возврат к ее религиозному пониманию, согласно которому враг классифицируется как *абсолютное зло*. Такая характеристика врага наиболее характерна для политико-правовой системы США и политической риторики американских президентов. В 1983 г. американский президент Р. Рейган назвал Советский Союз *империей зла* и призвал весь свободный мир на войну с ней, а два десятилетия спустя Дж. Буш-младший использовал выражение *ось зла* в отношении Ирака, Ирана и Северной Кореи как политических режимов, которые спонсируют международный терроризм.

Понятие зло в политической риторике США играет роль нравственного мерил при определении правомерности действий противоборствующих сторон. Обязательный религиозный контекст при их использовании, во-первых, создавал (и создает) иллюзию объективности оценки, которую США «ставят» той или иной стране и ее политике (освобождая себя от необходимости хоть сколько-нибудь убедительного обоснования этой оценки) и, во-вторых, автоматически придавал (и придает) Соединенным Штатам статус государства-миссионера, богоизбранной нации [1, с. 71 — 80]. «Само собой разумеется, — отмечает люксембургский исследователь Норберт

⁹ В соответствии с определением Шмитта, «тотальная война, в противоположность регулярной, не признает никаких ограничений... В таком случае враг уже — не просто противник, с которым нужно помириться, а олицетворение зла, которое необходимо полностью уничтожить...» [Цит. по: 2, с. 38].

Кампания, — что зло не может обладать «равными правами» с добром: силы, воюющие за добро, присваивают себе все права, а силы, которых относят на сторону зла, видят, что их лишили всех прав...» [Цит. по: 2, с. 49].

На первый взгляд кажется, что теократический характер политико-правовой системы США объясняет апелляцию американского руководства к религиозному концепту зла. На самом же деле причина носит чисто политический характер: то право, которое присваивают себя США, оценивая то или другое государство как зло, берет свое начало в Доктрине Монро¹⁰ (1823 г.). Шмитт характеризует ее как «линию карантина, чумной кордон, изолирующий зараженный район (авт. — Европы) от здоровой области» (авт. — Западное полушарие) и на основании этой оценки делает вывод о том, что в США, в отличие от Европы, «различие между *добром* и *злом*, правом и несправедливостью, порядочными людьми и преступниками не запутано ложными ситуациями и ложными *habits*» [7, с. 417]. При этом Шмитт характеризует внешнюю политику США как «разделительную» и «изоляционистскую» линию, которой придается и политический смысл, и «мифологическая сила» [Там же].

Враг — преступник, партизан и террорист

Враг — преступник. Согласно уголовно-правовому критерию дискриминации враг характеризуется как *преступник, партизан и террорист* (в период Средневековья — *тиран* и *пират*). Напомним, что сразу после завершения Первой мировой войны и заключения Версальского мира возобладала политико-правовая позиция США, связанная с необходимостью криминализации действий тех глав государств, которые ответственны за развязывание агрессивных войн¹¹. Право-

¹⁰ Доктрина Монро — декларация внешней политики США (от 2-го декабря 1823 г.). В ней провозглашается принцип разделения мира на две системы государственного устройства (американскую и европейскую). Согласно этому принципу США не вмешиваются в дела Европы, а Европа, в свою очередь, обязуется не вмешиваться в дела США.

¹¹ В качестве примера Шмитт приводит попытку Англии и Франции провести судебный процесс над бывшим германским императором Вильгельмом II за развязывание Первой мировой войны. В качестве состава преступления, по поводу которого выдвигается обвинение, рассматривается тяжелейшее нарушение международных норм морали и святости договоров. Однако Нидерланды, на территории которых находился Вильгельм II, отклонили «направленное ему английским и французским правительством требование о его выдаче, аргументировав свой отказ тем, что это не допустимо в соответствии с международно-правовыми принципами классического *ius publicum* *Europaeum*. Оба вышеуказанных правительства более не настаивали на его выдаче» [7, с. 369].

вые идеи, касающиеся признания войны как преступления, нашли отражение в Женевском протоколе 1924 г. и пакте Бриана-Келлога 1928 г. Оба документа декларировали отказ от войны в качестве орудия внешней политики. С этого момента главы государств, развязавшие агрессивные войны или совершившие акты международного терроризма, признавались *преступниками* и подлежали нейтрализации в результате так называемой *международной полицейской акции* (в форме международной гуманитарной интервенции), в рамках которой американские вооруженные силы выполняют роль *международной полиции*. В связи с этим не война порождает врага определенного типа, а наоборот — сам враг определяет характер войны: «Наблюдаемое нами сегодня превращение войны в своего рода *полицейскую акцию*, направленную против нарушителей общественного спокойствия, преступников и вредителей, ко всему прочему должно способствовать и оправданию методов этого *police bombing* (полицейского бомбометания) [7, с. 475]. При этом вооруженные силы США, действуя как международная полиция, не считают себя агрессором, поскольку их военные акции (а именно: нападение на Югославию, Афганистан и Ирак) не подпадают под нормы пакта Бриана-Келлога 1928 г. Как отмечает А. де Бенуа, «в период между двумя мировыми войнами, в эпоху пакта Бриана-Келлога (1928 г.), «запрещение войны» заставит воюющие стороны *маскировать* собственные действия, представляя их в качестве *акций международной полиции*, чтобы их планы не выглядели *преступными*» [2, с. 50]. Для войны как полицейской акции (в отличии от войны межгосударственной) характерно отсутствие двух равноправных суверенных противников-дуэлянтов: «Поскольку война для ведущих ее сторон превращается в карательную акцию в смысле современного уголовного права, военный противник перестает быть *justus hostis*... Война упраздняется, но лишь потому, что *враги более не признают друг друга находящимися на одном моральном и юридическом уровне*» [7, с. 139 — 140]. Подобные отношения по принципу *субъект-объект* (в отличие от отношений *субъект-субъект* в рамках межгосударственной войны-дуэли) напоминают взаимодействия между колонизатором и объектом колонизации. Действительно, первооткрыватель новых земель может рассматриваться в качестве субъекта, при этом коренное население выполняет роль объекта, находясь на более низкой ступени эволюционного развития и позволяя, таким образом, субъекту обрести более высокий международно-правовой статус.

Враг — партизан и террорист. Если террорист всегда квалифицируется как преступник, то с партизаном ситуация не столь однозначна. Достаточно сказать, что Шмитт, будучи сторонником сухопутного номоса, считал партизана последним защитником права Суши, признавая почвеннический характер последнего. Тот факт, что партизан находится вне закона, а значит не обладает государственной легитимностью, отнюдь не означает, что война, которую он ведет, не легитимна: по мнению Шмитта, народный характер партизанской войны, ее справедливая природа, наделяет партизана как легальностью (правом, зафиксированным в законе), так и легитимностью (правом, данным народом).

Обращает на себя внимание определенное «родство» между партизаном и современным террористом, поскольку деятельность обоих носит нерегулярный характер. Однако террорист, в отличие от партизана, имеет *планетарный* характер деятельности. Следовательно, если *партизан* защищает конкретный порядок, то *террорист* пытается влиять на порядок универсальный. В этом смысле понятия партизан и террорист могут быть разведены *по линии конкретное — общее*.

Враг — недочеловек, нелюдь

Определенную сложность представляет собой анализ врага по *расовому* (враг — недочеловек в силу принадлежности к низшей расе) и *ментальному* (враг — недочеловек в силу нормативного менталитета и некорректного понимания пространственного порядка) основанию, поскольку интерпретация Шмиттом правовой системы Третьего рейха не считается официальной. Несмотря на то, что Шмитт был известен как «коронованный юрист Третьего Рейха» (клеймо, от которого ему было сложно избавиться до конца жизни), он не разрабатывал теории о расовом превосходстве истинных арийцев и не создавал новых расовых законов. И, тем не менее, определенное место в его трудах уделено тому типу врага, который находит свое воплощение в таких понятиях, как «нелюдь» и «недочеловек» (выступающих как значимая часть правовой системы Третьего Рейха): «Лишь вместе с человеком, понимаемым в смысле абсолютной полноты человеческой природы, и именно в качестве оборотной стороны того же самого понятия, появляется его специфически новый враг — *нелюдь*. Затем, после отделения нелюдей от людей, в истории человека произошло еще более глубокое разделение — последовавшее в XIX столетии разделение человека на *сверхчеловека* и *недочеловека*. Как человек приводит вместе с собой в историю нелюдя,

так и сверхчеловек с той же самой диалектической необходимостью в качестве своего врага-близнеца порождает недочеловека» [7, с. 103].

«Негочеловечность» врагов доказывалась Шмиттом не через призму расы, а через призму мышления. Отсутствие у евреев территории — даже при наличии у них Закона (Торы) — было поводом считать их мышление нормативным¹², а значит «вредным», поскольку именно такое мышление, по мнению Шмитта, приводит к *некорректному пониманию пространственного порядка*. Нормативизм, по мнению Шмитта, имея дело с абстрактными правилами, законами и законностью, во-первых, не способен зафиксировать постоянную флюктуацию, которая выступает в качестве имманентного признака политической действительности, а, во-вторых, не оперирует понятием пространства, а это значит, что «законы и правила» пишутся без учета связи между социумом и пространством: «Своеобразное натянутое отношение еврейского народа ко всему, что затрагивает почву, землю и территорию, обосновано в его роде политического существования. Связь народа с оформленной собственной работой ... и с вытекающими отсюда конкретными формами власти непонятна еврейскому духу» [8, с. 567]. Отсутствие такого пространства (в виде «почвы» и «крови»), то есть в виде государства и государственной территории), которые только и могут диктовать свои «понятия», делают природу человека «бессущностной», а значит, враждебной для всего остального мира.

Заключение

В мире XXI в. уже возникают новые центры силы, которые сложно отнести к цивилизации Суши или цивилизации Моря... Однако даже если предположить, что понятие политического [9] покинет Номос Земли, оно не исчезнет, а как бы «перетечет» в другую сферу, которая, на первый взгляд, может быть нейтральной и (подобно экономике или

медицине, географии¹³ или морали) далекой от ассоциации с полем брани. Но и там понятие политического будет вновь (как и прежде) разделять людей на друзей и врагов...

Каким будет мир следующего (четвертого) Номоса Земли? Шмитт не дает прямого ответа на этот вопрос, упоминая лишь, что только Гегель (с его законом диалектического развития) приблизился к «тайне нового Номоса Земли» [7, с. 19]. Очевидно, что в новом номосе международное право будет иным. Оттолкнувшись когда-то от права войны и права мира (Гроций), воплотившись впоследствии в структуре международного публичного и международного частного (для континентальных стран), международное право находит свое оригинальное воплощение в шмиттовском разделении на право Суши и право Моря. И если главное предназначение морского номоса заключалось в *размывании границ понятий* (за исключением политической формулы Ш. Муффа *Мы — Они*), то предназначение номоса сухопутного — в *удержании границ* между войной и миром, между публичным и частным, между международным и национальным, между цивилизацией и варварством, между добром и злом, между конкретным и общим, между врагом-дуэлянтом и врагом-преступником. При этом символика обоих номосов схожа: и Кит-Левиафан (как символ цивилизации Моря), и Бегемот (как символ цивилизации Суши) представляют собой земноводных животных. *И тот, кто противопоставляет Кита-Левиафана Бегемоту как неудачную аналогию антагонизма Суши и Моря, забывая при этом, что оба они родственники, живущие в воде, тот воюет с самим собой*. Непризнание такого очевидного для большинства политиков положения автоматически приводит человечество к необходимости ведения самых кровопролитных войн, а значит, и к признанию *вечного политического врага* как их порождения... Но несмотря на то, что в этих обстоятельствах не исключена угроза тотальной войны, Шмитт сохраняет надежду на ее предотвращение: «...нам удастся найти царство смысла на земле, и миротворцы унаследуют землю» [7, с. 19 — 20]¹⁴.

¹² Нормативный тип мышления, возникший в Германии, получил дальнейшее развитие в XIX в. из-за притока еврейского пришлого народа (Gastvolk), который на протяжении тысячелетий не имел ни государства, ни земли, но обладал законом и нормой права. Он [пришлый народ] не принадлежит к *действительности народа*, в котором он живет [11, S. 67]. Под *действительностью народа* понимается *действующий порядок (уклад) жизни народа* (wirkliche Lebensordnung des Volkes), который основан на равенстве арийского вида (Artgleichheit) и предполагает «нормативную действительность» (normative Wirklichkeit).

¹³ «Поэтому, несмотря на этот нейтралитет географической науки, вокруг географических понятий тотчас вспыхивает политическая борьба...» [7, с. 77].

¹⁴ На этом фоне достаточно пессимистической выглядит точка зрения вечного оппонента Шмитта Я. Таубеса, согласно которой подлинная политика — это движение к Апокалипсису (см. работу Таубеса «Западная эсхатология»). Следовательно, война, рассматриваемая Таубесом в свете линейного (апокалиптического) исторического процесса лишь, приближает конец света.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов Б. А. О соотношении концептов «зло» и «враг» в речах Р. Рейгана // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». — 2017. — № 1. — С. 71 — 80.
2. Бенуа Ален, де. Карл Шмитт сегодня: «Справедливая война», терроризм, чрезвычайное положение «Номос Земли» / пер. с фр. С. Денисова. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014. — 192 с.
3. Михайловский А. В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. — 2008. — № 9. — С. 158 — 171.
4. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана : Очерки по истории составления и общая характеристика. — Москва : Госюриздат, 1956. — 132 с.
5. Шишков А. В. Почему в теологии Карла Шмитта нет Бога? URL: <http://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-schmitta-net-boga/> (дата обращения: 02.12.2023).
6. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического / пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. — Санкт-Петербург : Наука, 2016. — 568 с.
7. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. — С. 5 — 478 с.
8. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. — С. 479 — 572.
9. Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. — Санкт-Петербург : Наука, 2016. — 568 с.
10. Яркеев А. В. К вопросу о возможности политической теологии: Карл Шмитт полемизирует с Эриком Петерсоном // Социологическое обозрение. — 2022. — Т. 21, № 2. — С. 189 — 213.
11. Rùthers B. *Entartetes Recht: Rechtslehren u. Kronjuristen im Dritten Reich*. — München : Beck, 1988. — 226 S.
12. Magee G. A. *The Hegel Dictionary*. — New York : Continuum, 2011. — 269 p.

REFERENCES

1. Antonov B. A. Correlating evil and enemy moral-religious concepts in the Ronald Reagan's speeches. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya» = RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*, 2017, no. 1, pp. 71 — 80. (In Russian).
2. Benoist, Alain de. *Carl Schmitt actuel. Guerre «juste» terrorisme état d'urgence «nomos de la terre»*. Paris, Krisis, 2007.
3. Mikhailovskii A. V. The Fight for Karl Schmitt. The Reception and Relevance of the Concept of Political. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2008, no. 9, pp. 158 — 171. (In Russian).
4. Pereterskii I. S. *Digesty Yustiniana: Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya harakteristika* [Digests of Justinian : Essays on the History and General Characteristics]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 132 p.
5. Shishkov A. *Why is there no God in Karl Schmitt's Theology?* URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/>. (In Russian).
6. Schmitt Carl. *Politische Theologie*. In Schmitt Carl. *Ponyatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen]. Saint Peterburg, Nauka Publ., 2016. 568 p.
7. Schmitt Carl. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Berlin, Duncker & Humblot, 1997. 308 S.
8. Schmitt Carl. *Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht*. Unveränderte Ausgabe der 4., erw. Aufl. Berlin, Leipzig, Dt. Rechtsverlag, 1941. Berlin: Duncker und Humblot, 1991.
9. Schmitt Carl. *Ponyatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen]. Saint Peterburg, Nauka Publ., 2016. 568 S.
10. Yarkeev A. V. Toward the question of the possibility of Political Theology: C. Schmitt argues with E. Peterson. *Sociologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 189 — 213. (In Russian).
11. Rùthers B. *Entartetes Recht: Rechtslehren u. Kronjuristen im Dritten Reich*. München, Beck, 1988. 226 S.
12. Magee G. A. *The Hegel Dictionary*. New York, Continuum Publ., 2011. 269 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонов Борис Александрович (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6, e-mail: heidel@rambler.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonov, Boris A. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Docent, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047, e-mail: heidel@rambler.ru).

ГЕНЕЗИС ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ: ЗНАЧЕНИЕ ФОРМАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА ПРАВА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 18 — 26.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.2.

Дата поступления 09.08.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблематике происхождения принципиального для юридической науки и практики явления — юридической силы, которой обладают как внешние оболочки нормативных текстов (нормативные правовые акты, нормативные договоры и другие формы объективного права), так и сами правовые нормы как общеобязательные правила социального взаимодействия. Вопросы образования и последующего действия категории «юридическая сила» рассматриваются с позиции воплощения данной категории в носителях регулятивной правовой информации — юридических нормах, которые нуждаются в устойчивых внешних оболочках (формальных источниках права). Автор определяет методологическое значение воздействия будущего формального источника права на образование и последующую реализацию юридической силы как абстрактной категории правовой системы. Особое внимание обращается на отражение значимости юридической силы через призму свойства общеобязательности в формальных источниках права. Автор устанавливает, что категория «юридическая сила» может существовать до образования конкретной внешней оболочки (формы) правового регулирования, однако для своего практического действия принципиально нуждается в ней. Принципиальное различие юридической силы, которой обладают нормы права, и формально-властной силы, которой обладают формальные источники права (главным образом — нормативные правовые акты, выражающие государственную волю) в вопросе генезиса категория «юридическая сила» связано с разграничением методик их определения и последующего практического значения. В этом смысле подчёркивается значение различия юридической силы правовых норм, нормативной силы индивидуальных правовых актов и публично-властной силы юридических документов. В статье приводятся примеры из современной теоретико-правовой литературы, обосновывающие необходимость исследования категории «юридическая сила» в контексте формальных источников права. Анализируются взгляды классических и современных авторов по отношению к категориям «юридическая сила» и «источник права», уточняется происхождение и содержание категории «юридическая сила». Сделаны выводы о принципиальной важности

факторов, определяющих генезис категории «юридическая сила», и признака общеобязательности объективного права; устанавливается объективный промежуток во времени для возникновения юридической силы норм права и формальных источников права как их внешних оболочек. Определяется наличие юридической силы у норм права, системно закреплённых в нормативном тексте (формальном источнике права).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Источник права; формальный источник права; юридическая сила; общеобязательность; государственная воля; форма права; типы понимания права; правовая система.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Спирин М. Ю. Генезис юридической силы: значение формального источника права // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 18–26. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.2.

UDC 340.130

M. Yu. Spirin
*Law institute of the
named after S. P. Korolyov
Samara national research university,
Samara, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4147-6297
ResearcherID: AAV-6126-2021*

GENESIS OF LEGAL FORCE: THE SIGNIFICANCE OF A FORMAL SOURCE OF LAW

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 18–26.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.2.
Received 09.08.2023, accepted 12.12.2023, available online
22.12.2023.

ABSTRACT

The article is devoted to the issue of the origin of a fundamental phenomenon for legal science and practice — legal force, which both the outer shells of normative texts (regulatory legal acts, normative contracts and other forms of objective law) have, and the legal norms themselves as generally binding rules of social interaction. The issues of formation and subsequent action of the category of «legal force» are considered from the standpoint of the embodiment of this category in the carriers of regulatory legal information — legal norms that need stable outer shells (formal sources of law). The author determines the methodological significance of the impact of the future formal source of law to genesis and the subsequent implementation of legal force as an abstract category of the legal system. Particular attention is drawn to the reflection of the significance of legal force through the prism of the property of universal validity in formal sources of law. The author establishes that the category of «legal force» may exist before the formation of a specific outer shell (form) of legal regulation, however, for its practical action, it fundamentally needs it. The fundamental distinction between the legal force possessed by the norms of law and the formal power possessed by formal sources of law (mainly normative legal acts expressing the state will) in the question of the genesis of the category «legal force» is associated with the distinction between methods for their determination and subsequent practical application. In this sense, the importance of

the difference in the legal force of legal norms, the normative force of individual legal acts and the public power of legal documents is emphasized. The article provides examples from modern theoretical and legal literature, substantiating the need to study the category of «legal force» in the context of formal sources of law. The views of classical and modern authors in relation to the categories «legal force» and «source of law» are analyzed, the origin and content of the category «legal force» are clarified. Conclusions are drawn about the fundamental importance of the factors that determine the genesis of the category «legal force» and the sign of the general obligatory nature of objective law; an objective period of time is established for the emergence of the legal force of the norms of law and formal sources of law as their outer shells. The existence of legal force for the norms of law, systematically fixed in the normative text (formal source of law), is determined.

KEYWORDS

Source of law; formal source of law; legal force; general obligation; state will; form of law; types of understanding of law; legal system.

FOR CITATION

Spirin M. Yu. Genesis of Legal Force: The Significance of a Formal Source of Law. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 18–26. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.2.

Введение

Категории «юридическая сила» и «формальный источник права» традиционно исследуются параллельно и взаимосвязанно. Стоит согласиться с тем обстоятельством, что определение содержания данных категорий выступает важной логической предпосылкой для выхода на глубинные, сущностные вопросы современной юридической науки и практики. В последние годы появилось немало интересных и цельных работ, посвящённых как природе формального источника права во взаимосвязи с качеством юридической силы, которым обладают различные виды такого источника [10; 4; 9; 16], так и природе юридической силы, которая рассматривается в зависимости от особенностей действия разнообразных формальных источников права [11; 12; 17].

Как в общей теории права, так и в отраслях национального права важным является решение вопроса об определении момента возникновения юридической силы, которую обретает каждая отдельная норма права. Как правило, этот момент определяется датой (временем) вступления в силу того формального источника права, в содержании которого располагается соответствующая норма права.

Так, нормы права, закреплённые в федеральных конституционных законах, федеральных законах и нормативных актах палат Федерального Собрания РФ, вступают в силу на основании правил, установленных в стро-

го определённом акте¹. То же можно сказать и о юридических нормах, содержащихся в нормативных правовых актах Президента РФ, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной ветви государственной власти². Таким образом, «общим местом» является комплексное обретение юридической силы целой группой (корпусом) норм права, располагающихся в формальном источнике права (в определённой форме права). Чаще всего в качестве такого формального источника права используется нормативный правовой акт, абстрактное содержание которого наиболее распространено в национальных правовых системах и конструкция которого предоставляет наибольшие возможности для комплексного (единовременного) обретения юридической силы многими системно связанными нормами права. По этому поводу примечательными являются рассуждения

¹ О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания : Федер. закон от 14 июня 1994 г. (в ред. от 1 мая 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 8. Ст. 801 (с последующими изменениями и дополнениями).

² О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента Рос. Федерации от 23 мая 1996 г. (в ред. от 3 марта 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2663.

Д. И. Здуновой, которая рассматривает юридическую силу в узком значении применительно к нормативным правовым актам: «под юридической силой нормативно-правового акта следует понимать обязательность любого нормативного акта, либо имеющего приоритет перед другими актами, либо самого подчиняющегося иным нормативно-правовым актам» [6, с. 155].

Из вышеуказанного фактически следует то, что единичная норма права сама по себе не может вступить в силу и, более того, не существует как полноценная норма права до обретения юридической силы. То есть, если она размещена в тексте проекта нормативного правового акта, то это — некая «проектная» (запланированная к действию) норма права. Проект нормы (как и проект закона) может как обрести юридическую силу, так и остаться без неё, не имея в этом случае никакого последующего регулятивного значения.

Но так ли это? Можно ли сказать о том, что единичная норма права всегда зависит в вопросе обретения юридической силы от внешней оболочки (формы права), внутри которой она расположена? И насколько это может определяться типом самого формального источника права?

Очевидно, что норма права, содержащаяся в нормативном правовом акте, будет обладать несколько иными свойствами в сравнении с юридической нормой, размещённой в судебном прецеденте и, тем более, — в правовом обычае. В контексте настоящей статьи нас интересует то свойство нормы права, которое напрямую связано с возникновением юридической силы этой нормы. Таким свойством (признаком) выступает общеобязательность.

В какой же момент времени норма права становится общеобязательной для последующей реализации субъектами? И насколько этот вопрос связан с типом формального источника права, в котором содержится эта норма?

Основная часть

Традиционный ответ на первый вопрос, как правило, устанавливает жёсткую связь общеобязательности как признака нормы права с государственной волей, которая облечена в форму властного решения конкретного органа публичной власти или его компетентного должностного лица, которое (властное решение) выступает в качестве формального источника права (часто — просто «источника права»). Иными словами, общеобязательность нормы права часто сопряжена исключительно

с её происхождением от государства, которое делегирует каждой норме права присущую государству властность [1, с. 65, 66—67]. В данном контексте стоит обратить внимание на знаковое утверждение С. Л. Зивса: «Источник права суть внешняя форма установления правовой нормы государством (или по поручению государства, или с санкции, одобрения, государства)» [8, с. 10]. Отсюда и общеобязательность как признак нормы права также напрямую производна от этой публичной (государственной) властности.

Однако в таком ответе можно усмотреть и определённую недосказанность. Во-первых, в этом случае речь идёт о закреплении норм права исключительно в нормативных правовых актах, поскольку даже использование конструкции нормативного договора (не говоря уже об иных видах формальных источников права) не может настолько однозначно «связать» публичную властность конкретного государства и общеобязательность норм права, действующих на территории этого государства.

Во-вторых, определённые сложности возникают с нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. В таком случае необходимо либо вовсе исключать возможность независимости местного самоуправления и включить соответствующие муниципальные органы в систему государственной власти, либо поставить под сомнение их возможность самостоятельно издавать формальные источники права. При этом публичный характер самих органов местного самоуправления определяет иерархию нормативных правовых актов, изданных ими в пределах своей компетенции, и подчинение этих актов системе НПА, созданных в установленном порядке органами государственной власти и их должностными лицами.

В-третьих, такое понимание общеобязательности норм права основывается исключительно на одном из вариантов позитивистского типа понимания права, а именно — на легизме. В этом случае, действительно, практически любое веление государственной власти, прошедшее необходимую процедуру закрепления в содержании нормативных правовых актов как важнейших формальных источников права, выступает в качестве единственного и окончательного основания общеобязательности всякой нормы права и, в целом, всего права [8, с. 10, 30—31, 35].

В то же время, несмотря на огромную популярность такого подхода, он не является единственным, и наблюдаемые сложности с такого рода легистским типом регулирования

социальных взаимодействий постоянно показывают необходимость учёта иных точек зрения на право, его природу, содержание, происхождение и возникновение самого признака общеобязательности юридических норм. Следовательно, как только мы хотя бы на шаг отходим от легистских представлений о праве (пусть даже имея в виду иные разновидности самого юридического позитивизма: нормативизм, аналитический позитивизм, социологический позитивизм, реалистический позитивизм *etc.*), так сразу причина возникновения общеобязательности формального источника права, а также — норм права, которые содержатся в этом формальном источнике, усложняется и становится многозначной.

Получается, что вопрос об основаниях общеобязательности каждой отдельной юридической нормы (как и более глобальные вопросы о причине общеобязательности всего объективного права и отражении этой общеобязательности в конструкциях формальных источников права) зависит от того, насколько мы готовы к учёту и рассмотрению различных типов понимания права [5, с. 8–9, 11; 15]. Значит, и сама юридическая сила как категория находится в зависимости от такого учёта и рассмотрения.

В этом случае, например, основанием юридической силы можно с равным успехом определять как государственную волю, проявленную в официальном нормативном решении (например, законе) для больших масс людей, так и волю каждого конкретного субъекта права, который в своём сознании и руководствуясь своими субъективными интересами и потребностями, реализует конкретную норму права, содержащуюся в этом официальном нормативном решении [14]. Само нормативное решение, не подкреплённое массой индивидуальных волей на его реализацию, становится ничем иным, как «мёртвым правом», но, с другой стороны, конкретная субъективная воля, направленная на выражение эгоистического интереса и не подкреплённая официальной властной позицией, может существовать исключительно как правовой произвол. То же можно сказать и про другие основания общеобязательности норм права, сопряжённые с идеями «народного духа» (историческая школа) или религиозными догматами (теологическая идея), социально-экономическими противоречиями в обществе (марксизм) или специальной ролью правоприменителей, в особенности — судей (правовой реализм). По сути, своеобразно «пересекая», «скрещивая», интегрируя указанные выше основные типы

понимания права, мы можем продвинуться к постижению истинной многофакторной причины общеобязательности норм права, которая, в свою очередь, определяет характеристику юридической силы.

В конечном итоге такой причиной становится не столько проявление государственной воли, сколько **сама объективная необходимость общества иметь основу для регламентации важнейших социальных взаимодействий**. Для простоты объяснения этой объективной необходимости общество может использовать создаваемый государственный аппарат как условную, «видимую» силу, с которой напрямую будет связана необходимость соблюдения, исполнения и надлежащего использования огромной массы норм права, закреплённых, в первую очередь, в нормативных правовых актах. При этом все иные формальные источники права и лежащие «в глубине» причины такой общеобязательности не могут отвергаться, но, напротив, предполагают пристальное и внимательное изучение.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, в какой момент времени норма права становится общеобязательной для своей последующей реализации, мы можем заметить, что этот момент времени не настолько определён, как это могут предусматривать конкретные нормативные правовые акты, примеры которых были упомянуты в начале настоящей статьи. По сути, общеобязательность нормы права начинает определяться именно тогда, **когда общество (его абсолютное большинство) начинает воспринимать необходимость начала действия именно этой нормы права для регламентации конкретного социального взаимодействия**. Такое восприятие выражается на уровне коллективного правосознания и реализуется в определённых моделях правомерного поведения участников этих социальных взаимодействий.

Теперь стоит вернуться ко второму вопросу, который был ранее обозначен: насколько проблема общеобязательности нормы права связана с типом формального источника права, в котором содержится соответствующая норма?

Решение данного вопроса возможно по двум направлениям:

- 1) иерархизация всех существующих формальных источников права;
- 2) определение статуса формального источника права, исходя из степени его современности и частотности применения на практике.

В первом случае необходимо рассматривать абсолютно все разновидности формаль-

ных источников права, характерные для национальных правовых систем с различными правовыми традициями: романо-германской, англо-американской, традиционной, религиозной и идеологической. Второе направление связано с изучением только тех формальных источников права, которые имеют наибольшую распространённость в условиях XX — XXI вв. применительно к конкретной правовой традиции (например, романо-германской) или, более того, — к конкретной национальной правовой системе (например, российской).

Если рассматривать соответствующую проблему с позиции формальной иерархизации, необходимо признать логическое равенство всех формальных источников права, вне зависимости от времени их возникновения и места в системе реально применяемых источников права в конкретной национальной правовой системе. В этом случае, например, как санкционированный органами публичной власти правовой обычай, так и даже несанкционированное, но реально действующее правовое обыкновение должны рассматриваться в равной степени наряду с многочисленными разновидностями нормативного правового акта в рамках решения вопроса об уровне (степени) общеобязательности тех норм права, которые выражены во всех этих столь разнообразных формальных источниках.

Второй подход более практичен, однако чреват «сползанием» в легизм, поскольку современность и частотность нормативного правового акта, издаваемого в установленном порядке органами государственной власти, не подвергается сомнению. При избрании такого варианта исследования нашей проблематики можно достаточно быстро сделать вывод, о котором уже говорилось ранее: вывод о нормативном правовом акте как «абсолютном короле» формальных источников права, сила которого (и норм, размещённых в нём) является наивысшей. Поэтому, кстати, в большинстве исследований, посвящённых проблематике юридической силы и её роли в правовой системе, рассматривается именно иерархия нормативных правовых актов, а сама юридическая сила определяется в качестве критерия их иерархии и соподчинённости. Так, Д. И. Здунова пишет, что «юридической силой можно назвать ... свойство, выражающее соотношение актов в правовой системе и определяющее их место в ней, а также качество, характеризующее влияние самих актов на установленные предписания или их влияние на другие акты» [6, с. 8; 7, с. 156]. Подобный подход также разделяет В. Г. Голубцов: «юридическая сила нормативно-правово-

го акта — это сравнительная категория для установления его места в иерархической системе актов» [3, с. 432].

Вышеприведённые рассуждения понятны, поскольку в своё время один из видных представителей монистического подхода в теории источников права С. Л. Зивс прямо указывал: «Иерархическая структура есть выражение разности юридической силы отдельных видов источников права и связанной с этим предустановленной соподчинённости источников права в органически цельной системе» [8, с. 35].

В условиях современной российской правовой системы иерархизация формальных источников права фактически означает иерархизацию нормативных правовых актов, в состав которых, как правило, включены как правовые обычаи, так и иные формальные источники права (например, принципы права, элементы правовой доктрины *etc.*). Помимо двух принципиальных видов нормативных правовых актов (законов и подзаконных НПА) нормы российского права содержатся в договорах нормативного содержания, которые также часто рассматриваются «примыкающими» к нормативным правовым актам или в качестве особой разновидности нормативных правовых актов [10, с. 134].

Следовательно, при решении данного вопроса с учётом потребностей современной юриспруденции и необходимости качественного регулирования новых социальных взаимодействий необходимо придерживаться **интегративного подхода**: рассматривать все существующие категории формальных источников права, определяя степень частотности их применения и не забывая при этом о цикличности развития формальных источников права в национальных правовых системах различных традиций, в первую очередь — романо-германской и англо-американской.

Так, если анализировать с точки зрения возможного решения заявленной проблемы различия в обретении юридической силы нормативного содержания разных видов формальных источников права, можно обратиться внимание на следующее.

Правовой обычай подчиняется действию правила *opinio iuris sive necessitatis*, то есть изначально требует определённого периода времени для обретения юридической силы (наиболее явно это демонстрируют международно-правовые обычаи). Исходя из своей природы, правовой обычай нуждается в длительном периоде своего действия и принципиальном согласии многих субъектов на

реализацию его юридических норм, что, как правило, подтверждается единообразным мнением специалистов и единообразной же практикой его применения.

Судебный прецедент оформляется как источник права не сразу, а лишь в результате его применения нижестоящими судами, причём, как справедливо указывали на это М. Н. Марченко и И. Ю. Богдановская, «в большинстве случаев прецедент создаётся не одним, а несколькими судебными решениями» [13, с. 560]; судебный прецедент, по сути, является финальным звеном целой логической цепочки аналогичных дел, которая формируется судьями [2, с. 15]. Тем самым, судебный прецедент обозначает логический итог единства и устойчивости судебной практики (*settled jurisprudence*), то есть это всегда — определённая «единая линия» таких судебных решений, следовательно, здесь также требуется время (пусть и не столь значительное) для обретения нормами прецедентного права соответствующей степени общеобязательности.

Юридическая доктрина приобретает силу опосредованно, через восприятие её основных положений и принципов соответствующими специалистами при решении конкретных практических вопросов. В этом случае период времени возникновения юридической силы норм, выраженных в доктрине, ещё более увеличен и максимально неопределён.

Наконец, в случае с нормативным правовым актом, выходя за пределы легистского типа понимания права, мы можем также предполагать необходимость определённого промежутка времени, который должен пройти с момента опубликования и введения в действие НПА до момента возникновения социальной ситуации, в рамках которой правосознание субъектов будет требовать реализации именно тех норм права, которые содержит этот нормативный правовой акт.

Заключение

Таким образом, определённый «временной задел» или промежуток во времени между официальным (или полуофициальным) введением формального источника права в действие и моментом реального обретения им (точнее — его нормами) юридической силы **всегда имеется**.

Как же этот «зазор во времени» может сказаться на признаке общеобязательности, исходя из того, что это — общее свойство всех норм права, содержащихся в любом формальном источнике права?

Как известно, категория общеобязательности представляет собой двусоставную

конструкцию, которая включает в себя свойство универсальности действия и свойство равной обязательности исполнения нормативных предписаний. Именно в этом смысле Ульпиан писал о праве в целом как об *ars boni et aequi*. Универсализм нормативного правового регулирования означает распространение модуса правовой регламентации (запрет, обязывание или управомочие) на все конкретные социальные взаимодействия определённого вида. Равная обязательность носит более субъектный характер и придаёт праву особое значение наиболее функционального социального регулятора, который требует от всех лиц определённой категории надлежащей реализации субъективных прав и исполнения юридически значимых обязанностей вне зависимости от частных свойств и личностных предпочтений.

Следовательно, общеобязательность — одно из основных свойств всего объективного права, равно как и каждой отдельной юридической нормы, содержащейся в оболочке формального источника права.

Происхождение общеобязательности такой нормы, сопряжённое с образованием её юридической силы, очевидно, связано с возникновением общего признака общеобязательности всего права в целом. То есть, посредством обретения группами норм права общеобязательности, всё объективное право постепенно «наполняется» такой общеобязательностью. На этот момент справедливо указывают С. Ю. Суменков и Е. А. Ларина, определяя то обстоятельство, что «юридическая сила находится в сложной диалектической взаимосвязи с правом: с одной стороны, именно право придаёт силе качество юридической; с другой — юридическая сила позволяет определять все регулятивные компоненты (в том числе и само право) как собственно правовые» [17, с. 3].

Именно в таком смысле объективное право, нормы которого регулируют разнообразные значимые социальные взаимодействия, представляет собой не просто функциональное явление, но знаковое достижение человеческой цивилизации.

Таким образом, определяя ключевые факторы, воздействующие на возникновение юридической силы и, вследствие этого, на обретение соответствующими нормами права своей общеобязательности при регулировании социальных взаимодействий, необходимо иметь в виду три обстоятельства:

- 1) **тип формального источника права**, в содержании которого располагаются нормы права;
- 2) **степень частоты использования** конструкции данного формального источника

права в конкретной национальной правовой системе;

3) **объективная необходимость использования** конструкции данного формального источника права.

С учётом указанных факторов подлежит объяснению как генезис юридической силы

в конкретной национальной правовой системе (например, в российском праве), так и возникновение данного явления в рамках целой правовой традиции, как романо-германской, так и других.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — 2-е изд. — Москва : Издат. дом «Право и государство», 2005. — 544 с.
2. Богдановская И. Ю. Прецедентное право. — Москва : Наука, 1993. — 239 с.
3. Голубцов В. Г. Юридическая сила нормативного правового акта, действие нормативного правового акта, применение нормативных правовых актов арбитражными судами // Пермский юридический альманах. — 2021. — С. 426—443.
4. Данилюк С. Е. Место категории «источник права» — в музее юридического позитивизма // Государство и право. — 2021. — № 5. — С. 68—80.
5. Дробышевский С. А., Данцева Т. Н. Формальные источники права. — Москва : Норма, 2011. — 160 с.
6. Здунова Д. И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. — 2016. — № 4. — С. 155—157.
7. Здунова Д. И. Юридическая сила правовых актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Казань, 2005. — 24 с.
8. Зивс С. Л. Источники права. — Москва : Наука, 1981. — 240 с.
9. Истоки и источники права: генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 482 с.
10. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р. Л. Хачатурова. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — 320 с.
11. Ларина Е. А. Феномен «юридической силы»: методологические подходы // Актуальные проблемы государства и права. — 2021. — Т. 5, № 17. — С. 22—38.
12. Ларина Е. А. Юридическая сила как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2021. — 30 с.
13. Марченко М. Н. Источники права. — 2-е изд. — Москва : Норма, 2014. — 672 с.
14. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. — Москва : Юрайт, 2016. — Ч. 2. — 421 с.
15. Реутов В. П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — № 2 (8). — С. 54—70.
16. Спирин М. Ю. Источник права: многообразие содержания и варианты решения логической проблемы // Теория государства и права. — 2022. — № 3 (28). — С. 229—235.
17. Суменков С. Ю., Ларина Е. А. Юридическая сила как общеправовой феномен (доктрина и практика). — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 144 с.

REFERENCES

1. Baitin M. I. *Sushchnost prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [Essence of Law (Modern Normative Law Enforcement on the Verge of Two Centuries)]. 2nd ed. Moscow, Pravo i gosudarstvo Publ., 2005. 544 p.
2. Bogdanovskaya I. Yu. *Pretsedentnoe pravo* [Case law]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 239 p.
3. Golubtsov V. G. Legal force of normative legal acts and their application by arbitration courts. *Permskii yuridicheskii almanakh = Perm legal almanac*, 2021, pp. 426—443. (In Russian).
4. Daniluk S. E. Place of "source of law" category — in the legal positivism museum. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2021, no. 5, pp. 68—80. (In Russian).
5. Drobyshevskii S. A., Dantseva T. N. *Formalnye istochniki prava* [Formal Sources of Law]. Moscow, Norma Publ., 2011. 160 p.
6. Zdunova D. I. The Nature of Legal Force of Regulatory Legal Acts. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2016, no. 4, pp. 155—157. (In Russian).
7. Zdunova D. I. *Yuridicheskaya sila pravovykh aktov. Avtoref. Kand. Diss.* [Legal Force of Legal Acts. Cand. Diss. Thesis]. Kazan, 2005. 24 p.
8. Zivs S. L. *Istochniki prava* [Sources of Law]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 240 p.
9. Romashov R. A. (ed.). *Istoki i istochniki prava: genezis i ehvolyutsiya* [Origins and Sources of Law: Genesis and Evolution]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2022. 482 p.
10. Khachaturov R. L. (ed.). *Istochniki i formy prava v sovremennoi yuridicheskoi nauke* [Sources and Forms of Law in Modern Legal Science]. Moscow, Yurlitiform Publ., 2021. 320 p.

11. Larina E. A. The Phenomenon of "Legal Force": Methodological Approaches. *Aktualniye problemy gosudarstva i prava = Actual Problems of State and Law*, 2021, vol. 5, iss. 17, pp. 22 – 38. (In Russian).
12. Larina E. A. *Yuridicheskaya sila kak obshchepравovoi fenomen. Avtoref. Kand. Diss.* [Legal Force as a General Legal Phenomenon. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2021. 30 p.
13. Marchenko M. N. *Istochniki prava* [Sources of Law]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2014. 672 p.
14. Petrazhitskii L. I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nравstvennosti* [Theory of Law and State in Relation to Moral Theory]. Moscow, Yurait Publ., 2016. Pt. 2. 421 p.
15. Reutov V. P. Types of Law Understanding and the Problem of Sources and Forms of Law. *Vestnik Permskogo universiteta = Perm University Herald. Yuridical sciences*, 2010, no. 2 (8), pp. 54 – 70. (In Russian).
16. Spirin M. Yu. Source of law: Diversity of content and options for solving a logical problem. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2022, no. 3 (28), pp. 229 – 235. (In Russian).
17. Sumenkov S. Yu., Larina E. A. *Yuridicheskaya sila kak obshchepравovoi fenomen (doktrina i praktika)* [Legal Force as a General Legal Phenomenon (doctrine and practice)]. Moscow, Yurlitiform Publ., 2023. 144 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Спирин Михаил Юрьевич (Самара) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва (443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34, e-mail: smy@samaradom.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Spirin, Mikhail Yu. (Samara) – Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor of the Theory and History of State and Law and International Law Department, Law Institute of the Samara National Research University (34 Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia, e-mail: smy@samaradom.ru).

УДК 349:608.3

И. А. Умнова-Конюхова

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6400-851X
Researcher ID: ABE-6095-2022*

О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВА БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КУРСА В БИОЮРИСПРУДЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ЗАДАЧ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 27 — 37.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.3.
Дата поступления 04.07.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью повышения правовой культуры в свете новых биологических угроз и вызовов, вызванных развитием биотехнологий и важностью формирования в этих условиях права биологической безопасности как нового образовательного курса в биоюриспруденции. Предметом исследования явились научные взгляды на биоюриспруденцию, на соотношение биоправа и права биобезопасности, а также правовые нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением биологической безопасности. В контексте имплементации международно-правовых стандартов в национальное право рассматриваются специальные меры, которые принимаются в Российской Федерации по обеспечению конвергенции международного права и российского законодательства в сфере биобезопасности. В процессе научного анализа обосновывается, что структура права биобезопасности сегодня уже частично определена содержанием специализированных законов о биобезопасности, а также другими законами, определяющими условия применения биотехнологий и биозащиты человека, доктринальными программно-стратегическими актами главы российского государства и исполнительной власти. Ставится задача совершенствования правовых основ биобезопасности в Российской Федерации. В работе использованы общие и специальные методы научного исследования: системного анализа, диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, формально-юридический. Цель работы: научно-практическое обоснование места права биологической безопасности в биоюриспруденции и определение его содержания как образовательного курса. Новизна исследования состоит в том, что автор поднимает вопрос о создании нового образовательного курса в биоюриспруденции — права биологической безопасности и предлагает структуру данного курса, опираясь на законодательство и научную доктрину.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовая культура; биоправовая культура; право биобезопасности; биюриспруденция; образовательный курс; биотехнологии.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00113 «Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и судебной защиты»¹.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Умнова-Конюхова И. А. О формировании права биологической безопасности как образовательного курса в биюриспруденции в контексте новых задач повышения правовой культуры // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 4. – С. 27–37. – DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.3.

UDC 349:608.3**I. A. Umnova-Koniukhova**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6400-851X
Researcher ID: ABE-6095-2022*

ON THE FORMATION OF BIOSAFETY LAW AS AN EDUCATIONAL COURSE IN BIOJURISPRUDENCE IN THE CONTEXT OF A NEW TASKS TO INCREASE LEGAL CULTURE

PUBLICATION DATA

*Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 27–37.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.3.
Received 04.07.2023, accepted 12.12.2023, available online
22.12.2023.*

ABSTRACT

The urgency of the article is conditioned by the need to increase the legal culture in the light of new biological threats and challenges caused by the development of biotechnologies and the importance of formation of the law of biosafety as a new educational course in biojurisprudence under these conditions. The research focused on scientific views on biojurisprudence, the relationship between biosafety law and biosafety law, as well as legal norms governing public relations arising from biosafety. In the context of the implementation of international legal standards in national law, special measures are being taken in the Russian Federation to ensure the convergence of international law and Russian biosafety legislation. In the process of scientific analysis, it is substantiated that the biosafety law structure is already partially determined by the content of specialized laws on biosafety, as well as other laws governing the conditions for the application of biotechnologies and human biosecurity, doctrinal program and strategic acts of the head of the Russian state and executive power. The aim is to improve the legal basis for biosafety in the Russian Federation. The article uses general and special methods of scientific research: system analysis, dialectical, formal-logical, comparative-legal, formal-legal. Purpose of the work: scientific and practical substantiation of the place of biosafety law in biojurisprudence and determination of its content as an educational course. The novelty of the study lies in the fact that the author raises the question of the creation of a new educational course in biojurisprudence – the law of biosafety and proposes the structure of this course, based on legislation and scientific doctrine.

¹ URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53915126>.

KEYWORDS

Legal culture; biolegal culture; biosafety law; biojurisprudence; educational course; biotechnology.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under Scientific Project No. 23-28-000113 «The Right to Biological Safety in the Russian Federation: Current Problems of Legal Regulation and Judicial Protection».

FOR CITATION

Umnova-Koniukhova I. A. On the Formation of Biosafety Law as an Educational Course in Biojurisprudence in the Context of a New Tasks to Increase Legal Culture. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 27 – 37. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.3.

Проблемы биологической безопасности вошли в число приоритетных направлений государственной политики по обеспечению национальной безопасности, безопасности личности, общества и государства. В условиях интенсивного развития биотехнологий и активизации научных разработок в сфере биологии для экономики, медицины, фармацевтики, сельского хозяйства, энергетики, в экологических, военных и иных целях, наряду с расширением возможностей по улучшению условий жизни, укреплению здоровья и роста долголетия человека, возникла широкая сеть биологических факторов и рисков для человека и человеческой цивилизации. По степени опасности для человечества эти факторы и риски стоят в одном ряду с ядерной угрозой и по последствиям воздействия носят глобальный характер.

Для противодействия опасным биологическим факторам и рискам необходима комплексная система мер, среди которых важное значение имеет не только определение соответствующих ориентиров в специализированной государственной политике, правовой деятельности и экономике (биополитике, биоправе и биоэкономике), но и разработка права биобезопасности как научной доктрины, межотраслевого правового комплекса и образовательного курса в биоюриспруденции. Введение данного курса позволит повысить уровень правовой культуры и сформировать биоправовую культуру как новый сегмент в системе правовых знаний и достижений в биоюриспруденции.

В современном праве весь спектр правотворческой, правоприменительной, научно-правовой и образовательно-правовой деятельности, связанной с биологией, внедрением биотехнологий и развитием биоинженерии синтезируется в новое понятие биоюриспруденция²,

² В самом широком понимании происхождение понятия биоюриспруденции связано с греческим словом «bios» — жизнь и латинским «juris prudentia» — знание о праве.

которая охватывает как правовые, так и этические нормы, создающие в единстве в рамках данного учения такие правовые комплексы как биоправо [4, с. 98 – 99] и право биоэтики [5, с. 193 – 194]. Российские и зарубежные ученые обоснованно обращают внимание на связи биоюриспруденции, с одной стороны, с биоправом и биоэтикой, и, с другой стороны, — с биотехнологиями, биомеханикой, биоантропологией и другими науками [1, с. 8 – 9; 9, с. 81 – 83].

В. П. Сальников и С. Г. Стеценко определяют биоюриспруденцию как новое научно-правовое образование, в основе которого лежит восприятие жизни человека в качестве наивысшей биосоциальной ценности, ее целью является обеспечение и защита правовыми способами жизни человека в связи с интенсивным развитием биологии и медицины [2, с. 191 – 192; 3, с. 32 – 33]. В привязке к функциональной характеристике правового воздействия на общественные отношения в современную эпоху **биоюриспруденция** — это юридически значимая деятельность, которая направлена на осуществление правового регулирования, правоприменения, проведения научных правовых исследований и осуществления правовых образовательных процессов как в сфере защиты и обеспечения биологических функций жизни человека и живых организмов, так и в области использования биотехнологий — технологий, возникших на стыке биологии и иных смежных с ней наук: биохимии, биофизики, биофармакологии, генетики, эмбриологии, информатики, кибернетики, робототехники и пр., изучающих возможности использования живых организмов, биологических систем, продуктов их жизнедеятельности для решения технологических задач, а также создания новых организмов, биологических систем и биопродуктов с заранее определенными признаками.

В таком функциональном понимании биоюриспруденция — более широкое поня-

тие, чем биоправо. Если биоправо как отрасль права — это совокупность правовых принципов и норм, то биоюриспруденция охватывает все виды деятельности, связанные с правотворчеством, правоприменением, правовой наукой и образованием. Соответственно и как наука, и как образовательный курс биоправо уже биоюриспруденции по содержанию и может быть отнесено к элементу последней.

В системе биоправа и биоюриспруденции особо выделяется **право биологической безопасности**, которое синтезирует правовые регуляторы, направленные на обеспечение безопасности жизнедеятельности в контексте защиты от опасности, возникающей от биологических факторов, рисков и угроз. Данная опасность значительно возросла в связи с интенсивным развитием биотехнологий и биоинженерии в XXI столетии.

Структурирование сфер деятельности в области применения биотехнологий, в том числе с использованием цифровых технологий, предполагает выявление значительного числа различных сегментов биоотношений, связанных между собой вокруг правового нарратива — «права биологической безопасности».

Биоюриспруденция, направленная на обоснование создания и реализацию права биобезопасности, охватывает формирование и реализацию правовых научных и образовательных программ, касающихся:

— подготовки и переподготовки кадров для приоритетных направлений развития биотехнологий в сфере биоэкономики, для обеспечения биополитики и биоправа, биосоциализации и биоправовой культуры;

— разработки и внедрения новых образовательных программ высшего образования и дополнительных образовательных программ в рамках специальности «Правоведение», касающихся использования биотехнологий;

— биоправового и биоэтического образования и воспитания.

Разработка для правоведения образовательного курса — права биобезопасности как раздела биоюриспруденции подразумевает ознакомление со специальными знаниями в области биологии и знаниями на стыке биологии с другими отраслями — медициной, экологией, генетикой, зоологией, фармакологией и др.

Структура права биобезопасности сегодня уже частично определена содержанием специализированных законов о биобезопасности, а также другими законами, определяющими условия применения биотехнологий и затрагивающих вопросы биозащиты человека, а также доктринальными программно-стратегическими актами глав государств

и исполнительной власти. Для российского образовательного курса по праву биобезопасности, ориентиром и правовой базой для составления программы спецкурса «Право биологической безопасности» являются федеральные законы «О биологической безопасности в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ (далее — ФЗ № 492); «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ; «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ; «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ; «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ; «О биомедицинских клеточных продуктах» от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ и другие, связанные с биотехнологиями, обеспечением жизни и здоровья человека.

В Российской Федерации содержание данного образовательного правового курса определяют также Указы Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»; от 11 марта 2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»; от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»; Постановление Правительства РФ от 27 октября 2008 г. № 791 «О федеральной целевой программе «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009 — 2014 годы)» и другие нормативные правовые акты в области биологической безопасности.

Исходя из содержания перечисленной выше правовой базы, в образовательный курс высшего образования «Право безопасности» следует включить, как минимум, следующие разделы:

1. Право биологической безопасности как правовой комплекс, правовая наука и образовательный курс: общая характеристика и основные институты.

2. Правовое противодействие опасным биологическим факторам и биологическим рискам.

3. Правовое регулирование биологической защиты от биологических угроз и вызовов; защита от потенциально опасных биологических объектов.

4. Генетическая безопасность и правовые пределы генно-инженерной деятельности, нейробиологии и нейромедицины.

5. Правовое регулирование деятельности по обеспечению биологической безопасности.

6. Государственная информационная система в области обеспечения биологической безопасности.

7. Ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения биологической безопасности за нарушение законодательства.

8. Международное сотрудничество в области обеспечения биологической безопасности.

В первом разделе, посвященном праву биологической безопасности, дается определение биологической безопасности как правовой категории, раскрывается структура и содержание права безопасности, устанавливается круг субъектов и объектов биологической безопасности; раскрывается соотношение с другими видами безопасности, обеспечиваемыми правом. При уяснении смысла биологической безопасности важно иметь исходные знания в сфере биологии и синтетической биологии.

Специальные знания несет второй раздел образовательного курса: «Опасные биологические факторы и биологическим риски». Опасные биологические факторы структурируются в ФЗ № 492-ФЗ как «событие, условие, свойство, эпидемический, эпизоотический, эпифитотический процессы или их комбинация, являющиеся причиной возможного воздействия патогенных биологических агентов (патогенов), паразитических организмов и содержащих их объектов, которые способны нанести вред здоровью человека, животным и (или) растениям, продукции животного и (или) растительного происхождения и (или) окружающей среде».

Следует отметить, что к числу биологически опасных факторов федеральный законодатель относит лишь инфекции (инфекционные болезни), получающие массовое распространение, в то время как важно учитывать и другие факторы — научные исследования и лабораторные эксперименты, связанные с биологическими, в том числе с генетическими, характеристиками человека и всего живого; использование биологического оружия в военных конфликтах; природные катаклизмы и катастрофы, аварии и диверсии на потенциально опасных биологических объектах, способные повлиять на жизнь, здоровье и биологические характеристики человека, животных и других живых организмов и др.

Раздел третий посвящен правовой защите от биологических угроз и вызовов, потенциально опасных биологических объектов. Согласно п. 6 ст. 1 ФЗ № 492-ФЗ биологическая

защита — это комплекс мер по обеспечению биологической безопасности, осуществляемых в целях предотвращения или ослабления неблагоприятного воздействия опасных биологических факторов на человека, животных и растения.

Биологическая угроза (опасность) определяется как наличие потенциально опасных биологических объектов, а также наличие внутренних (находящихся на территории Российской Федерации) и внешних (находящихся за пределами территории Российской Федерации) опасных биологических факторов, способных привести к возникновению и (или) распространению заболеваний с развитием эпидемий, эпизоотий, эпифитотий, массовых отравлений, превышению допустимого уровня биологического риска (п. 5 ст. 1 ФЗ № 492-ФЗ). К ним относятся, в частности, изменение свойств и форм патогенов, а также свойств и мест обитания их переносчиков; возникновение профессиональных заболеваний вследствие выполнения работ с использованием патогенов; возникновение и распространение новых инфекций, занос и распространение редких и (или) ранее не встречавшихся на территории Российской Федерации инфекционных и паразитарных болезней, возникновение и распространение природно-очаговых, возвращающихся и спонтанных инфекций; инфекций, являющихся основной причиной смертности от инфекционных заболеваний, а также распространение инфекций животных и растений, причиняющих ущерб сельскому хозяйству и вред окружающей среде; инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи и с осуществлением ветеринарной деятельности; проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии; нарушение нормальной микробиоты человека, сельскохозяйственных животных и растений, приводящее к возникновению и распространению связанных с этим заболеваний; возникновение аварий, осуществление террористических актов и (или) диверсий на объектах, где находятся источники биологической угрозы (опасности) и (или) проводятся работы с использованием патогенов; осуществление террористических актов и (или) диверсий с использованием патогенов, применение биологических технологий и иных смежных технологий для разработки, производства и использования патогенов в качестве биологического оружия, а также бесконтрольное осуществление опасной технологической деятельности, в том числе с использованием генно-инженерных технологий и др. (ст. 8 ФЗ № 492-ФЗ).

В образовательном курсе законодательное определение биологической угрозы следует расширить, добавив в это понятие все виды опасных биофакторов, которые способны нанести урон биологической идентичности, биологической природе и биологическому развитию как отдельного человека, так и человечества в целом. Речь идет, в частности, и о таких факторах, как злоупотребление биоинженерией, проведение преобразований человека и экспериментов над ним.

В связи с беспрецедентно высокими достижениями в геномной инженерии, нейробиологии и нейромедицине, важное значение в образовательном курсе имеет раздел четвертый. В нем следует сформировать знания об институциональных и правовых гарантиях генетической безопасности, правовых пределах геномной инженерной деятельности, нейробиологии и нейромедицины.

В институциональном контексте в данном разделе изучается система безопасности в области геномной инженерной деятельности. Согласно ст. 7 Федерального закона «О государственном регулировании в области геномной инженерной деятельности» от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ общая координация и разработка системы безопасности в области геномной инженерной деятельности осуществляются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. Юридические лица и граждане (физические лица), осуществляющие геномную инженерную деятельность, обязаны обеспечить биологическую и физическую защиту работников организаций, осуществляющих геномную инженерную деятельность, населения, окружающей среды в соответствии с уровнями риска потенциально вредного воздействия геномной инженерной деятельности на человека и окружающую среду.

В зависимости от степени потенциальной опасности, возникающей при осуществлении геномной инженерной деятельности, для замкнутых систем законодательно устанавливаются четыре уровня риска потенциально вредного воздействия геномной инженерной деятельности на здоровье человека. I уровень риска соответствует работам, которые не представляют опасности для здоровья человека, и сопоставим с риском при работе с непатогенными микроорганизмами; II уровень — работам с незначительной опасностью для здоровья человека, сопоставимым с опасностью при работах с условно-патогенными микроорганизмами; III уровень — работам с умеренной опасностью для здоровья человека, сопоставимым с опасностью при работах с микроорганизмами, потенциально способными к пере-

даче инфекции; IV уровень — работам, представляющим опасность для здоровья человека, сопоставимым с опасностью при работах с возбудителями особо опасных инфекций. К III или IV уровню риска относятся также работы, проводимые с микроорганизмами в замкнутых системах в масштабе, превышающем лабораторные исследования.

В рамках данного раздела изучаются правовые пределы производства и использования геномно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации. В настоящее время данные организмы и продукция подлежат государственной регистрации в порядке, установленном Правительством РФ. Мониторинг воздействия на человека и окружающую среду геномно-инженерно-модифицированных организмов и продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, осуществляется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в порядке, установленном Правительством РФ.

По четвертому разделу правоведам также необходимо изучить правовые требования к лицам, которые осуществляют геномную инженерную деятельность. Согласно ст. 8 Федерального закона «О государственном регулировании в области геномной инженерной деятельности» к занятию геномной инженерной деятельностью допускаются: граждане (физические лица), профессиональная подготовка и состояние здоровья которых соответствуют требованиям правил безопасности геномной инженерной деятельности; юридические лица, имеющие соответствующие помещения, оборудование и работников.

Геномная инженерия развивается в тесной связке с нейробиологией и нейромедициной. Вместе с тем данная область человеческой жизнедеятельности, влияющая на биобезопасность и способная создать биологические риски угрозы практически не регулируется российским законодательством. Это касается в том числе и Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.

Нейробиология как относительно новая наука, комплексно изучает нервную систему: ее устройство, функционирование, развитие, генетику, биохимию, физиологию и патологию. Нейробиология также изучает поведение, так как охватывает разные уровни орга-

низации — от молекулярного до системного, погружая в молекулярную биологию и биохимию, с одной стороны, и в нейропсихологию (наука на стыке с психологией), с другой. Идея признания нейроправа была высказана Дж. Шерродом Тейлором в 1991 году в статье в журнале «Нейропсихология», посвященной анализу роли психологов и юристов в системе уголовного правосудия [8, с. 293]. Сегодня нейроправо рассматривается как область междисциплинарных исследований по влиянию открытий в нейробиологии на правовые нормы и стандарты [7, с. 53—34. 9, с. 53]. Нейроправо опирается на общую и когнитивную неврологию, философию, социальную психологию, криминологию. Этот новый правовой комплекс в целом должен определить правовые требования о том, как неврология должна и не должна использоваться во благо человека и его биологической сущности.

Пятый образовательный раздел с общим названием «Правовое регулирование деятельности по обеспечению биологической безопасности» включает основные задачи и направления деятельности по обеспечению биологической безопасности; организацию комплекса мер, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз и вызовов (опасностей), создание и развитие системы мониторинга биологических рисков. В данном разделе также должны изучаться полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, права и обязанности граждан и организаций в области обеспечения биологической безопасности.

Отдельное внимание в этом разделе должно быть уделено предупреждению и предотвращению аварий и (или) диверсий на потенциально опасных биологических объектах, иных преднамеренных биологических угроз (опасностей), бесконтрольного осуществления опасной техногенной деятельности в области биологии, террористических актов и (или) диверсий с использованием патогенов. Согласно ст. 12 ФЗ № 492-ФЗ для предупреждения и предотвращения аварий и (или) диверсий на потенциально опасных биологических объектах осуществляются такие меры, как обеспечение соблюдения установленных законодательством Российской Федерации норм и правил, определяющих порядок работы с патогенами; использование строительных, конструкторских и технологических решений, препятствующих выходу патогенов из

рабочей зоны и их циркуляции вне этой зоны, а также исключаящих их попадание в окружающую среду; обеспечение физической защиты потенциально опасных биологических объектов от несанкционированного доступа. Проводятся также профилактические мероприятия организациями, эксплуатирующими потенциально опасные биологические объекты.

В рамках рассматриваемого раздела важно ознакомиться с перечнем потенциально опасных биологических объектов, порядком осуществления мер по предотвращению аварий и (или) диверсий на таких объектах, а также порядком осуществления мер по локализации и ликвидации зон биологического заражения, возникших вследствие аварий и (или) диверсий, утверждаемым Правительством РФ.

В условиях стремительного развития цифровых технологий представляется целесообразным введение отдельного, шестого образовательного раздела, посвященного Государственной информационной системе в области обеспечения биологической безопасности. Согласно ст. 14 ФЗ № 492-ФЗ в целях управления биологическими рисками, обеспечения обмена информацией между федеральными государственными органами, государственными органами субъектов РФ и органами местного самоуправления при осуществлении их взаимодействия в области обеспечения биологической безопасности формируется государственная информационная система в области обеспечения биологической безопасности. Формирование государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности осуществляется на основе статистических и иных сведений, предоставляемых государственными органами и (или) находящимися в их ведении организациями.

Состав и порядок предоставления сведений, содержащихся в государственной информационной системе в области обеспечения биологической безопасности, а также используемые для их обработки информационные технологии и технические средства определяются Правительством Российской Федерации (ч. 3).

Создание, развитие, ввод в эксплуатацию, эксплуатация и вывод из эксплуатации государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности и дальнейшее хранение содержащейся в ее базе данных информации, а также защита обрабатываемой информации в указанной государственной информационной системе осуществляется в соответствии с установленными

ми Правительством Российской Федерации требованиями к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации.

Седьмой раздел «Ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения биологической безопасности за нарушение законодательства» выходит на междисциплинарный правовой уровень, так как синтезирует знания об уголовной, административной, дисциплинарной и иной ответственности, устанавливаемой в законодательстве Российской Федерации.

Интенсивное развитие получает сегодня институт правовой ответственности за злоупотребление биоинженерией, который предопределяется конституционными и законодательными запретами на определенные виды деятельности в биоинженерной сфере (например, запрет на клонирование, на редактирование генов, на смену пола и т.д.; ограничения в репродуктивной деятельности, в производстве ГМО и пр.). Нарушение запретов влечет соответствующую административную, уголовную, дисциплинарную и иную ответственность. Например, согласно ст. 6.21 КоАП РФ пропаганда смены пола, либо навязывание информации о смене пола, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влечет соответствующую административную ответственность в виде штрафа или приостановления деятельности.

В главе 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» установлена ответственность за совершение целого ряда правонарушений, касающихся биобезопасности: это нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6.3) и в области генно-инженерной деятельности (ст. 6.3.1); нарушение санитарно-эпидемиологических требований к питьевой воде или организации питания населения (ст. 6.5 и 6.6); несоблюдение санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления (ст. 6.35) и др.

В ст. 248 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами. Предусмотрена ответственность за два состава уголовных преступлений:

– нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, если это повлекло причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия (в качестве наказания предусматривается штраф либо обязательные, исправительные или принудительные работы, либо лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового);

– то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека (в качестве наказания предусматриваются обязательные, исправительные либо принудительные работы, либо лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет).

Признание в Российской Федерации в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы Российской Федерации подразумевает отдельное внимание к международному правому сотрудничеству в области обеспечения биологической безопасности. Этому должен быть посвящен, как представляется, завершающий раздел предлагаемого образовательного курса.

Россия является участником многих международных договоров, связанных с биобезопасностью. Согласно ст. 14 ФЗ № 492-ФЗ в целях предотвращения, нейтрализации и устранения биологических угроз (опасностей) уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, а также организации, уполномоченные в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляют в пределах своей компетенции международное сотрудничество по таким направлениям как укрепление режима Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении в целях обеспечения полного запрета биологического оружия (КБТО), а также расследование случаев предполагаемого применения биологического и токсинного оружия; предотвращение террористических актов и (или) диверсий с использованием патогенов и ликвидация последствий их совершения; безопасное обращение с патогенами. Также осуществляется интеграция Российской Федерации в межгосударственные и международные системы обеспечения биологической безопас-

ности и в иные международные объединения, участие в международном научном обмене в указанной сфере; представление интересов Российской Федерации в международных организациях, в организациях и структурах регионального и национального уровней в области обеспечения биологической безопасности российскими экспертами и представителями уполномоченных специализированных организаций.

В Российской Федерации принимаются специальные меры по обеспечению конвергенции международного права и российского законодательства. Наряду с КБТО, в разделе международного сотрудничества целесообразно ознакомиться с другими международными договорами, в той или иной мере, связанными с биологической безопасностью. Речь идет, в частности, о Конвенции о биологическом разнообразии, принятой в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 года и протоколах к ней (Картахенский договор по биобезопасности 2000 г., Нагойский протокол 2010 г.). Картахенский Протокол по биобезопасности направлен на защиту биологического разнообразия от потенциальных рисков, создаваемых генетически модифицированными организмами, являющимися результатом современной биотехнологии. Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и справедливом распределении выгод от их использования к Конвенции о биологическом разнообразии, также известный как Нагойский протокол о доступе и совместном использовании выгод (ABS), является дополнительным соглашением 2010 года к Конвенции о биологическом разнообразии 1992 года (CBD). В рамках Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. (ст. 14.2) и Картахенского протокола по биобезопасности 2000 г. (ст. 27) разработан проект Международных правил и процедур в области ответственности и возмещения за ущерб, причиненный в результате трансграничных перемещений живых измененных организмов.

Российская Федерация в 1995 г. ратифицировала Конвенцию по биологическому разнообразию, взяв при этом на себя ряд обязательств, в том числе обязательство по разработке национальной стратегии по сохранению биоразнообразия. Стратегия была принята 5 июня 2001 г. на Национальном форуме по сохранению биоразнообразия и получила дальнейшее развитие в Стратегии и Плана действий по сохранению биологического разнообразия в Российской Федерации, утвержденных Министерством экологии и природных ресурсов в 2014 году.

Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» (п. 14, подп. 9) к основным задачам отнесено присоединение России к Картахенскому протоколу по биобезопасности, к Конвенции о биологическом разнообразии, к Нагойскому протоколу регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии, к Нагойско-Куала-Лумпурскому дополнительному протоколу об ответственности и возмещении за ущерб к Картахенскому протоколу по биобезопасности. Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2019 г. № 1906-р утвержден План мероприятий по реализации этих задач.

Еще один важный для России международный договор — Конвенция Совета Европы от 4 апреля 1997 г. о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, которая направлена на запрещение неправомерного использования инноваций в биомедицине и на защиту человеческого достоинства (ETS № 164). Этот международный договор полностью посвящен био праву. Российская Федерация подписала Конвенцию в 1998 году, и ратифицировала ее в 2000 году. К Конвенции прилагаются протоколы о запрещении клонирования, о трансплантации, о биомедицинских исследованиях, о генетическом тестировании в медицинских целях.

ETS № 164 устанавливает, что медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие. При этом лицо может в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие. Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека. ETS № 164 не допускает использование вспомогательных медицинских технологий деторождения в целях выбора пола будущего ребенка, за исключением случаев, когда это делается с тем, чтобы предотвратить наследование будущим ребенком заболевания, связанного с полом. Создание эмбрионов человека в исследовательских целях также запрещается.

Особого внимания заслуживает Декларация ООН о клонировании человека от 8 марта

2005 г. (Резолюция 59/280 ГА ООН), которая содержит призыв к государствам-членам запретить все формы клонирования людей в той мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни, принять меры для защиты человеческой жизни и предотвращения эксплуатации женщин в процессе применения биологических наук. В России принят Федеральный закон 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (далее ФЗ № 54), который вводит временный запрет клонирования человека и замораживает исследования в этой области, то есть фактически не запрещает этот вид биоинженерной деятельности. Временный запрет на клонирование человека вводится, исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека. С учетом перспективы использования имеющихся и разрабатываемых технологий клонирования организмов предусматривается возможность продления запрета на клонирование человека или его отмены по мере накопления научных знаний в данной области, определения моральных, социальных и этических норм при использовании технологий клонирования человека. Согласно ст. 3 ФЗ № 54 запрещается ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с ее территории клонированных эмбрионов человека. Рассматриваемый ФЗ в ст. 1 содержит определение клонирования человека,

под которым понимается «создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека». В Законе также определяется понятие эмбриона человека — зародыша человека на стадии развития до восьми недель.

Таким образом, образовательный курс «Право биобезопасности» должен охватывать целый комплекс таких вопросов, как понятие и содержание права биобезопасности как сложносоставного института права, правовой науки и образовательного курса; правовой механизм противодействия опасным биологическим факторам и биологическим рискам, биологической защиты от биологических угроз и вызовов, защиты от потенциально опасных биологических объектов; генетическая безопасность и правовые пределы генно-инженерной деятельности, нейробиологии и нейромедицины; правовое регулирование деятельности по обеспечению биологической безопасности; государственная информационная система, правовая ответственность и международное сотрудничество в области обеспечения биологической безопасности. Данный курс подразумевает широкий спектр знаний на стыке биологии, права, экономики, медицины и других смежных отраслей человеческой жизнедеятельности. Их синтез в рассматриваемом образовательном курсе позволит сформировать биоправовую культуру как обязательный компонент безопасности человека, населения, общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнев В. Н. Биоюриспруденция — новое направление в праве и юридической науке XXI века // Правосудие. — 2021. — Т. 3, № 4. — С. 8—15.
2. Левушкин А. Н. Биополитика, биомедицина, биоэтика, биоправо: синергия биотехнологий // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры гражданского права Ин-та права Башкир. гос. ун-та, Уфа, 22 апр. 2022 г. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2022. — С. 173—177.
3. Мохов А. А. Биоправо и стратегия его развития в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 2. — С. 201—210.
4. Пуртова С. К. Правовое регулирование биотехнологий: мировой опыт развития биоправа и биоэтики // Проблемы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 61—66.
5. Сальников В. П., Стеценко С. Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — № 10. — С. 190—197.
6. Сальников В. П., Стеценко С. Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. — 2015. — № 1. — С. 32—33.
7. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 41. — С. 98—118.
8. Холодова Е. И., Туршук Л. Д. Биоэтика и права человека: международно-правовое регулирование и пути имплементации // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3. — С. 193—198.
9. Petoft Arian. Neurolaw: A brief intr // Iranian Journal of Neurology. — 2015. — № 14 (1). — P. 53—58.
10. Petoft Arian. A Historical Overview of Law and Neuroscience: From the Emergence of Medico-Legal Discourses to Developed Neurolaw // Archivio Penale. — 2019. — № 1 (3). — P. 1—42.

11. Taylor J. Sh., Harp J. A., Elliott T. Neuropsychologists and Neurolawyers // *Neuropsychology*. — 1991. — Vol. 5, iss. 4. — P. 293–305.

12. Tokarchik R. A. *Biojurisprudencja: Podstawy prawa dla XXI wieku*. — Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2008. — 109 s.

REFERENCES

1. Kornev V. N. Biojurisprudence is a New Direction in Law and Legal Science of the XXI Century. *Pravosudie = Justice*, 2021, vol. 3, no. 4, pp. 8–15. (In Russian).

2. Levushkin A. N. Biopolitics, Biomedicine, Bioethics, Biolaw: Synergy of Biotechnologies. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu kafedry grazhdanskogo prava Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ufa, 22 aprelya 2022 g.* [Modern Problems and Prospects of Development of Private Law and Public Law Regulation. Materials of the V International Scientific and Practical Conference Devoted to the 20th Anniversary of the Civil Law Department of the Law Institute of the Bashkir State University, Ufa, April 22, 2022]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2022, pp. 173–177. (In Russian).

3. Mokhov A. A. Biolaw and its Development Strategy in the Russian Federation. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no 2, pp. 201–210. (In Russian).

4. Purtova S. K. Legal Regulation of Biotechnologies: World Experience in the Development of Biological Law and Bioethics. *Probely v rossiiskom zakonodatelstve = Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 61–66. (In Russian).

5. Salnikov V. P., Stetsenko S. G. Biojurisprudentsiya: Problem similar legal delineated from the design offers. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost = Legal science: history and the presence*, 2013, no. 10, pp. 190–197. (In Russian).

6. Salnikov V. P., Stetsenko S. G. Legal Thanatology as an Integral part of Biojurisprudence. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost = Legal science: history and the presence*, 2015, no. 1, pp. 32–33. (In Russian).

7. Umnova-Koniukhova I. A., Aleshkova I. A. Bio-Law as a new generation of Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 41, pp. 98–118. (In Russian).

8. Kholodova E. I., Turshuk L. D. Bioethics and Human Rights: International legal regulation and ways of its implementation. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017 no. 3, pp. 193–198. (In Russian).

9. Petoft Arian. Neurolaw: A brief intr. *Iranian Journal of Neurology*, 2015, no. 14 (1), pp. 53–58.

10. Petoft Arian. A Historical Overview of Law and Neuroscience: From the Emergence of Medico-Legal Discourses to Developed Neurolaw. *Archivio Penale*, 2019, no. 1 (3), pp. 1–42.

11. Taylor J. Sh., Harp J. A., Elliott T. Neuropsychologists and Neurolawyers. *Neuropsychology*, 1991, vol. 5, iss. 4, pp. 293–305.

12. Tokarchik R. A. *Biojurisprudencja: Podstawy prawa dla XXI wieku*. [Biojurisprudence. Foundations of Law for the Twenty-First Century]. Lublin, Maria Curie-Sklodowska University Publ., 2008. 109 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна (Москва) — доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела правоповедения Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, главный редактор информационно-аналитического журнала «Социальные и гуманитарные науки». Серия 4: «Государство и право» (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, e-mail: ikonyukhova@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Umnova-Koniukhova, Irina A. (Moscow) — Dr Sci (Law), Prof, Chief Researcher, Legal Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION); the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Information and analytical journal (IAJ) «Social and Humanitarian sciences. Domestic and foreign literature». Series 4: «State and Law» (51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia, e-mail: ikonyukhova@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 608.3:342.7

А. О. Филатова

*Калужский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Калуга, Российская Федерация,
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0008-6544-5453
ResearcherID: JDW-0525-2023*

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОСТОЯНИИ ЗАЩИЩЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОПАСНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 38 — 49.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.4.

Дата поступления 02.08.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в рамках данной статьи являются общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации права на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов посредством формирования единой государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации. Раскрывается правовая природа одного из биологических прав — права на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, приводится общая характеристика подсистем государственной информационной системы в области биологической безопасности и их правового регулирования, выявляются особенности реализации указанного права посредством автоматизированных подсистем. Указывается, что формирование единой государственной информационной системы является необходимым способом обеспечения реализации биологического права на информирование. В целях изучения процесса реализации права посредством государственной информационной системы автором были проанализированы уже созданные или находящиеся в стадии разработки информационные системы, имеющие отношение к реализации биологического права на информирование, а также с целью использования по аналогии были проанализированы информационные системы, обеспечивающие реализацию конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

В статье анализируется судебная и правоприменительная практика по вопросам разработки и применения информационных систем, на основе чего автор пришел к выводу, что единая государственная информационная система в области биологической безопасности, получившая законодательное урегулирование в Федеральном законе № 492-ФЗ от 30 декабря 2020 года «О биологической безопасности в Российской Федерации», в настоящее время системно не разработана и не приведена в действие. В связи с этим автором спроектирована примерная архитектура будущей единой государственной информационной системы в области биологической безопасности с учетом существующих разработок и опыта использования информационных систем, обеспечивающих реализацию конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Право на биологическую безопасность; право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов; единая государственная информационная система в области обеспечения биологической безопасности.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00113 «Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и судебной защиты»¹.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Филатова А. О. Право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и формирование государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 38–49. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.4.

UDC 608.3:342.7

A. O. Filatova
*Kaluga, Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Kaluga, Russian Federation,
Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-6544-5453
ResearcherID: JDW-0525-2023*

THE RIGHT TO OBTAIN INFORMATION ON THE STATE OF PROTECTION OF THE POPULATION AND THE ENVIRONMENT FROM THE INFLUENCE OF DANGEROUS BIOLOGICAL FACTORS AND THE FORMATION OF THE STATE INFORMATION SYSTEM IN THE FIELD OF BIOSAFETY ASSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 38–49.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.4.
Received 02.08.2023, accepted 12.12.2023, available online 22.12.2023.

¹ URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53915126>.

ABSTRACT

The subject of the research within the framework of this article is the public relations developing regarding the realization of the right to receive information about the state of protection of the population and the environment from the effects of dangerous biological factors through the formation of a unified state information system in the field of biological safety in the Russian Federation. The legal nature of one of the biological rights is revealed – the right to receive information about the state of protection of the population and the environment from the effects of dangerous biological factors, the general characteristics of the subsystems of the state information system in the field of biological safety and their legal regulation are given, the peculiarities of the implementation of this right through automated subsystems are revealed. It is indicated that the formation of a unified state information system is a necessary way to ensure the implementation of the biological right to information. In order to study the process of realization of the right through the state information system, the author analyzed information systems that have already been created or are under development related to the realization of the biological right to information, and also for the purpose of using by analogy, information systems ensuring the realization of the constitutional right to reliable information about the state of the environment were analyzed. The article analyzes judicial and law enforcement practice on the development and application of information systems, on the basis of which the author came to the conclusion that the unified state information system in the field of biological safety, which received legislative regulation in Federal Law No. 492-FZ of December 30, 2020 «On Biological Safety in the Russian Federation», is currently It has not been systematically developed and put into operation. In this regard, the author has designed an approximate architecture of the future unified state information system in the field of biological safety, taking into account existing developments and experience in using information systems that ensure the implementation of the constitutional right to reliable information about the state of the environment.

KEYWORDS

The right to biological safety; the right to receive information on the state of protection of the population and the environment from the effects of dangerous biological factors; a unified state information system in the field of biological safety.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under Scientific Project No. 23-28-000113 «The Right to Biological Safety in the Russian Federation: Current Problems of Legal Regulation and Judicial Protection».

FOR CITATION

Filatova A. O. The Right to Obtain Information on the State of Protection of the Population and the Environment from the Influence of Dangerous Biological Factors and the Formation of the State Information System in the Field of Biosafety Assurance in the Russian Federation. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 38 – 49. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4. _.

Право на получение от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также от соответствующих организаций информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, о принимаемых мерах, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (далее — право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов) является структурным элементом сразу двух комплексных субъективных прав: конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и права на биологическую безопасность, регламентированного в статье 6 Федерального закона № 492-ФЗ от 30 декабря 2020 года «О биологической безопасности в Российской Федерации»², то есть фактически является одним из правомочий каждого из них.

Стоит отметить, что право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов тесно взаимосвязано с другими элементами (правомочиями) конституционного права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, к числу которых необходимо относить: право на информацию о состоянии атмосферного воздуха³, право на информацию о санитарно-эпидемиологической обстановке⁴, право на получение объективной информации от организации, осуществляющей деятельность с использованием источников ионизирующего излучения, в пределах выполняемых ею функций о радиационной обстановке и принимаемых мерах по обеспечению радиационной безопасности⁵.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2021, № 1, ч. I. Ст. 31. Далее — ФЗ о биологической безопасности.

³ Об охране атмосферного воздуха : Федер. закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2222.

⁴ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 4 нояб. 2022 г., с изм. от 30 мая 2023 г.) // Там же. № 14. Ст. 1650.

⁵ О радиационной безопасности населения : Федер. закон от 9 янв. 1996 г. № 3-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г.) // Российская газета. 1996. 17 янв.

Право граждан на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов также является составным элементом права на биобезопасность, что предопределяет его взаимозависимость и постоянное взаимодействие с другими правомочиями комплексного права: право на охрану здоровья и охрану окружающей среды от опасных биологических факторов, а также право на внесение в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления предложений о мерах по обеспечению биологической безопасности. Правомочие на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов законодательно отнесено к правоспособности двух субъектов: в ст. 6 ФЗ о биологической безопасности закреплено право граждан, а в статье 7 этого же закона идентичное право организаций.

Вместе с тем в законе близкой по формулировке к указанному правомочию является и обязанность организаций предоставлять в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, информацию (сведения) о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности (ч. 2 ст. 7 ФЗ «О биологической безопасности»). Как представляется, указанная обязанность организаций позволит органам публичной власти как субъектам отношений в области обеспечения биологической безопасности более эффективно реализовать свои полномочия, а населению — реализовывать свои субъективные права.

Несмотря на достаточно обширные проблемы подзаконного регулирования в сфере биологической безопасности в настоящее время обязанность организаций по предоставлению сведений о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности урегулирована Постановлением Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2145 «Об утверждении Правил предоставления информации (сведений) о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности и проведения мониторинга разработок в области биологической безопасности, а также разработок продукции, в том числе созданной с использованием генно-инженерных технологий и технологий синтетической биологии»⁶.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50, ч. IV. Ст. 8541. Далее — Правила.

Стоит отметить, что реализация обязанности по информированию происходит посредством использования государственной информационной системы, доступ к которой размещен на соответствующем сайте⁷.

Согласно п. 2 указанных Правил, сведения предоставляются путем размещения в единой системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения⁸, сайт которых был создан еще в 2013 году. Пользователями сведений, содержащихся в системе, являются Министерство здравоохранения РФ, Министерство обороны РФ, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, медико-биологическое агентство, Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Доступ к информации, представленной на сайте, для общего пользования фактически ограничен, несмотря на возможность зарегистрироваться на сайте.

Инструкция к данной информационной системе закрепляет, что пользователь должен иметь аффилиацию к научной организации и подтвердить одну из следующих ролей: организация-исполнитель, организация-заказчик, диссертационный совет, эксперт-аналитик. Формирование кабинета пользователя должно осуществляться с использованием шифровальных (криптографических) средств, на основе КриптоПро CSP, VipNet CSP и т.д., имеющих действующие сертификаты соответствия ФСБ России. Пользователю предоставляется возможность выполнить поиск представленной в ЕГИСУ НИОКТР информации о результатах научно-технической деятельности. Определенным достоинством данной системы является сервис геокодирования и визуализации аналитических выборок на карте субъектов РФ, где зарегистрированному пользователю предоставляется возможность проанализировать статистические данные исследований (фундаментальных или прикладных), в том числе в полнотекстовом режиме в разных субъектах РФ. Пункт 6 Правил закрепляет, что Министерство науки и высшего образования Российской Федерации осуществляет развитие контура ограниченного доступа информационной системы в целях защиты сведений в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, что предопределяет

невозможность использования большинства сведений рядовыми пользователями. Вместе с тем существование только указанной системы (как одного из элементов государственной информационной системы⁹ в области обеспечения биологической безопасности) не позволяет говорить о наличии в настоящее время единой государственной информационной системы, позволяющей в том числе реализовать право населения на информацию о состоянии окружающей среды. Как представляется, к недостаткам представленной ЕГИСУ НИОКТР относится:

– наличие большого числа тематических разделов, что затрудняет поиск исследований в области биологической безопасности. Среди исследований встречаются не только тематика в области биологической безопасности, но и проблемы экономической и политической сферы. К примеру, «Комплексные исследования экономики, внутренней и внешней политики Польши и стран Балтии» [2];

– отсутствие доступа для пользователей, не аффилированных с научными организациями и заказчиками в рамках той информации, которые не составляют государственной тайны. Видится возможным определение контура доступной информации Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в отношении единого списка научных статей и диссертаций по тематике действия опасных биологических факторов на здоровье населения и окружающую среду, не включающих стратегические разработки и скрытые данные.

– отсутствие возможностей для обратной связи в виде формулирования вопросов и комментариев.

Представляется, что расширение круга заинтересованных пользователей данной системой позволит в некоторой степени реализовать полномочие органов публичной власти по информированию о реализуемых на территории субъекта Российской Федерации научных мероприятиях, направленных на обеспечение биологической безопасности, а также позволит реализовать субъективное право на внесение в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления предложений о мерах по обеспечению биологической безопасности.

Содержание правоотношения в области обеспечения биологической безопасности, как и любого другого правоотношения, предусма-

⁷ Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения. URL: <https://rosrid.ru/> (дата обращения: 24.08.2023).

⁸ Далее – ЕГИСУ НИОКТР.

⁹ Далее – ГИС.

тривает корреляцию права одного субъекта к обязанности (полномочию) другого субъекта. Реализации права граждан и организаций на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов права должно соответствовать коррелирующее полномочие органов государственной власти субъектов Российской Федерации по информированию населения, закрепленное за ними в п. 3 ч. 4 ст. 5 ФЗ «О биологической безопасности»: информирование органов местного самоуправления и населения о реализуемых на территории субъекта Российской Федерации мероприятиях, направленных на обеспечение биологической безопасности, а также п. 4 ч. 2 ст. 5 указанного закона, которая закрепляет в отношении федеральных органов государственной власти осуществление мониторинга биологических рисков и оценку эффективности реализации мероприятий, направленных на поддержание допустимого уровня биологического риска, поскольку данные мониторинга вносятся в единую государственную информационную систему.

Уместно предположить, что обеспечение биологической безопасности является предметом совместного ведения Федерации и субъектов РФ. Однако в настоящее время отсутствует система подзаконного регулирования порядка осуществления данных полномочий как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов. Представляется, что реализации данного полномочия будет способствовать закрепленная в статье 14 ФЗ «О биологической безопасности» единая государственная информационная система, которая, как видится, будет представлять собой совокупность информационно-технологических и технических средств, обеспечивающих информационную поддержку методического и организационного обеспечения деятельности участников национальной системы биологической безопасности Российской Федерации. Ст. 14 ФЗ «О биологической безопасности» закрепляет, что ГИС создается в целях управления биологическими рисками, обеспечения обмена информацией между федеральными государственными органами, государственными органами субъектов РФ и органами местного самоуправления при осуществлении их взаимодействия в области обеспечения биологической безопасности.

Формирование ГИС в области обеспечения биологической безопасности осуществляется на основе статистических и иных документированных сведений, предоставляемых госорганами и находящимися в их ведении организациями. Состав и порядок предостав-

ления сведений, содержащихся в государственной информационной системе в области обеспечения биологической безопасности, а также используемые для их обработки информационные технологии и технические средства определяются Правительством РФ. К сожалению, в настоящее время отсутствует единое постановление Правительства РФ, регулирующее порядок создания ГИС в области биологической безопасности. Вызывает вопрос и соотношение ГИС в области обеспечения химической и биологической безопасности¹⁰ и ГИС в области биологической безопасности, определенной в ФЗ «О биологической безопасности» на предмет разграничения содержащихся в них сведений. Вместе с тем создание ГИС ХББ подзаконно урегулировано Указом Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу». Как представляется, с учетом норм ФЗ «О биологической безопасности», ГИС в области биологической безопасности должна стать подсистемой ГИС ХББ. Однако в настоящее время единой государственной информационной системы в области обеспечения химической и биологической безопасности также не создано, данная система находится в процессе формирования, время начала ее применения не определено. Периодически на обозрение юридическому сообществу представляются судебные решения, в которых обуславливаются попытки формирования данной государственной информационной системы. В 2021 году Министерство здравоохранения РФ обратилось в Арбитражный суд города Москвы с исковым заявлением к РТИ системы (радиотехнические и информационные системы) о взыскании по государственному контракту № К-27-НИР/126 от 27 декабря 2013 года стоимости ранее оплаченных работ на разработку системного проекта по созданию Национального интеграционного центра мониторинга биологических угроз¹¹. По договору на выполнение научно-исследовательских работ ответчик обязался провести обусловленные техническим заданием истца научные исследования, а по договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ — разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него или новую

¹⁰ Далее — ГИС ХББ.

¹¹ Далее — НИЦ МБУ РФ.

технологии. В 2014 году макет НИЦ МБУ РФ, созданный в рамках выполнения работ по контракту, был представлен Министерству здравоохранения РФ. Однако истец посчитал, что проект не соответствует требованиям технического задания контракта в части проведения испытаний программных продуктов в составе компонентов макета, проведения испытаний макета как единой системы для отработки информационного взаимодействия компонентов системы, наличия рабочей документации на создаваемый макет, а также не соответствует описанию макета НИЦ МБУ РФ, имеющегося в отчетной документации и еще ряду требований технического задания контракта, что не соответствует условиям контракта. Фактически, по мнению истца, организация-исполнитель не выполнила список работ, предусмотренных на третьем этапе технического задания и не устранила имеющиеся недостатки. Вместе с тем, не сопоставляя техническое задание и подготовленный макет, Арбитражный суд г. Москвы пришел к выводу, что истцом пропущен срок исковой давности и отказал в удовлетворении исковых требований. Законность и справедливость решения суда первой инстанции была подтверждена в 2022 году в порядке кассационного судопроизводства Арбитражным судом Московского округа¹².

Другим примером правового спора по поводу некачественно подготовленной системы в области биобезопасности является решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Калужской области от 26 июля 2022 г. №040/06/104-614/2022. Правовой спор был вызван обращением Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр радиологии» (НМИЦ радиологии) Минздрава России о включении в реестр недобросовестных поставщиков сведений ООО «ЭлСиКом» на основании одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ООО «ЭлСиКом» условий контракта, заключенного по результатам электронного аукциона, предметом которого является оказание услуг по получению, обработке и публикации данных информационных систем поставщиков данных ГИС ХББ. По итогам рассмотрения обращения, Комиссия Калужского УФАС России

¹² Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 20 апреля 2022 г. по делу № А40-47004/2021К // Официальный сайт Арбитражного Суда города Москвы. URL: <https://msk.arbitr.ru> (дата обращения: 24.08.2023).

указала, что поскольку в обращении заказчика не указаны мотивированные причины отказа от приемки работ по контракту, не содержится перечня нарушенных условий технического задания, которые исполнителю надлежало бы исправить, то отсутствуют объективные основания полагать о недобросовестном выполнении ООО «ЭлСиКом» условий контракта и отказала ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России в требовании включить исполнителя в список недобросовестных поставщиков¹³.

Приведенная судебная и правоприменительная практика свидетельствует о попытках Министерства здравоохранения и подведомственных ему организаций сформировать подсистему мониторинга биологических угроз и другие подсистемы ГИС ХББ. Вместе с тем до настоящего времени сайт НИЦ МБУ отсутствует, в то же время анализ интернет-данных позволяет сделать вывод о формировании программно-аппаратный комплекса научно-информационного центра¹⁴. Стоит отметить, что некоторые полномочия в области мониторинга реализуются Федеральным государственным бюджетным учреждением «Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью» Федерального медико-биологического агентства России, целью деятельности которого является координация деятельности сети мониторинга биологических рисков в пределах установленной сферы деятельности агентства¹⁵. Данное учреждение организует мониторинг в рамках: медицинской деятельности; при осуществлении федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора); при осуществлении государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности донорской крови и ее компонентов. К сожалению, единого централизованного мониторинга, проводимого в соответствии с законодательно закрепленными видами биологических рисков в ФЗ «О биологической безопасности», данная организация не осуществляет.

¹³ Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Калужской области от 26 июля 2022 г. №040/06/104-614/2022 // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 24.08.2023).

¹⁴ Программно-аппаратный комплекс Национального интеграционного центра мониторинга биологических угроз. URL: <https://wiki.is-mis.ru/pages/viewpage.action?pageId=71247421> (дата обращения: 24.08.2023).

¹⁵ Официальный сайт ФИАЦ ММБР ФМБА России. URL: <https://www.cspfmbr.ru/about/structure/fiacmmbr/> (дата обращения: 24.08.2023).

Как представляется, формирование единой ГИС достаточно сложный многогранный процесс, включающий в себя разветвленную архитектуру информационных подсистем, каждая из которых обеспечена самостоятельным сервисным обслуживанием и качественным нормативно-правовым регулированием. К основным взаимодействующим между собой подсистемам единой ГИС в области биологической безопасности, исходя из законодательно-го определения ГИС, должны быть отнесены:

– разработанная и нормативно урегулированная Постановлением Правительства РФ, действующая в настоящее время, но имеющая определенные недостатки, единая система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ с подразделом о научных исследованиях в области биологической безопасности;

– находящаяся в стадии разработки, не действующая и не имеющая подзаконного нормативного регулирования система национального интеграционного центра мониторинга биологических угроз (далее – система НИЦ МБУ);

– разработанная и подзаконно урегулированная Постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. № 1668 (ред. от 16 июня 2022 г.) «Об утверждении Правил создания, пополнения, ведения и использования коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов, а также Правил создания и ведения национального каталога коллекционных штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов», действующая система национального каталога штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов;

– находящаяся в стадии апробации, но до настоящего времени не действующая и не имеющая подзаконного нормативного регулирования система поддержки принятия управленческих решений в области биологической безопасности¹⁶.

Необходимо отметить, что в информационной литературе под СППР в области обеспечения биологической безопасности понимается информационная система, предназначенная для поддержки принятия оптимальных управленческих решений в области биологической безопасности на местном, региональном и федеральном уровнях [4, с. 7]. К сожалению, несмотря на большое количество как федеральных, так и региональных инициатив по созданию данной подсистемы, которая способствует решению задач, поставленных перед органами публичной власти в области обеспе-

чения биологической безопасности, единого проекта данной подсистемы пока так и не создано. Как представляется, отсутствие единого ведомственного ГИС-пространства затрудняет решение оперативных задач управления ситуациями, связанными с возможностью возникновения и быстрого распространения биологической угрозы, а также приводит к дублированию информации и увеличению бюджетных средств на сбор данных.

Как отмечают некоторые авторы, принципиальная сложность состоит в том, что для поддержки принятия оптимального управленческого решения необходимо собрать и проанализировать большое количество разрозненной информации, а в настоящее время в структурах Роспотребнадзора имеется более 50 лицензий ArcGIS, использование которых не всегда носит системный характер и не поддерживает единый информационный ресурс. Работа с пространственными данными и ГИС не синхронизирована, возможности используются не в полном объеме [4, с. 7].

Коллективом исследователей (В. А. Сафонов и др.) приведена возможная архитектура СППР, выявлен алгоритм взаимосвязи ее элементов и использования. Как отмечают авторы, система прошла два этапа апробации, на основе анализа которых можно сделать вывод об определенной эффективности ее действия. На первом этапе разработки СППР (до 2009 г.) впервые создан и систематизирован перечень внутренних и внешних угроз биологической безопасности в субъектах РФ. Также сформировано техническое задание в части генерирования тематических карт по показателям [4, с. 7]. Авторами отмечены позитивные выводы и на исходе второго этапа. Однако в настоящее время единой модели так и не создано. Проблему введения данной системы в эксплуатацию, как видится, вызывает отсутствие подзаконного регулирования порядка создания данной системы, определение сроков ее введения в действие, а также разграничение полномочий по контролю за созданием между органами федеральной государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ.

В настоящее время информационные данные каждой из указанных подсистем ограничены для общего пользования, что обусловлено необходимостью обеспечения безопасности сохранности данных, а также оперативного использования в случае наступления биологических угроз. Вместе с тем основное информирование о состоянии окружающей среды и об эпидемиологической обстановке население получает посредством использо-

¹⁶ Далее – СППР.

вания сети Интернет [7, с. 7]. Подобное обуславливает необходимость создания и подзаконного регулирования еще одной подсистемы единой ГИС в области биологической безопасности — системы информирования населения о биологических рисках¹⁷.

Основной целью создания данной подсистемы по аналогии с другими разрабатываемыми системами является предотвращение биологических угроз и эффективная координация действий, в случае их наступления. Специальной же целью является реализация правомочия на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов. Учитывая определенную взаимосвязь структурных элементов права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, представляется, что позитивным опытом в создании подобной подсистемы должна явиться информационно-аналитическая система о состоянии окружающей среды. Ведомственная информационно-аналитическая система данных о состоянии окружающей среды регламентируется на региональном уровне, как правило, приказом министерства природных ресурсов и экологии субъекта¹⁸. В рамках своего предназначения данная система выполняет следующие функции:

- информационно-аналитическое обеспечение деятельности органов власти субъекта в области охраны окружающей среды;
- обеспечение населения информацией о состоянии окружающей среды.

Кроме того, в данную систему включены результаты наблюдений за состоянием окружающей среды, ее загрязнением; информация в области обращения с отходами производства и потребления на территории субъекта; информация об особо охраняемых природных территориях регионального и местного значения [6, с. 106 — 107]. Особым преимуществом данной системы является возможность отслеживания любым пользователем сети Интернет на соответствующем сайте инфор-

мации о состоянии атмосферного воздуха, почв, поверхностных вод, объектов размещения отходов каждого административного района субъекта, обозначенного на виртуальной географической карте, с указанием конкретных показателей и пределов их допустимости. Представляется, что похожая система необходима и в случае информирования населения о состоянии защищенности от воздействия опасных биологических факторов. По аналогии и в соответствии с видами биологических рисков, предусмотренных в ФЗ «О биологической безопасности», система информирования населения о биологических рисках должна содержать следующую информацию в отношении каждого района с указанием показателей и пределов их допустимости:

- информацию о количестве выявленных вирусных заболеваний и распространение инфекций, являющихся основной причиной смертности;
- информацию о распространении инфекций животных и растений, причиняющих ущерб сельскому хозяйству и вред окружающей среде;
- информацию о распространении инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи, и инфекций, связанных с осуществлением ветеринарной деятельности;
- информацию о возможности возникновения профессиональных заболеваний вследствие выполнения работ с использованием патогенов;
- информацию о наличии на территории административного района биологических лабораторий по проектированию и созданию патогенов с помощью технологий синтетической биологии;
- информацию о принимаемых мерах органами государственной власти субъекта и органов местного самоуправления, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, и некоторые другие.

Как представляется, по аналогии с опытом разработки ЕГИСУ НИОКТР при разработке данной системы необходимо использовать сервис геокодирования и визуализации аналитических выборок на карте субъектов РФ, где в системе общего пользования предоставляется возможность проанализировать статистические данные в том числе в полнотекстовом режиме в разных субъектах РФ.

В научной литературе встречается описание достоинств информирования о количестве выявленных вирусных заболеваний и распространении инфекций, являющихся основной причиной смертности на примере научного

¹⁷ Далее — СИНБР.

¹⁸ См., к примеру: Приказ министерства природных ресурсов и экологии Красноярского края от 20 января 2016 г. № 1/9-од // Собрание законодательства Красноярского края ; Об утверждении основных положений Концепции единой информационно-аналитической системы природопользования и охраны окружающей среды по Республике Ингушетия : Постановление республики Ингушетия от 29 авг. 2003 г. № 293 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/documents/block/region06> (дата обращения: 01.09.2023).

проекта ФБУН «Нижегородский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени академика И. Н. Блохиной» «Эпидемиологический атлас Приволжского федерального округа»¹⁹. Как отмечают Е. И. Ефимов и Н. Н. Зайцева «Эпидемиологический атлас Приволжского федерального округа» вошёл в число 15 лучших отечественных практик внедрения в деятельность пространственных данных, данных дистанционного зондирования Земли и геоинформационных технологии [5, с. 5], что послужило возможностью разработки концепции создания ГИС «Эпидемиологический атлас России. Территория федерального округа».

В тематические разделы представленного атласа включены: данные о распространении ВИЧ-инфекции в Приволжском федеральном округе, информация о клещевых инфекциях в Нижегородской области, информация об энтеровирусных инфекциях. Наборы геопространственных данных, содержащиеся на геопортале, охватывают потенциальные детерминанты различных инфекционных заболеваний в Европе в самом широком смысле. Они включают климатические параметры, наблюдавшиеся в прошлом, текущие и прогнозируемые в будущем (сценарии изменения климата). Вместе с тем, несмотря на наличие технического задания и инструментов, в настоящий момент отсутствует единый электронный эпидемиологический атлас, а также его подсистемы, представленные по федеральным округам.

Как отмечают авторы, метод ретроспективного анализа случаев инфекционной заболеваемости, фиксируемых в системе федерального статистического наблюдения слабо применим для анализа текущего эпидемического процесса, такого как обострение ситуации с заражением геморрагической лихорадкой с почечным синдромом в Приволжском федеральном округе в 2019 г., ситуации с пандемией коронавируса COVID-19 в 2019 – 2020 гг. [1, с. 4]. Тем не менее, достоинства применения данной информационной системы обусловили необходимость ее совершенствования и дальнейшего расширения задач проекта в связи с эпидемией коронавируса, в том числе используя опыт зарубежных государств [9, с. 8–10]. В настоящее время в соответствии с поручением Роспотребнадзора институт эпидемиологии и микробиологии имени академика И. Н. Блохиной занимается разработкой

дополнительного тематического раздела атласа «Мониторинг заболеваемости COVID-19».

В локальную базу данных «Мониторинг заболеваемости COVID-19» включены следующие данные: координаты места нахождения инфицированного, описание места локализации, включающее наименование области, района, населенного пункта, улицы, эпидномер, дата заболевания и дата подтверждения. Координаты места нахождения инфицированного определяются по почтовому адресу (без указания квартир) с использованием функции геокодирования. Визуализация данных осуществляется с использованием модуля картографического отображения для работы с базой данных на основе электронной библиотеки, которая является программным обеспечением с открытым исходным кодом. Как отмечают авторы применение ГИС с указанными показателями является весьма эффективным инструментом обеспечения мониторинга здоровья населения [3, с. 394], поскольку позволяет сформировать картину распространения заболевания вплоть до жилого дома и принять оптимальное решение для органов публичной власти, в том числе проводить необходимые санитарно-эпидемиологические мероприятия. Вместе с тем авторами не отрицается показательность и других информационных систем как отечественного, так и зарубежного происхождения, к примеру работа европейского бюро ВОЗ «Ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ [8], а также сайта Яндекс карты «Карта распространения коронавируса в России и мире», коронавирус-монитор – интерактивная карта распространения и статистика Covid-19²⁰.

Подобный опыт научной разработки должен стать неотъемлемой частью подсистемы информирования населения о биологических рисках, в которой присутствуют выше-названные тематические разделы, включая информацию о коронавирусе, лихорадкой почечного синдрома и других эпидемиологически опасных инфекционных заболеваний, обнаруженных на территории соответствующего федерального округа. Представляется, что привлечение большего числа научно-исследовательских организаций к разработке оптимальных способов информирования населения о состоянии защищенности от биологических рисков, а также нормативное определение порядка их финансирования, позво-

¹⁹ Электронный эпидемиологический атлас Приволжского федерального округа. Нижний Новгород : ННИИЭМ, 2018. URL: <http://epid-atlas.nniiem.ru/>.

²⁰ К примеру: Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). URL: <https://www.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/cases-updates/cases-in-us.html> (дата обращения: 24.07.2023).

лит найти более быстрые решения проблемы формирования единой ГИС в области биологической безопасности.

Стоит признать, что реализация населением права на биологическую безопасность, включая правомочие на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов в настоящее время затруднено, поскольку единая ГИС в области биологической безопасности, получившая законодательное урегулирование в ФЗ «О биологической безопасности», системно не разработана и не приведена в действие. Анализ судебной и правоприменительной практики, а также данных интернет-сайтов позволяет сделать вывод о возникающих проблемах в поиске оптимальной системы органами государственной власти и подведомственных учреждений.

Как представляется автору настоящего исследования ГИС в области биологической безопасности должна формироваться постепенно, основываясь на апробации отдельных элементов (подсистем) и их взаимосвязей. К числу необходимых подсистем для функционирования единой ГИС могут быть отнесены:

– единая система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ с подразделом о научных исследованиях в области биологической безопасности (ЕГИСУ НИОКТР);

– система национального интеграционного центра мониторинга биологических угроз (система НИЦ МБУ);

– система национального каталога штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов;

– система поддержки принятия управленческих решений в области биологической безопасности;

– системы информирования населения о биологических рисках (СИНБР).

К сожалению, в настоящее время ни все из указанных подсистем имеют подзаконное регулирование. Возникает ситуация правового пробела в регулировании некоторых из них. Вместе с тем эффективность применения каждой из них во многом зависит от определения правил создания системы, сроков ее разработки и апробации, а также мер ответственности в случае несоблюдения указанных правил, что должно определяться постановлением Правительства РФ.

В то же время необходимо отметить, что формирование ГИС в области биологической безопасности не стоит на месте. Ряд научно-исследовательских учреждений занимаются разработками систем по информированию населения о состоянии и показателях инфекционной заболеваемости населения. Привлечение большего числа научно-исследовательских организаций к разработке оптимальных способов информирования населения о состоянии защищенности от биологических рисков, а также нормативное определение порядка их финансирования, позволит найти более быстрые решения проблемы формирования подсистемы информирования населения о биологических рисках в рамках реализации полномочий субъектов РФ по информированию органов местного самоуправления и населения о реализуемых на территории субъекта Российской Федерации мероприятиях, направленных на обеспечение биологической безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефимов Е. И., Побединский Г. Г. Опыт разработки ГИС «Электронный эпидемиологический атлас» // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 3–18.
2. Офицеров-Бельский Д. В. Комплексные исследования экономики, внутренней и внешней политики Польши и стран Балтии // Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения. URL: <https://rosrid.ru/global-search> (дата обращения: 24.08.2023).
3. Побединский Г. Г., Сарсков С. А., Вьюшков М. В. Прототип раздела эпидемиологического атласа «Мониторинг заболеваемости COVID-19» // Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения : материалы Всерос. науч.-практ. интернет-конф. молодых ученых и специалистов Роспотребнадзора с междунар. участием (Пермь, 5–9 окт. 2020 г.). – Пермь : Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2020. – С. 394–402.
4. Результаты испытаний технического образца компьютерной программы «Система поддержки принятия управленческих решений» / В. А. Сафронов, А. А. Лопатин, А. С. Раздорский [и др.] // Проблемы особо опасных инфекций. – 2011. – № 3 (109). – С. 23–27.
5. Солнцев Л. А., Зайцева Н. Н., Ефимов Е. И. Электронная система хранения, представления и анализа эпидемиологической информации в масштабе федерального округа // Современные технологии в медицине. – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 170–176.
6. Сусликова К. С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах её реализации // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2023. – № 1. – С. 104–110.

7. Шарафутдинова А. И. Особенности административной ответственности за сокрытие и искажение экологической информации // *Аллея науки*. — 2022. — Т. 1, № 4 (67). — С. 681–688.
8. Cao C. China's evolving biosafety/biosecurity legislations // *Journal of Law and the Biosciences*. — 2021. — Vol. 8, no. 1. — P. 1–21.
9. Knauer N. J. The COVID-19 Pandemic and Federalism: Who Decides? // *New York University Journal of Legislation and Public Policy*. — 2020. — Vol. 23, № 1. — P. 8–16.

REFERENCES

1. Efimov E. I., Pobedinskii G. G. Experience in developing GIS "Electronic Epidemiological Atlas". *Interexpo GEO-Siberia*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 3–18. (In Russian).
2. Ofitserov-Belskii D. V. *Comprehensive Studies of the Economy, Domestic and Foreign Policy of Poland and the Baltic States*. URL: <https://rosrid.ru/global-search>. (In Russian).
3. Pobedinskii G. G., Sarskov S. A., Vyushkov M. V. Prototype Section of the Epidemiological Atlas "Morbidity Monitoring COVID-19". *Fundamentalnye i prikladnye aspekty analiza riska zdorovyu naseleniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi internet-konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov Rospotrebnadzora s mezhdunarodnym uchastiem, Perm, 5–9 oktyabrya 2020 g.* [Fundamental and Applied Aspects of Public Health Risk Analysis. Materials of All-Russian Scientific-practical Internet-conference of Young Scientists and Specialists of Rospotrebnadzor with International Participation, Perm, October 5–9, 2020]. Perm National Research Polytechnic University Publ., 2020, pp. 394–402. (In Russian).
4. Safronov V. A., Lopatin A. A., Razdorsky A. S. et al. Results of the Test-Run of the Computer Software Model "Support System for Managerial Decision Making". *Problemy osobo opasnykh infektsii = Problems of Particularly Dangerous Infections*, 2011, vol. 3 (109), pp. 23–27. (In Russian).
5. Solntsev L. A., Zaitseva N. N., Efimov E. I. Electronic System of Storage, Representation, and Analysis of Epidemiological Information on a Federal District Scale. *Sovremennye tehnologii v medicine = Modern Technologies in Medicine*, 2017, vol. 9, no. 4, pp. 170–176. (In Russian).
6. Suslikova K. S. Constitutional right to reliable information about the environment and some problems of its implementation. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2023, no. 1, pp. 104–110. (In Russian).
7. Sharafutdinova A. I. Features of Administrative Liability for Concealment and Distortion of Environmental Information. *Alleya nauki = Alley science*, 2022, vol. 1, no. 4 (67), pp. 681–688. (In Russian).
8. Cao C. China's evolving biosafety/biosecurity legislations. *Journal of Law and the Biosciences*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 1–21.
9. Knauer N. J. The COVID-19 Pandemic and Federalism: Who Decides? *New York University Journal of Legislation and Public Policy*, 2020, vol. 23, no. 1, pp. 8–16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатова Анастасия Олеговна (Калуга) — кандидат юридических наук, начальник отдела научных исследований Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (248021, Россия, г. Калуга, ул. Московская, 256 а), старший научный сотрудник отдела правопедания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, e-mail: fltvnastja@rambler.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filatova, Anastasiya O. (Kaluga) — Head of the Scientific Researches Department, Kaluga Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (256 a Moskovskaya St., Kaluga, 248021, Russia), Senior Researcher, Legal Department of the Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), the Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia, e-mail: fltvnastja@rambler.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.951

К. С. Баканов
Научный центр
безопасности дорожного движения
МВД России,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0007-7278-1992
ResearcherID: JDW-7109-2023

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПЕРЕВОЗЧИКОМ КАК УСЛОВИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ПассаЖИРОВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 50 — 58.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.5.
Дата поступления 10.07.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются отдельные аспекты привлечения перевозчика к административной ответственности за нарушение требований в сфере безопасности дорожного движения при оказании услуг ненадлежащего качества по перевозке пассажиров. На основе анализа законодательства и судебной практики исследуется возможность одновременного привлечения перевозчика к административной ответственности за нарушения в сфере безопасности дорожного движения и ответственности за ненадлежащее оказание услуг в рамках административного и гражданско-правового законодательства. Констатируется, что выполнение публичных обязательств по соблюдению требований безопасности дорожного движения является обычно предъявляемыми требованиями к оказанию услуг по перевозке пассажиров. Обосновывается, что одновременное применение к перевозчику и его работникам нескольких рассматриваемых мер ответственности не противоречит принципу недопустимости привлечения дважды к ответственности за одно и то же деяние (*non bis in idem*), так как субъекты ответственности обладают разным правовым статусом, а законодательство направлено на защиту разных охраняемых интересов. Делается вывод о том, что подобный подход позволяет разграничить административно-правовые последствия нарушения требований безопасности дорожного движения водителями, осуществляющими профессиональную деятельность, и водителями, осуществляющими перевозку для собственных нужд. Рассмотрение административного правонарушения как основание гражданско-правовой ответственности в сфере перевозок пассажиров позволяет гарантировать безопасность дорожного движения при перевозке пассажиров одновременно публичными и частными правовыми средствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Безопасность дорожного движения; перевозка пассажиров; автобус; дорожно-транспортное происшествие; правонарушение; двойная ответственность; судебная практика; услуга; качество; потребитель; пассажир; цифровой профиль.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баканов К. С. Обеспечение безопасности дорожного движения перевозчиком как условие надлежащего оказания услуг по перевозке пассажиров // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 50–58. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.5.

UDC 342.951

K. S. Bakanov
*Scientific State Institution
of Road Safety
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0007-7278-1992
ResearcherID: JDW-7109-2023*

ENSURING ROAD SAFETY BY THE CARRIER AS A CONDITION FOR THE PROPER PROVISION OF A PASSENGER TRANSPORTATION SERVICES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 50–58.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.5.
Received 10.07.2023, accepted 12.12.2023, available online
22.12.2023.

ABSTRACT

Certain aspects of bringing the carrier to administrative responsibility for violation of requirements in the field of road safety in the provision of services of inadequate quality for the carriage of passengers are considered. Based on the analysis of legislation and judicial practice, the possibility of simultaneously bringing the carrier to administrative responsibility for violations in the field of road safety and liability for improper provision of services within the framework of administrative and civil law legislation is being investigated. It is stated that the fulfillment of public obligations to comply with road safety requirements is usually the requirements for the provision of passenger transportation services. It is proved that the simultaneous application of several liability measures to the carrier and its employees does not contradict the principle of inadmissibility of bringing twice to responsibility for the same act (*non bis in idem*), because the subjects of responsibility have different legal status, and legislation is aimed at protecting different protected interests. It is concluded that such an approach makes it possible to distinguish the administrative-legal consequences of violations of road safety requirements by drivers engaged in professional activities and drivers engaged in transportation for their own needs. Consideration of an administrative offense as the basis of civil liability in the field of passenger transportation makes it possible to guarantee road safety when transporting passengers simultaneously by public and private legal means.

KEYWORDS

Road safety; passenger transportation; bus; traffic accident; offense; double responsibility; judicial practice; service; quality; consumer; passenger; digital profile.

FOR CITATION

Bakanov K. S. Ensuring Road Safety by the Carrier as a Condition for the Proper Provision of a Passenger Transportation Services. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 50–58. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.5.

Одной из целей национального развития Российской Федерации и направлений обеспечения ее национальной безопасности является повышение безопасности дорожного движения [6, с. 11].

За последние 10 лет удалось практически на 50 % снизить смертность на дорогах России [11, с. 10], в связи с чем руководством нашей страны поставлена амбициозная цель по снижению смертности к 2030 году в 3,5 раза. Таких темпов снижения смертности еще не удалось достичь ни одному государству [2, с. 35]. В этой связи требуется выработка новых подходов к повышению безопасности дорожного движения.

Особое место при решении задач по повышению безопасности дорожного движения занимают перевозки пассажиров автобусами, которые являются наиболее востребованными среди других видов общественного транспорта и самым массовым видом пассажирской перевозки — на такой вид транспорта только в 2022 году пришлось практически 60 % (8 459 млн человек) от всех пассажиров, перевезенных транспортом общего пользования [10, с. 78].

Данное положение сопряжено с высокими рисками безопасности в сфере дорожного движения, так как с участием автобусов в 2022 году произошло 7 166 дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), в которых погибли 602 человека [Там же], при этом число погибших увеличилось практически на 12 % [Там же, с. 99].

Практически девять из десяти автобусов, участвующих в ДТП, осуществляли пассажирские перевозки, что предопределяет наличие потенциальной угрозы причинения вреда большему числу людей, а также социально значимым общественным процессам [4, с. 13].

Ответственность за нарушение требований в области безопасности дорожного движения в зависимости от субъекта нарушения: водителя легкого транспортного средства («любитель») или водителя автобуса, оказывающего услуги населению («профессионал»), в рамках главы 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) не дифференцирована. Вместе с тем, потенциальный уровень угроз отличается. Так, в одном случае водитель фактически отвечает

только за себя, а в другом — за перевозимых пассажиров. Кроме того, пассажир, приобретая билет на проезд, вправе рассчитывать на качество оказываемой услуги, в том числе — на ее безопасность.

В этой связи государством предусмотрены дополнительные правовые механизмы защиты прав таких пассажиров как публичными, так и частноправовыми средствами.

В рамках частноправовых средств в соответствии со ст. 1 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» и ст. 793 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) предусмотрена гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителей (пассажиров) и заказчиков.

Ввиду высокой опасности деятельности по перевозке пассажиров, этот вид деятельности является объектом контрольно-надзорной деятельности [3, с. 34; 5, с. 29;] и подлежит лицензированию, в рамках которого в случае грубых нарушений лицензионных требований возможно прекращение действия лицензии [1, с. 102].

Кроме того, чтобы не оставлять защиту прав потребителя только на откуп гражданам, тем более — в условиях, когда им противостоят профессиональные образования, предусмотрена административная ответственность за оказание услуг ненадлежащего качества. Таким образом, оказание пассажиру услуги по перевозке пассажиров ненадлежащего качества помимо вышеперечисленных последствий может повлечь ответственность перевозчика по ст. 14.4 КоАП РФ [9].

В таком случае перевозчику в зависимости от его организационно-правовой формы назначается административный штраф в размере от 10 до 30 тысяч рублей, а его должностным лицам — от 3 до 10 тысяч рублей.

За повторное совершение данного нарушения в отношении перевозчика назначается административный штраф в размере от 15 до 50 тысяч рублей. Должностные лица перевозчика могут быть привлечены к административной ответственности в виде штрафа в размере от 7 до 15 тысяч рублей либо дисквалификации на срок до одного года.

Важно отметить, что санкцией статьи в качестве возможного вида административного наказания за повторное оказание услуги ненадлежащего качества предусмотрена

конфискация предметов административного правонарушения.

В судебной практике известны прецеденты, когда транспортные средства, в частности автобус, конфисковались как орудие совершения административного правонарушения, выраженного в осуществлении перевозочной деятельности без лицензии (ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ). Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 1 марта 2012 г. № 404-О-О не усмотрел в применении данной меры нарушения законности и противоречий положениям Конституции Российской Федерации¹.

Аналогичным образом существует возможность конфискации автобуса при повторном оказании услуги ненадлежащего качества, например, связанного с эксплуатацией технически неисправного автобуса. Безусловно, справедливость применения данного вида административного наказания должна подлежать тщательной оценке с учетом тяжести последствий нарушения и недопустимости необоснованного срыва транспортного обслуживания населения.

Если вследствие оказания услуг ненадлежащего качества наступили общественно опасные последствия, его ответственные работники подлежат уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ. Однако применение указанной нормы возможно, если деяние не подлежит квалификации иным образом, например, по главе 12 КоАП РФ, ст. 264 УК РФ и др.².

Объективную сторону правонарушения, предусмотренного ст. 14.4 КоАП РФ, образует несоблюдение требований, предъявляемых к качеству товаров, работ и услуг [8], в том числе в части безопасности [12].

Обобщив точки зрения авторов на этот счет, удалось установить, что нарушаемые нормы должны содержаться, как правило, в Законе о защите прав потребителей, в Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и других нормативных

источниках [7], а также документах технического регулирования, закрепляющих требования к потребляемым товарам, оказываемым услугам и выполняемым работам [9].

В соответствии с п. 6.1 ГОСТ Р 52113-2014 безопасность определяется как один из показателей качества применительно к оказываемым населению услугам³.

Пассажи́рские перевозки помимо прочего связаны с безопасностью, которая также признается одним из основных показателей качества пассажирских перевозок, осуществляемых всеми видами транспорта общего пользования согласно п. 5.1 ГОСТ Р 51004-96⁴.

В контексте безопасности услуг по перевозке пассажиров значительное внимание уделяется аспектам обеспечения безопасности дорожного движения, что выражается в закреплённой ГОСТ Р 51004-96 необходимости использования автобусов, находящихся в исправном техническом состоянии, наличии у персонала необходимой квалификации и опыта работы, законопослушности⁵. Более того, ГОСТ Р 51825-2001 предписана необходимость соблюдения Правил дорожного движения Российской Федерации, как залог качества услуг по перевозке⁶.

Исходя из совокупного понимания положений статей 309 и 721 ГК РФ, а также перечисленных национальных стандартов, безопасность дорожного движения является одним из ключевых показателей качества оказываемых населению услуг, в том числе по пассажирской перевозке, в связи с чем признается обычно предъявляемым требованиям к данной деятельности.

Кроме того, анализ правоприменительной практики позволил установить, что некачественным оказанием услуг по перевозке пассажиров автомобильным транспортом,

³ ГОСТ Р 52113-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Номенклатура показателей качества услуг (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 6 нояб. 2014 г. № 1482-ст). Москва : Стандартинформ, 2015.

⁴ ГОСТ Р 51004-96. Государственный стандарт Российской Федерации. Услуги транспортные. Пассажи́рские перевозки. Номенклатура показателей качества (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 25 дек. 1996 г. № 701). Москва : ИПК Изд-во стандартов, 1997.

⁵ Там же.

⁶ ГОСТ Р 51825-2001. Государственный стандарт Российской Федерации. Услуги пассажирского автомобильного транспорта. Общие требования (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 14 нояб. 2001 г. № 461-ст). Москва, 2002.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 404-О-О по жалобе гражданина Галыгина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 14.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9 (сент.).

квалифицированным по ст. 14.4 КоАП РФ, признаются не столь значительные с позиции угрозы жизни и здоровью пассажиров нарушения, например, нарушение требований расписания⁷, несоблюдение обязанности по остановке на остановочных пунктах⁸, несоблюдение норм вместимости⁹.

Обширная практика по ст. 14.4 КоАП РФ сформировалась по поводу использования для перевозки пассажиров технически неисправных автобусов¹⁰. При этом судебной практики по нарушениям других требований в сфере безопасности дорожного движения установить не удалось.

Между тем, содержание ст. 14.4 КоАП РФ позволяет более широко реализовывать защиту интересов безопасности дорожного движения административно-правовыми средствами в пределах санкции указанной статьи, не ограничиваясь только техническими неисправностями ТС.

Изложенное свидетельствует о возможности привлечения к административной ответственности за оказание услуги ненадлежащего качества по фактам несоблюдения требований по обеспечению безопасности дорожного движения в целом.

При перевозках пассажиров другими видами транспорта сегодня активно реализуется практика привлечения к ответственности по ст. 14.4 КоАП РФ за оказание услуг ненадлежащего качества, в том числе не представляющих непосредственной угрозы их потребителям.

Например, в сфере перевозки пассажиров железнодорожным транспортом основаниями признания некачественно оказанной услуги, в том числе выступают отсутствие на остановочных пунктах навесов и павильонов¹¹, недоведение до сведения пассажиров расписания. Применительно к последнему

судами подчеркивается, что информирование о расписании движения поездов имеет целью обеспечение качественного и безопасного оказания населению услуг¹².

В сфере перевозки пассажиров воздушным транспортом услуга по перевозке признавалась некачественной вследствие неисполнения обязанности по предоставлению прохладительных напитков и размещению в гостинице в случае задержки рейса. Как отмечено судом, несмотря на отсутствие данного условия в договоре, оно является обычно предъявляемым требованием к качеству услуги по перевозке пассажиров воздушным транспортом¹³.

Таким образом, нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения в процессе оказания услуги, влекущее признание ненадлежащего её оказания, наряду с мерами гражданско-правовой ответственности влечет публичную ответственность по главе 12 и ст. 14.4 КоАП РФ.

Данные обстоятельства порождают обоснованный вопрос о нарушении принципа недопустимости привлечения к двойной ответственности за нарушение одного и того же деяния (*non bis in idem*)¹⁴ как с точки зрения привлечения к административной ответственности (ч. 5 чл. 4.1 КоАП РФ), так и одновременно к административной и гражданско-правовой.

Согласно позиции Суда Европейских сообществ, применение указанного принципа регулируется триединым условием тождества фактов, единства нарушителя и защищаемого правового интереса¹⁵, что позволяет интерпретировать данную позицию через три основных элемента состава правонарушения, традиционно выделяемых в теории: объект, объективная сторона и субъект.

⁷ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 8 декабря 2020 г. № 07АП-9905/2020 по делу № А27-13086/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2015 г. № 307-АД15-6910 по делу № А05-9987/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 октября 2015 г. по делу № А05-7999/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10 июля 2020 г. № Ф06-62609/2020 по делу № А65-25436/2019; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 мая 2019 г. № 13АП-8851/2019 по делу № А56-163381/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2014 г. по делу № А33-1951/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2015 г. по делу № А33-25514/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 13 августа 2015 г. № 08АП-6962/2015 по делу № А75-2955/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., например: Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.); Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Дело «Олборг Портленд и другие против Комиссии» (Aalborg Portland and others v. Commission), С-204/00Р, 205/00Р, 211/00Р, 213/00Р, 217/00Р, 219/00Р, § 338, 7 янв. 2004 г.

Исходя из изложенного, не допускается применение нескольких мер ответственности при одновременном совпадении трех перечисленных элементов состава правонарушения. Такой подход является распространенным как в международной¹⁶, так и в отечественной практике.

Объектом охраны главы 12 КоАП РФ выступают общественные отношения в сфере дорожного движения, ст. 14.4 КоАП РФ — защиты прав потребителей, в рамках гражданского-правового законодательства — имущественные и неимущественные права граждан.

Субъектами правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, выступают участники дорожного движения или хозяйствующие субъекты, эксплуатирующие транспорт, ст. 14.4 КоАП РФ — исполнитель услуг в сфере перевозок пассажиров, в рамках гражданского-правового законодательства также исполнитель услуги.

Объективная сторона представлена одинаковыми материальными действиями — нарушениями требований безопасности дорожного движения, различающимися по юридической квалификации. Тем не менее сложившаяся в России правоприменительная практика свидетельствует о возможности одновременного применения нескольких мер ответственности, даже относящихся к одной отрасли права, если объективная сторона имеет сложный комплексный характер¹⁷.

Таким образом, сформировавшиеся в теории и практике подходы не исключают привлечение нарушителя к нескольким видам ответственности за совершение деяния, которое, несмотря на внешне одинаковое выражение, посягает на разные охраняемые интересы. В таких случаях деяние затрагивает несколько правовых отраслей и институтов, что предполагает различие юридического состава нарушения по признакам объекта, объективной стороны и субъекта.

Применительно к рассматриваемой комбинации мер ответственности, стоит отметить, что ввиду комплексного характера состава такого нарушения (ст. 14.4 КоАП РФ)

¹⁶ См., например: Постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2009 г. «Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1; Решение Верховного Суда США по делу «Грейди против Корбина» (Grady v. Corbin), 495 U.S. 508 (1990).

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 декабря 2020 г. № Ф08-10983/2020 по делу № А53-45431/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

в правоприменительной практике признавалось допустимым одновременное привлечение нарушителя к административной ответственности за нарушение отраслевых норм, требований к качеству выполнения работ или оказания услуг, а также к гражданского-правовой ответственности.

Так, например, в ходе проверки санатория установлены нарушения санитарно-бытовых требований. Нарушения выражались, в частности, в некачественной уборке спальных помещений, неровности полов в них, нарушении целостности линолеума, сколах на посуде и др.

Это послужило основанием привлечения санатория и его некоторых работников к административной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических требований по ст. 6.4 и ст. 6.6 КоАП РФ, а также за оказание населению услуг ненадлежащего качества по ст. 14.4 КоАП РФ. Одновременно с этим заказчик — Фонд социального страхования, в интересах которого функционировал санаторий, взыскал с санатория неустойку в связи с ненадлежащим исполнением контрактных обязательств¹⁸.

С учетом того, что меры ответственности направлены на защиту разных интересов, а также приведенного примера из практики, не исключается одновременное привлечение перевозчика к административной ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения и по ст. 14.4 КоАП РФ, а также возврат стоимости билета пассажиру в связи с некачественно оказанной услугой по перевозке.

Представляется, что ограничение лишь одним видом ответственности при совершении деяния, посягающего на несколько охраняемых интересов, препятствует эффективной реализации правовых институтов, направленных на охрану соответствующих интересов.

Такой комплексный подход к применению мер ответственности в отношении перевозчика, деятельность которого находится в плоскости разносторонних отношений, представляется вполне уместным, что подтвердил высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации.

В одном из своих решений Конституционный суд Российской Федерации указал,

¹⁸ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2016 г. № 18АП-10906/2016 по делу № А47-2869/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

что правовые средства, направленные на поддержание правовой дисциплины, могут носить комплексный, межотраслевой характер, но при этом должны согласовываться с целями, ради которых они применяются, и быть пропорциональными, не порождать избыточных, чрезмерных ограничений прав и свобод¹⁹.

Рассматривая нарушения требований безопасности дорожного движения в сфере перевозок пассажиров как основания привлечения к административной и гражданско-правовой ответственности, следует отметить, что факт привлечения к одной из видов ответственности фактически является основанием привлечения к ответственности другого вида.

Таким образом, возникает вопрос организации взаимодействия и обмена информацией между контрольно-надзорными органами (Госавтоинспекция, Ространснадзор) и пассажирами (потребители), которых в рассматриваемой сфере можно позиционировать как субъектов частного правового контроля.

В данной области институт частного правового контроля развит слабо, что обуславливается экономической нецелесообразностью и сложностью процедур, а также отсутствием конкретных правовых оснований. При этом своевременный и качественный контроль непосредственно со стороны потребителей услуги способен предупредить правонарушения со стороны перевозчика. С одной стороны, это способствует получению качественной услуги, с другой — позволяет избежать возможного привлечения перевозчика к ответственности.

Рассматривая вопрос взаимодействия указанных субъектов, стоит отметить, что одной из задач Транспортной стратегии Российской Федерации, направленной на достижение цифровой трансформации и ускоренное внедрение новых технологий в транспортную отрасль, является цифровизация пассажирских перевозок, а одним из направлений цифровизации транспортного комплекса — создание цифрового профиля пассажира²⁰.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2019 г. № 8-П по делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У. М. Эркеновой // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 нояб. 2021 г. № 3363-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50, ч. IV. Ст. 8613.

В рамках указанного профиля представляется возможным организовать канал связи между контрольно-надзорными органами (Госавтоинспекция, Ространснадзор, Роспотребнадзор) и потребителями услуг (пассажирами) о фактах нарушений требований в сфере безопасности дорожного движения, что, способствуя развитию института частного правового контроля, в конечном счете позволит гарантировать безопасность оказываемых услуг по перевозке пассажиров как публичными, так и частноправовыми средствами.

В заключение хотелось бы отметить, что требования по обеспечению безопасности дорожного движения в рамках оказания услуг по перевозке пассажиров одновременно выступают условиями надлежащего оказания услуг в рассматриваемой сфере, нарушение которых должно рассматриваться не только как правонарушение в сфере дорожного движения (глава 12 КоАП РФ), но и как нарушение условий договора (ст. 793 ГК РФ), а также оказание услуг ненадлежащего качества (ст. 14.4 КоАП РФ).

Считаем необходимым расширить практику привлечения к ответственности по ст. 14.4 КоАП РФ за оказание услуг ненадлежащего качества, выраженное в несоблюдении требований по обеспечению безопасности дорожного движения, не ограничиваясь техническими неисправностями автобусов. Рассматриваемый подход может быть применен не только к перевозке пассажиров автобусов, но и любым другим автомобильным транспортом, в том числе легковым такси.

Указанный административно-правовой инструмент обладает существенным потенциалом, поскольку помимо штрафа предусматривает возможность назначения конфискации орудия и предмета совершения нарушения. Конфискация транспортного средства в этом случае должна рассматриваться как крайняя мера и применяться при наличии реальной угрозы безопасности дорожного движения с учетом недопустимости необоснованного срыва транспортного обслуживания населения.

Ввиду того, что нарушение требований безопасности дорожного движения в процессе оказания услуг по перевозке пассажиров является основанием для привлечения перевозчика к гражданско-правовой ответственности, необходимо предусмотреть механизм оповещения пассажира о привлечении перевозчика к соответствующей административной ответственности для возможности защиты их прав. Такой механизм может быть

реализован в рамках цифровизации перевозочной деятельности, создания цифрового профиля перевозчика и пассажира, и будет способствовать развитию института частного правового контроля.

Одновременное применение к перевозчику нескольких мер ответственности в настоящее время в рамках рассмотренных правовых институтов за одно нарушение не рассматривается как противоречащее принципу недопустимости привлечения к двойной ответственности за совершение одного и того же деяния ввиду разных охраняемых интересов, природы нарушений и правовых статусов, которыми обладает перевозчик и его работники (хозяйствующий субъект,

эксплуатирующий транспортное средство, исполнитель услуги, должностное лицо, водитель и др.).

Вместе с тем, в условиях реформы контрольно-надзорной детальности, направленной на снятие необоснованных административных барьеров на пути развития экономики нашей страны, вопрос двойной ответственности хозяйствующих субъектов остается дискуссионным. Это заставляет задуматься о построении единой логичной системы ответственности перевозчика и оснований её наступления, исключающей чрезмерное давление и регламентацию её особенностей в профильном законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баканов К. С., Исаев М. М., Коблов П. С. Приоритет безопасности дорожного движения над экономическими результатами хозяйственной деятельности при перевозке пассажиров автобусами : монография. — Москва : Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, 2023. — 386 с.
2. Гордеева А. Д., Ляхов П. В. Обеспечение безопасности дорожного движения на международном уровне и в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2022. — № 4 (93). — С. 29 — 39.
3. Горяинов А. И. Некоторые вопросы совершенствования нормативно-правовой основы федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. — 2023. — № 1 (28). — С. 33 — 39.
4. Ермаганбетов А. С. Анализ состояния аварийности с участием автобусов за 2021 год // Безопасность дорожного движения. — 2022. — № 1. — С. 11 — 20.
5. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) в сфере дорожного движения в новой регуляторной политике // Безопасность дорожного движения. — 2023. — № 1 (28). — С. 28 — 32.
6. Кардашова И. Б. Безопасность дорожного движения в контексте обеспечения национальной безопасности // Безопасность дорожного движения. — 2023. — № 1 (28). — С. 6 — 11.
7. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / А. Г. Авдейко, С. Н. Антонов, И. Л. Бачило [и др.]; под общ. ред. Н. Г. Салищевой. — 7-е изд. — Москва : Проспект, 2011. — 1291 с.
8. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) / Р. В. Амелин, Е. А. Бевзюк, Ю. В. Волков [и др.]. — URL: https://online-edu.ranepa.ru/pluginfile.php/36724/mod_page/content/12/2020-20_LBE_05-03_sr.pdf?ysclid=lp33zriml565814365.
9. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Д. С. Велиева, А. С. Ермакова, Ю. В. Капитанец [и др.]; под ред. Э. Г. Липатова, С. Е. Чаннова. — Москва : ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. — 555 с.
10. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2021 году: информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, М. М. Исаев [и др.]. — Москва : Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, 2022. — 368 с.
11. Состояние и тенденции безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2011 — 2020 годах: аналитический обзор / С. Н. Антонов, К. С. Баканов, П. В. Ляхов [и др.]. — Москва : Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, 2022. — 368 с.
12. Трунцевский Ю. В., Козлов А. А. Охрана и защита прав на средства индивидуализации товаров. — Москва : Юрист, 2006. — 168 с.

REFERENCES

1. Bakanov K. S., Isaev M. M., Koblov P. S. *Prioritet bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya nad ehkonomicheskimi rezultatami khozyaistvennoi deyatelnosti pri perevozke passazhirov avtobusami* [Priority of Road Traffic Safety over Economic Performance of Buses]. Moscow, Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2023. 386 p.
2. Gordeeva A. D., Lyakhov P. V. Road Safety at the International Level and in the Russian Federation. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Lukyanova = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov*, 2022, no. 4 (93), pp. 29 — 39. (In Russian).

3. Goryainov A. I. Some issues of improving the regulatory framework of the federal state control (supervision) in the field of road safety. *Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya = Road Safety*, 2023, no. 1, pp. 33–39. (In Russian).
4. Ermaganbetov A. S. Analysis of the status of accidents involving buses for 2021. *Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya = Road Safety*, 2022, no. 1, pp. 11–20. (In Russian).
5. Zyryanov S. M. State control (supervision) in the field of road traffic in the new regulatory policy. *Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya = Road Safety*, 2023, no. 1, pp. 28–32. (In Russian).
6. Kardashova I. B. Road Safety in the context of national security. *Bezopasnost dorozhnogo dvizheniya = Road Safety*, 2023, no. 1, pp. 6–11. (In Russian).
7. Avdeiko A. G., Antonov S. N., Bachilo I. L. et al.; Salishcheva N. G. (ed.). *Kommentarii k Kodeksu Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh (postateinyi)* [Comment to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (Article by Article)]. 7th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 1291 p.
8. Amelin R. V., Bevzyuk E. A., Volkov Yu. V. et al. *Commentary to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation of 30.12.2001 195-FZ (Article by Article)*. URL: https://online-edu.ranepa.ru/pluginfile.php/36724/mod_page/content/12/2020-20_LBE_05-03_sr.pdf?ysclid=1pa33zriml565814365. (In Russian).
9. Velieva D. S., Ermakova A. S., Kapitanets Yu. V. et al.; Lipatova Eh. G., Channov S. E. (eds). *Postateinyi kommentarii k Kodeksu RF ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Comment to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (Article by Article)]. Moscow, GrosSMedia, ROSBUKH Publ., 2008. 555 p.
10. Bakanov K. S., Lyakhov P. V., Isaev M. M. et al. *Pravoprimeritel'naya deyatelnost v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2021 godu: informatsionno-analiticheskii obzor* [Road Safety Law Enforcement 2021: Information and Analysis Overview]. Moscow, Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2022. 368 p.
11. Bakanov K. S., Antonov S. N., Lyakhov P. V. et al. *Sostoyanie i tendentsii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii v 2011–2020 godakh: analiticheskii obzor* [The state and trends of road safety in the Russian Federation in 2011–2020: analytical review]. Moscow, Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2022. 368 p.
12. Truntsevskii Yu. V., Kozlov A. A. *Okhrana i zashchita prav na sredstva individualizatsii tovarov* [Protection and Protection of Rights to Means of Individualization of Goods]. Moscow, Yurist Publ., 2006. 168 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Баканов Кирилл Сергеевич (Москва) — кандидат юридических наук, начальник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (121170, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17, e-mail: kbakanov@mvd.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakanov, Kirill S. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Head of the Department for the Study of Problems of Regulatory Legal and Analytical Support, Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (17 Poklonnaya St., Moscow, 121170, Russia, e-mail: kbakanov@mvd.ru).

УДК 347.919.7

В. Г. Нестолий

*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016*

**ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ СУДА
В СОКРАЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 4. – С. 59–69.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.6.
Дата поступления 03.08.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Статья претендует на научную новизну. Предлагаются авторские группировки промежуточных решений в цивилистическом процессе. Автор исходит из тождества понятий сокращенного (суммарного) и упрощенного производства, разграничение данных понятий задачей исследования не является. Среди промежуточных решений, принимаемых судом, выделяются, во-первых, решения в сокращенных (суммарных) производствах, в том числе в производстве по обеспечению иска; во-вторых, решения, принимаемые по части требования, к таковым относится, в частности, промежуточное решение о назначении аванса в пользу спасателя в соответствии с Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации или Кодексом внутреннего водного транспорта Российской Федерации; в-третьих, решения об отмене ранее принятых решений, являющиеся ступенькой к итоговому решению, к данной группировке относится, например, решение арбитражного суда в порядке пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам об отмене собственного решения по первой инстанции. Относительная научная новизна состоит в том, что производство по обеспечению иска, или обеспечительное производство, отнесено к числу суммарных (сокращенных), наряду с упрощенным, приказным и заочным. Упрощенным (письменным и ускоренным) производством является также производство о распределении судебных расходов. Кроме того, в статье высказаны предположения о взаимосвязях между заочным и упрощенным производством; между упрощенным и приказным производством; между приказным и заочным производством. Приведены соображения о назначении приказного производства, призванного разграничить спорные требования, предназначенные для разбора в исковом производстве, и требования бесспорные, по которым можно выдавать судебные приказы о взыскании долгов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Суммарное производство; сокращенное производство; упрощенное производство; приказное производство; заочное производство; заочное решение; судебный приказ; промежуточное решение; декларация и приказ суда.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нестолий В. Г. Промежуточные решения суда в сокращенных производствах // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 59—69. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.6.

UDC 347.919.7

V. G. Nestoliy
*Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016*

**INTERLOCUTORY JUDGMENT
IN REDUCED PROCEEDINGS****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 59—69.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.6.
Received 03.08.2023, accepted 12.12.2023, available online 22.12.2023.

ABSTRACT

The article claims to be scientific novelty. The author's groupings of intermediate solutions in the civil process are proposed. The author proceeds from the identity of the concepts of shortened (summary) and simplified production; the distinction between these concepts is not the task of the study. Among the interim decisions made by the court, the following stand out. Firstly, decisions in abbreviated (summary) proceedings, including proceedings to secure a claim. Secondly, decisions taken regarding the part of the claim include, in particular, an interim decision on the appointment of an advance payment in favor of the rescuer in accordance with the Merchant Shipping Code of the Russian Federation or the Inland Water Transport Code of the Russian Federation. Thirdly, decisions to cancel previously made decisions, which are a stepping stone to the final decision; this group includes, for example, a decision of an arbitration court in the order of review due to newly discovered or new circumstances to cancel its own decision at the first instance. The relative scientific novelty lies in the fact that the proceedings to secure a claim, or security proceedings, are classified as summary (abbreviated), along with simplified, writ and correspondence. Simplified (written and expedited) proceedings are also proceedings on the allocation of court costs. In addition, the article makes assumptions about the relationship between correspondence and simplified production; between simplified and ordered production; between ordered and in-person production. Considerations are expressed on the appointment of a writ of execution, designed to distinguish controversial claims intended for review in the claim proceedings, and indisputable claims, for which court orders can be issued to collect debts.

KEYWORDS

Summary production; reduced production; simplified production; writ production; correspondence production; correspondence decision; court order; interim decision; declaration and court order.

Введение. Предмет статьи есть понятие промежуточного решения суда. Объект — суммарные (сокращенные) производства. Другими словами, суммарные производства исследуются через промежуточные решения. Или, наоборот, промежуточные решения исследуются посредством обращения к суммарным производствам. Суммарным производством в статье именуется, вслед за З. А. Папуловой, судебная процедура, в рамках которой решение может быть принято без проведения судебного заседания, когда одна из сторон не может предъявить или не предъявляет доказательств для разрешения спора о фактических обстоятельствах [12, с. 47–48]. *Промежуточным будем считать решение, которое может быть отменено тем судом, который его принял, в том самом производстве, в котором решение было принято.* Промежуточное решение, в таком понимании, есть понятие доктринальное. Например, п. 3 ст. 54 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»¹ устанавливает, что решение об обращении взыскания на предмет залога может быть отменено постановившим его судом, но данное решение законодатель не именуется промежуточным. Однако решение о взыскании аванса в счет вознаграждения, причитающегося спасателю, закон прямо называет промежуточным², поскольку подразумевается, что по инициативе заинтересованного лица полный размер вознаграждения суд может определить позднее. При этом закон не говорит, что промежуточное решение о взыскании аванса может быть отменено тем судом, который данное решение постановил. Доктринальная идея промежуточного решения, таким образом, может не совпадать с представлениями законодателя о данной идее.

Задачей статьи является классификация (группировка) промежуточных решений, встречающихся, в том числе, в суммарном,

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 29. Ст. 3400.

² Речь идет о п. 1 ст. 352 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 28 февр. 2023 г.) (Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207); п. 1 ст. 138 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 28 февр. 2023 г.) (Там же. 2001. № 11. Ст. 1001).

или сокращенном судебном производстве. Метод исследования — догматический (формально-юридический). Догматический метод, как писал профессор Б. А. Кистяковский, есть метод классификационный. Исследование идет в сознании автора посредством совершения различных интеллектуальных операций с понятиями, «мыслить» — означает совершать в уме действия с понятиями» [19, с. 44]. «В юридико-догматических исследованиях, — по словам Б. А. Кистяковского, — основной интерес сосредоточен на том, чтобы для каждого юридического института был найден какой-нибудь один определенный признак, который бы точно указывал его место в системе и при помощи которого можно было бы всегда безошибочно отличить его от всякого другого института» [8, с. 395–396]. Классификация позволяет выявлять связи между промежуточными решениями в разных сокращенных (суммарных) производствах: между решениями в упрощенном и заочном производствах, между судебным приказом и заочным решением.

Актуальность статьи обусловлена стремлением российской судебной системы обеспечить доступность к правосудию при возрастании нагрузки. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отметил, что ускорение и упрощение процедуры на всех стадиях судопроизводства является одним из основных направлений правотворческой и правоприменительной работы Верховного Суда³. Ускорению процедуры, как представляется, может способствовать внедрение в гражданский и арбитражный процесс различных моделей суммарных (сокращенных) производств⁴.

³ См.: Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на XVIII Совещании председателей Верховных судов государств-членов ШОС 11 марта 2023 г. // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/files/32255/> (дата обращения: 14.09.2023).

⁴ И. В. Решетникова отметила, что российскому гражданскому процессу термины «суммарное» или «сокращенное производство» не свойственны [13, с. 65]. З. А. Папулова говорит, что термин «суммарное производство» используется в странах общего права, имеет «некоторые черты сходства с приказными и упрощенными производствами в отечественном законодательстве» [12, с. 49].

К числу суммарных производств, как пишет профессор И. В. Решетникова, относятся производства, в которых принимаются промежуточные решения, либо производства при отсутствии тяжущихся сторон или хотя бы одной из них [14, с. 79, 80]. *Первая группировка промежуточных решений – решения, принимаемые судами в суммарных (сокращенных) производствах, наряду с такими решениями существуют промежуточные решения, которые постановляются вне суммарных производств.*

Упрощенное производство. Судебное разбирательство может идти в отсутствие тяжущихся, когда стороны не вызываются в судебное заседание. Это суммарное, или сокращенное производство, поскольку ни одна из сторон не может дать устных объяснений для обоснования своей позиции по делу. Это производство упрощенное, поскольку письменное⁵ Письменность избавляет судью от непосредственной коммуникации с участниками процесса; поэтому для суда упрощенное производство действительно сокращенное, ведь упрощенное производство не предполагает открытого судебного заседания. Вместе с тем, сокращенный характер письменного процесса не всегда предполагает скорый процесс. В минувшие годы полагали, что «принцип письменности чрезвычайно замедляет ход процесса и потому удобен только таким спорам, которые не требуют быстрого их разрешения» [5, с. 5].

Непосредственное участие в упрощенном производстве стороны принимают, обратившись к суду с ходатайством об утверждении мирового соглашения. В этом случае, как сказано в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 г. № 10⁶ (далее – постановление № 10), суд не переходит к рассмотрению дела по общим правилам (по полной форме) искового производства, а вызывает стороны для участия в заседании по вопросу об утверждении мирового соглашения.

⁵ «Развилось чисто-письменное судопроизводство, господствовавшее в течение долгого времени особенно в Германии и у нас в России по Своду законов. На основании Свода процесс в высшей степени упрощен, потому что сведено к письменному производству», – писал К. И. Мальшев [9, с. 339].

⁶ О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апр. 2017 г. № 10 (ред. от 5 апр. 2022 г.) // Российская газета. 2017. 25 апр.

Кроме того, стороны в соответствии с ч. 5 ст. 167 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – ГПК РФ) могут просить суд о рассмотрении дела в их отсутствие и направлении дела им копий решения суда. С такой просьбой стороны могут обратиться к суду независимо друг от друга или по договоренности между собой (соглашение о применении письменного производства)⁸. Пункт 15 постановления № 10 разъясняет, что в упрощенном производстве могут быть рассмотрены иски (дела), которые стороны согласились рассмотреть в упрощенном производстве, то есть без вызова сторон, при условии, что отсутствуют обстоятельства, препятствующие упрощенному производству. Другими словами, судопроизводство может быть упрощенным не только в случаях, названных в ч. 1 ст. 232² ГПК РФ, в ч. 1 ст. 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁹ (далее – АПК РФ). *Суд разбирает дело по правилам упрощенного производства и в случаях, когда стороны ходатайствовали об этом или не возражали против упрощенного производства.*

Итак, упрощенное производство есть производство суммарное, или сокращенное, поскольку судебное разбирательство¹⁰ идет без непосредственного участия сторон. *Но решение, принимаемое судом в данном производстве по правилам гражданского и арбитражного судопроизводства, промежуточным не является хотя бы потому, что суд, его принявший, по общему правилу, не может свое решение отменить в том же производ-*

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24 апр. 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁸ Тонко подмечает Е. И. Иванова: «Невозможно заключить соглашение о применении упрощенного порядка в отношении дел, по которым предусмотрено упрощенное производство в обязательном порядке», и «в отношении дел, по которым закон запрещает рассматривать дела в упрощенном порядке» [7, с. 132 – 133].

⁹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18 марта 2023 г., с изм. от 22 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹⁰ Термин «судебное разбирательство» может обозначать судебное заседание, в котором происходит рассмотрение и разрешение дела в гражданском или административном судопроизводстве. Об этом см., например [4, с. 332], но данный термин может обозначать и движение (производство) дела на всех стадиях процесса и во всех его циклах.

стве¹¹. В ст. 896 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. было сказано: «Со времени провозглашения резолюции суда по существу дела судебное установление не может само ни отменить, ни изменить оную» [16, с. 155]. Разумеется, не каждое промежуточное решение может быть отменено принявшим его судом, но решение является промежуточным, если оно может быть отменено тем судом, который его принял и в том же производстве, в котором оно было принято. К таковым решениям относятся судебные приказы и заочные решения, а также решения, принимаемые в упрощенном производстве в соответствии со ст. 294¹ Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹² (далее — КАС РФ).

В упрощенном производстве по правилам гражданского и арбитражного процесса суд не принимает промежуточных решений, однако промежуточное решение может быть принято судом общей юрисдикции в административном судопроизводстве.

Особые производства. В упрощенном (письменном) порядке могут идти особые производства, добавочные к исковому производству. Таковым является, например, производство о распределении судебных издержек¹³. Данное производство не является исковым, в нем разрешается вопрос не о праве на возмещение судебных издержек, а вопрос о факте, то есть вопрос о размере суммы, подлежащей взысканию с неправой стороны в пользу лиц, участвующих в деле. И, кроме того, здесь истец и ответчик могут выступать на одной стороне против третьего лица без самостоятельных требований, поставившего перед судом вопрос о судеб-

ных издержках¹⁴. Иными словами, стороны производства о распределении судебных издержек могут не совпадать со сторонами искового производства.

Почему автор говорит об определении суда, которым распределяются судебные издержки, если данное постановление суда (судебный акт) не есть промежуточное решение? По отношению к нему решение суда, принятое по существу заявленного требования, выступает в качестве промежуточного. Решение суда по существу иска имплицитно есть решение о праве получить возмещение издержек, которое принадлежит лицам, в пользу которого принят судебный акт. В свою очередь, определение суда о взыскании судебных издержек есть решение о размере суммы, которая подлежит взысканию в пользу правой стороны¹⁵.

Добавочные (факультативные) особые производства есть «придатки, осложняющие нормальный процесс» [2, с. 398]. Добавочные производства могут иметь место в составе искового дела не только после решения, принятого по существу предъявленного требования, но и сопровождать текущий исковой процесс. В упрощенной форме, то есть без извещения лиц, участвующих в деле, принимаются обеспечительные меры¹⁶, или меры по обеспечению иска. Без всяких сомнений, определение суда о принятии обеспечительных мер промежуточным решением

¹⁴ Например, Определением Арбитражного суда Республики Марий Эл от 12 августа 2008 г. по делу № А38-3322/2006-10-287 (URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e4dae861-d563-407b-b665-41efa7fd72f3>) взысканы судебные расходы в пользу третьего лица на стороне ответчика. При этом ответчик, в пользу которого ранее состоялось решение, наряду с истцом выступал против взыскания денежных средств. В исковом производстве такая ситуация может иметь место, когда истец и ответчик выступают в качестве соответчиков против третьего лица, предъявившего самостоятельное требование на предмет спора.

¹⁵ Профессор Н. Б. Зейдер в качестве примера промежуточного приводит решение о признании права потерпевшего на возмещение убытков по достижении потерпевшим возраста 15 лет (ст. 456 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.) [6, с. 71]. Положительное или отрицательное решение суда есть, по общему правилу, решение о признании права получить возмещение судебных издержек.

¹⁶ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» (Российская газета. 2023. 7 июня) говорит, что гражданском судопроизводстве обеспечительные меры принимаются в судебном заседании с извещением сторон, если это следует из закона.

¹¹ Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 (ред. от 23 июня 2015 г.) «О судебном решении» (Российская газета. 2003. 26 дек.) объясняет, что ст. 202 ГПК РФ дает возможность суду разъяснить решение, не изменяя его содержания. Суд не должен «под видом разъяснения» изменять существо решения хотя бы частично, а «должен только изложить его же в более полной и ясной форме». Если суд не может изменить решения под видом его разъяснения, то, тем более, суд не имеет процессуальной возможности самостоятельно изменить или отменить свое же решение.

¹² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

¹³ Абзац 3 п. 45 постановления № 10.

не является, невзирая на то, что может быть отменено тем судом, который его принял. Данное определение не есть решение; это не постановление суда по существу¹⁷. Что означает «решить дело по существу»? Решить по существу — означает ответить на вопрос о субъективном праве, поставленный перед судом в исковом заявлении (административном исковом заявлении) на основании юридических фактов, установленных судом по исследованным доказательствам¹⁸.

Обеспечительные меры должны быть, с одной стороны, связаны с предметом заявленного требования. С другой стороны, обеспечительные меры не должны предрешать будущего решения суда, то есть суд в определении о принятии обеспечительных мер не должен формулировать выводы, которые следует сделать в решении¹⁹. Например, профессором Т. В. Сахновой сказано: «Аксиоматично, что судья при решении вопроса о возбуждении дела не вправе предрешать его по существу и не вправе отказать в возбуждении процесса по материально-правовым основаниям» [15, с. 74].

Практика может называть обеспечительными мерами решения, по своей внешней форме являющиеся определениями, которые принимаются по доказательствам, исследованным в судебном заседании. Так, определение места жительства детей (порядка осуществления родительских прав) на период до вступления в законную силу судебного решения (ч. 6.1. ст. 152 ГПК РФ, ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации²⁰ (далее —

СК РФ), признано обеспечительной мерой²¹. Между тем данное определение принимается в судебном заседании с участием органа опеки и попечительства и учетом мнения ребенка, достигшего десятилетнего возраста. В свою очередь, закон не исключает принятия обеспечительных мер в судебном заседании, например, при подготовке дела к судебному разбирательству или при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции, но временное определение места жительства детей (порядка осуществления родительских прав) производится только в судебном заседании. *Такое определение не предваряет итогового судебного решения, однако позволяет суду проверить свое предположение о том, как следует определить место жительства (порядок осуществления родительских прав) в будущем решении. Это обстоятельство позволяет утверждать, что соответствующее определение является промежуточным решением.* Определением суда такое решение именуется по внешней своей форме; это решение, которое не окончательно, а временно декларирует (провозглашает, устанавливает, подтверждает) легальное место жительства ребенка и порядок его воспитания. Одновременно, данное решение не только декларирует, но и приказывает считать местом жительства ребенка то место, что временно определено судом в качестве такового.

«Установление известного положения является целью правосудия при рассмотрении судом любого гражданского дела как искового, так и неискового производства», — писал профессор Н. Б. Зейдер. «Эта черта правосудия, — указывал профессор, — получает свое необходимое выражение в том элементе судебного решения, который можно назвать *декларативным моментом* судебного решения» [6, с. 21]. В отличие от итогового решения, определение устанавливает временную декларацию о подтверждении права ребенка проживать по определенному судом месту жительства. Установленная декларация может быть изменена в том же производстве, например, при принятии судом первой инстанции итогового решения по делу, для чего заинтересованному лицу надо предоставить убедительные доказательства.

Отметим, что мысль о том, что обеспечительные меры могут быть приняты судом путем постановления промежуточного решения, не является неожиданной для процессу-

¹⁷ Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда от 1 июня 2023 г. № 5 разъясняет, что обеспечительные меры есть ускоренные и предварительное средство защиты, не требующее представления доказательств в объеме, который необходим для разрешения дела по существу. В п. 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (утратило силу) (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 12) было сказано, что судебные акты иностранных судов о принятии обеспечительных мер не являются окончательными судебными актами, принятыми *по существу* спора в состязательном процессе (курсив мой. — В. Н.).

¹⁸ Профессор Е. В. Васильковский учил, что решить по существу — проверить и окончательно установить правомерность искового требования [2, с. 398].

¹⁹ См., об этом п. 61 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4. С. 11 — 87).

²⁰ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28 апр. 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

²¹ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда от 1 июня 2023 г. № 15.

альной теории. «При рассмотрении дела арбитражем (третейским судом. — В. Н.), — пишет профессор В. В. Ярков, — обеспечительные меры осуществляются путем принятия промежуточного решения или определения» [20, с. 153]. Так в п. 14.2 Регламента Третейского суда Ассоциации Российских Банков сказано «обеспечительные меры могут приниматься в форме промежуточного решения, принимаемого Председателем Третейского суда АРБ или составом третейского суда (после его сформирования)»²². Определение об обеспечительных мерах, будучи актом правосудия, может содержаться в процессуальном документе, в котором содержится иное определение, например, о принятии искового заявления и возбуждении производства по делу²³. Но данное определение, гипотетически, может быть изложено и в промежуточном решении, которое принимается в предварительном судебном заседании по исследованным доказательствам. Промежуточное решение об обеспечении иска может быть отменено принявшим его судом по собственной инициативе или в связи с обращением заинтересованного лица. Кроме того, это решение может быть отменено в апелляционном производстве по жалобе того же лица.

Если меры по обеспечению иска есть меры, которые гарантируют истцу «получение удовлетворения по иску, в случае решения дела в его пользу» [11, с. 310], то судебное постановление о запрете ответчику совершать определенные действия по иску о запрещении ответчику совершать данные действия²⁴ есть промежуточное решение. Такое решение следует принимать, когда иск кажется суду достоверным [Там же, с. 311], например, когда представляется основательным опасение истца о причинении вреда в будущем (п. 1 ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации²⁵).

Приказное производство. Приказное производство предшествует исковому процессу, если выявлено, что предъявлен спор-

ный иск, либо исключает исковой процесс, если предъявлен иск бесспорный²⁶. Действительно ли приказное производство есть производство упрощенное? Коль скоро приказное производство названо в абз. 2 п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62²⁷ (далее — постановление № 62) одной из форм упрощенного производства, это означает, что приказное производство — упрощенное. Кроме того, существует традиция связывать приказное производство с упрощенной формой искового процесса, той формой, в которой за ненадобностью устраняется судебное разбирательство с непосредственным исследованием доказательств на глазах и с участием сторон²⁸. Но назначение приказного производства заключается не в ускорении взыскания. Назначение приказного производства состоит в разграничении предъявленных требований (исков) на спорные и бесспорные.

По бесспорным искам (притязаниям) мировой судья или арбитражный суд выдает судебный приказ. Если же иск, на взгляд суда, является спорным, то суд отказывает в принятии заявления о выдаче судебного приказа (п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 229. 4. АПК РФ). Спорность иска устанавливается не только при ознакомлении суда с документами, прилагаемыми к заявлению о выдаче судебного приказа, но и при принятии

²⁶ Не каждый критик согласится с тем, что заявление о выдаче судебного приказа содержит иск, но согласно п. 25 постановления № 62 должник вправе ссылаться на истечение исковой давности, возражая против исполнения судебного приказа.

²⁷ О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2016 г. № 62 (ред. от 5 апр. 2022 г.) // Российская газета. 2017. 13 янв.

²⁸ «Первая стадия процесса часто очень длительна и отдаляет конечную цель — получение удовлетворения. Во всех случаях очевидной правильности претензии это промедление, конечно, должно быть признано совершенно напрасным. Отсюда мысль об упрощении, а засим и совершенном упразднении первой стадии процесса для тех случаев, которые представляются несомненными в отношении присуждения. Так возникли упрощенный порядок искового производства, сокративший до минимума все формальности процесса, и понудительный порядок, с его исполнительной надписью на акте, совершенно упразднивший первую стадию процесса» [18, стлб. 1820]. Как видим, понудительное исполнение упраздняет процесс, а упрощенное производство — устраняет из процесса формальности (процессуальные гарантии).

²² Регламент Третейского суда Ассоциации Российских Банков // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 говорит, что определение о принятии обеспечительных мер может быть вынесено в виде отдельного судебного акта или содержаться в ином определении.

²⁴ Пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15.

²⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

судом возражений должника относительно исполнения судебного приказа (ст. 129 ГПК РФ, ч. 4 ст. 229.5. АПК РФ). Если иск является спорным, это означает, что дело должно рассматриваться в исковом производстве, а если иск спорным не является, то исковое производство по такому иску не требуется.

Приказное производство есть самостоятельный вид производства по гражданскому делу; кажется, что у данного производства должна быть своя упрощенная форма. Такой формы нет; упрощать нечего²⁹. Однако можно сказать иначе, *приказное производство – упрощенное, поскольку письменное*. Кроме того, приказное производство есть производство сокращенное, так как в данном производстве суд решения не принимает. Судебный приказ, с одной стороны, мы называем решением, употребляя термин «решение» для обозначения судебного постановления (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ), или судебного акта (ч. 1 ст. 16 КАС РФ, ч. 1 ст. 15 АПК РФ). Например, п. 53³ ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³⁰ промежуточными судебными решениями именуется определения и постановления суда, кроме итогового судебного решения (приговора суда).

С другой стороны, судебный приказ именуется решением, поскольку данное постановление заменяет собой решение, является как бы решением. В российской правовой системе судебный приказ есть исполнительный документ (ч. 2 ст. 121 ГПК РФ, п. 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³¹). Между тем, согласно Гражданскому процессуальному уложению Германии (ZPO), судебный приказ сам по себе исполнительным документом не является, хотя в судебном приказе и может быть изложен приказ суда об исполнении. При этом судебный приказ и приказ об исполнении могут быть вынесены разными судами (§ 699 ZPO). И, наконец, приказ об исполнении, согласно § 700 ZPO, равнозна-

чен заочному решению, которое обращено к немедленному исполнению [3, с. 232, 233]. Таким образом, судебный приказ по германскому праву – промежуточная ступенька к приказу об исполнении.

Судебный приказ не тождественен решению суда, в том числе и заочному решению. Но почему нельзя сказать, что судебный приказ есть решение? Судебный приказ по-прежнему без судебного разбирательства, а судебное разбирательство требуется для исследования доказательств и установления фактов, которые необходимы для подтверждения или установления субъективного права, нуждающегося в защите. Другими словами, судебный приказ – это только приказ суда, приказ без декларации, в то время как решение суда представляет собой единство декларации и приказа³². Приказ, содержащийся в решении суда, имеет своей предпосылкой декларацию. Поскольку в судебном приказе нет декларации, с указанием исследованных доказательств и фактов, установленных по исследованным доказательствам, то нет и необходимости в апелляционном производстве, в котором осуществляется проверка правильности исследования доказательств судом первой инстанции³³. Остается добавить, что упрощение судебной процедуры применительно к приказному производству заключается также в том, что в кассационных судах жалобы на судебные приказы рассматриваются судом в единоличном со-

²⁹ Упрощенной формой приказного производства можно считать автоматизированное приказное производство – документооборот идет по электронным сетям, проекты документов, в том числе судебных приказов, изготавливает электронно-вычислительная машина.

³⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

³¹ Об исполнительном производстве : Федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29 дек. 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

³² «Судебное решение, – писал Н. Б. Зейдер, – характеризуется тем, что содержащийся в нем приказ органа государства – суда – является следствием наличия в судебном решении другого элемента – подтверждения судом наличия или отсутствия спорного правоотношения между сторонами, наличия или отсутствия находящегося под спором субъективного права истца или факта, имеющего юридическое значение. Такое подтверждение в судебном решении является обязательной предпосылкой приказа, содержащегося в судебном решении» [6, с. 20].

³³ См., п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (Российская газета. 2021. 2 июля), п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 (Там же. 2020. 17 июля), п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (Там же. 25 июня).

ставе и, по общему правилу, без проведения судебного заседания³⁴.

Заочное производство. К числу упрощенных производств (процедур) относят также заочное производство, но заочное производство письменным, по общему правилу, не является. В заочном производстве суд проводит судебное заседание в общем порядке, то есть соблюдая принципы устности и непосредственности судебного разбирательства (ст. 234 ГПК РФ). Неслучайно в науке подчеркивают, что заочное производство основано на исследовании устных объяснений истца и других доказательств по делу [17, с. 7]. Письменным заочное производство может быть, если истец просит рассмотреть дело в его отсутствие (ч. 5 ст. 167 ГПК РФ). Но у истца, чаще всего, нет причин для неявки в суд.

Иное дело ответчик. «В судебных местах, — писал К. И. Малышев, — производится множество дел бесспорных, по которым ответчику нечего отвечать против иска; при всей изобретательности часто весьма трудно придумать сколько-нибудь благовидные возражения ... В таких случаях ответчик желает только затянуть дело, выжидать молча, или по возможности не даваться в руки правосудия» [10, с. 2]. Добавим, что в таких ситуациях ответчик может надеяться только на перемену настроения истца, на оплошность истца и его представителя, на разлад между ними, на ошибки суда в ходе заочного производства и при принятии заочного решения. Когда-то в былые годы ответчик мог и может сейчас уговорить истца не предъявлять заочное решение для исполнения и заочное решение по истечении трех лет теряло всякую силу (ст. 735 Устава гражданского судопроизводства). Поскольку решение теряло всякую силу, оно считалось как бы никогда не существовавшим, поэтому истец мог подать новое исковое заявление.

Закон говорит, что заочное решение отменяется судом первой инстанции при наличии оснований, указанных в ст. 242 ГПК

³⁴ См., абз. 3 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (Российская газета. 2021. 2 июля), п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 17 (Там же. 2020. 20 июля), п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» (Там же. 17 июля).

РФ. После отмены заочного решения рассмотрение дела в суде первой инстанции возобновляется (ст. 243 ГПК РФ). Заочное производство — действительно сокращенное в том смысле, что словесное состязание между сторонами отсутствует, суд не исследует доказательства ответчика в связи с его неявкой в судебное заседание. Однако считать простым заочное производство было бы опрометчиво. Достаточно указать на то, что заочное производство может рассматриваться как средство, позволяющее суду добиваться явки ответчика в суд под угрозой неблагоприятного для него решения суда. И, одновременно, заочное производство может рассматриваться как средство защиты интересов ответчика, не знающего, как именно ему следует возражать против предъявленного иска. В результате — можно ставить под сомнение преюдициальный характер обстоятельств, установленных судом без участия ответчика. *Связь между заочным и упрощенным производством состоит в том, что истец может просить суд рассмотреть дело без его участия и при отсутствии ответчика в заочном производстве.*

Вывод. Промежуточные решения принимаются не во всех суммарных производствах, промежуточные решения могут приниматься вне суммарных производств. *Промежуточные решения, принимаемые судами в ускоренных, или суммарных производствах, следует делить на решения, которые были отменены, принятыми их судами, и решения, которые отменены не были.* Но можно ли отмененные решения считать промежуточными, ведь если они отменены, то данных решений не существует. Если же они не отменены, то это решения не промежуточные, а итоговые. По всей видимости, такие судебные акты можно именовать промежуточными, но при этом следует помнить о том, что существуют решения, принятые судами по части требования, также именуемые промежуточными. Это решения, которые могут быть ступеньками к другим решениям, в том же самом или в самостоятельном производстве.

Промежуточными также могут именовать решения об отмене принятых ранее решений. Например, производство по пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам позволяет обратить внимание на три решения: первое — это решение, которое отменено, данного решения не существует как акта правосудия; второе — промежуточное решение, отменяющее первое; третье — решение, которое является итоговым. Последнее принимается в общем порядке (ст. 317 АПК РФ).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абова Т. Е. Арбитражное процессуальное право в системе права России // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. / [редкол.: Г. Д. Улетова (отв. ред.) и др.]. — Краснодар : Изд-во Р. Асланова ; Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — С. 55–66.
2. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. — Краснодар : Советская Кубань, 2003. — 528 с. — (Серия: Классика российской процессуальной науки).
3. Гражданское процессуальное уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению = Deutsches Zivilprozessordnung mit Einföhrungsgesetz : пер. с нем. / [сост. В. Бергманн]. — Москва : Волтерс Клувер, 2006. — 415 с.
4. Громошина Н. А. Является ли предварительное судебное заседание упрощением процесса? // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских и Европейского суда по правам человека : сб. науч. ст. / [редкол.: Т. Е. Абова и др.]. — Краснодар : Изд-во Р. Асланова ; Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. — С. 331–337.
5. Гуляев А. И. I. Торговое судопроизводство ; II. Передача торговли и ликвидация ; III. О несостоятельности. — Москва : Тип. В. М. Саблина, 1914. — 322 с.
6. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. — Москва : Юридическая литература, 1966. — 192 с.
7. Иванова Е. А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. — Москва : Статут, 2020. — 180 с.
8. Кистьяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Избранное : в 2 т. — Москва : РОССПЭН, 2010. — Ч. 1. — С. 33–640.
9. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства : в 3 т. — 2-е испр. и доп. изд. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. — Т. 1. — 444 с.
10. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства : в 3 т. — Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1875. — Т. 2. — 355 с.
11. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. — Краснодар : Советская Кубань, 2005. — 480 с. — (Серия: Классика российской процессуальной науки).
12. Папулова З. А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве. — Москва : Инфотропик Медиа, 2014. — 184 с. — (Серия: Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи ; кн. 11).
13. Решетникова И. В. Судебные реформы 1864 и 2014 гг. // Размышляя о судопроизводстве : избранное. — Москва : Статут, 2019. — С. 56–67.
14. Решетникова И. В. Судебные реформы: 1864 и 2014 гг. // Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы) : сб. науч. ст. / ред. Д. Я. Малешин. — Москва : Статут, 2014. — С. 70–81.
15. Сахнова Т. В. О концепции гражданского процесса и процессуального законодательства // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. / [редкол.: Г. Д. Улетова (отв. ред.) и др.]. — Краснодар : Изд-во Р. Асланова ; Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — С. 67–78.
16. Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции) : Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции) : Устав гражданского судопроизводства : Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства губернии Царства Польского, Волостной судебный устав Прибалтийских губерний / [отв. ред. и сост. Д. Х. Валеев]. — Москва : Статут, 2018. — С. 53–216. — (Серия: Классика гражданского процесса).
17. Черных И. И. Заочное производство в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 1998. — 30 с.
18. Шелухин С. Возможно ли обеспечение иска в понудительном порядке? // Право. — 1915. — 21 июня (№ 25). — Стлб. 1820–1826.
19. Эпштейн М. Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с. — (Серия «Humanitas»).
20. Ярков В. В. Понятие и значение обеспечительных мер в арбитражном процессе // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. / [редкол.: Г. Д. Улетова (отв. ред.) и др.]. — Краснодар : Изд-во Р. Асланова ; Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — С. 147–166.

REFERENCES

1. Abova T. E. Arbitration Procedural Law in the Russian Legal System. In Uletova G. D. et al. (eds). *Modern doctrin of civil, arbitration procedure and executory process*. Krasnodar, R. Aslanov Publ., Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2004, pp. 55–66. (In Russian).
2. Vaskovskii E. V. *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Civil Process Textbook]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban Publ., 2003. 528 p.

3. Bergmann V. (ed.). *Deutsches Zivilprozessordnung mit Einf hrungsgesetz*. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 415 p.

4. Gromoshina N. A. Is a Preliminary Trial a Simplification of the Process? In Abova T. E. et al. (eds). *The concept of development of judicial system and system of voluntary and compulsory execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, courts of the general jurisdiction, arbitration, the arbitration courts and the European court under human rights*. Krasnodar, R. Aslanov Publ., Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2007, pp. 331 – 337. (In Russian).

5. Gulyaev A. I. 1. *Torgovoe sudoproizvodstvo*. 2. *Peredacha torgovli i likvidatsiya*. 3. *O nesostoyatelnosti* [1. Commercial Proceedings. 2. Transfer of Trade and Liquidation. 3. Insolvency]. Moscow, V. M. Sablin Publ., 1914. 322 p.

6. Zeider N. B. *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [Judgement in a Civil Case]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1966. 192 p.

7. Ivanova E. A. *Soglasheniya v sfere grazhdanskoi yurisdiktсии: protsessualno-pravovoi aspekt* [Civil Jurisdiction Agreements: Procedural and Legal Aspects]. Moscow, Statut Publ., 2020. 180 p.

8. Kistyakovskii B. A. Social Sciences and Law. Essays on Methodology of Social Sciences and General Theory of Law. In Kistyakovskii V. A. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010. Pt. 1, pp. 33 – 640. (In Russian).

9. Malyshev K. I. *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Course of Civil Proceedings]. 2nd ed. Saint Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1876. Vol. 1. 444 p.

10. Malyshev K. I. *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Civil Procedure Course]. Saint Petersburg, M. Stasyulevich Publ., 1875. Vol. 2. 355 p.

11. Nefedev E. A. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Russian Civil Procedure Textbook]. Krasnodar, Sovetskaya Kuban Publ., 2005. 480 p.

12. Papulova Z. A. *Uskorennye formy rassmotreniya del v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Expedited Forms of Civil Proceedings]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2014. 184 p.

13. Reshetnikova I. V. Judicial Reforms in 1864 and 2014. In Reshetnikova I. V. *Razmyshlyaya o sudoproizvodstve. Izbrannoe* [Thinking About the Proceedings. Selected works]. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 56 – 67. (In Russian).

14. Reshetnikova I. V. Judicial Reforms: 1864 and 2014. In Maleshin D. Ya. (ed.). *Sudebnye ustavy Rossiiskoi imperii 1864 goda: vliyanie na sovremennoe zakonodatelstvo Litvy, Polshi, Rossii, Ukrainy, Finlyandii (k 150-letiyu Sudebnoi reformy)* [Court Charters of the Russian Empire 1864: Influence on the Modern Legislation of Lithuania, Poland, Russia, Ukraine, Finland (to the 150th Anniversary of the Judicial Reform)]. Moscow, Statut Publ., 2014, pp. 70 – 81. (In Russian).

15. Sakhnova T. V. Concept of Civil Procedure and Procedural Legislation. In Uletova G. D. et al. (eds). *Modern doctrin of civil, arbitration procedure and executory process*. Krasnodar, R. Aslanov Publ., Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2004, pp. 67 – 78. (In Russian).

16. Civil Procedure Statute. In Valeev D. Kh. (ed.). *Sudebnye ustavy Rossiiskoi imperii (v sfere grazhdanskoi yurisdiktсии)*. [Statutes of the Russian Empire (in the Sphere of Civil Jurisdiction)]. Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 53 – 216. (In Russian).

17. Chernykh I. I. *Zaochnoe proizvodstvo v grazhdanskom protsesse. Avtoref. Kand. Diss.* [Extramural Proceedings in Civil Proceedings. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1998. 30 p.

18. Shelukhin S. Is it Possible to Enforce the Claim in a Legitimate Manner? *Pravo = Law*, 1915, June 21 (no. 25), Column. 1820 – 1826. (In Russian).

19. Ehshtein M. N. *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat mir* [From Knowledge to Creativity. How Humanities Can Change The World]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 480 p.

20. Yarkov V. V. Concept and Meaning of Interim Measures in Arbitration. In Uletova G. D. et al. (eds). *Modern doctrin of civil, arbitration procedure and executory process*. Krasnodar, R. Aslanov Publ., Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2004, pp. 147 – 166. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестолий Вячеслав Геннадьевич (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nestoliy, Vyacheslav G. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.3/.7

Н. Н. Коротких

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация
ORCID: 0009-0003-8791-4859
ResearcherID: JPL-4580-2023*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДЛЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 70–75.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.7.

Дата поступления 08.07.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Законодательство не содержит понятия длящегося преступления. Правоприменитель решает этот вопрос, основываясь на теоретическом понятии длящегося преступления и ориентируясь на мнение Верховного Суда РФ по вопросам квалификации конкретных преступлений. Однако их отнесение к числу длящихся остается дискуссионным вопросом теории и практики применения уголовного закона. В статье рассмотрены теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы, связанные с длящимся преступлением. В науке уголовного права сложилось достаточно устойчивое представление о том, какие преступления, предусмотренные в Особенной части УК РФ, следует относить к числу длящихся. В проведенном исследовании сделана попытка выявить насколько сложившееся в теории и практике понимание длящегося преступления позволяет давать справедливую уголовно-правовую оценку деяниям, подпадающим под это определение. Подвергаются критическому анализу руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения правил о длящихся преступлениях, рассматриваются также некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся признаков исследуемой категории преступлений. В результате анализа юридической доктрины и правоприменительной практики в статье сформулированы те существенные признаки, которыми должно, по нашему мнению, обладать преступление длящегося, чтобы считаться длящимся. По итогам проведенного исследования высказаны рекомендации, направленные на легальное закрепление дефиниции длящегося преступления и момента его окончания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Длющееся преступление; действие; бездействие; опасное состояние; состав преступления; уголовная ответственность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Коротких Н. Н. К вопросу о понятии длящегося преступления и необходимости его законодательного закрепления // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 70–75. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.7.

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF A CONTINUING CRIME AND THE NEED TO LEGISLATE IT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 70 – 75.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.7.
Received 08.07.2023, accepted 12.12.2023, available online
22.12.2023.

ABSTRACT

The legislation does not contain the concept of a continuing crime. The law enforcement officer solves this issue based on the theoretical concept of a continuing crime and based on the opinion of the Supreme Court of the Russian Federation on the qualification of specific crimes. However, their attribution to the number of continuing ones remains a controversial issue in the theory and practice of the application of criminal law. The article examines the theoretical, legislative and law enforcement problems associated with a continuing crime. In the science of criminal law, there is a fairly stable idea of which crimes provided for in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation should be classified as continuing. In the conducted research, an attempt is made to identify how the understanding of a continuing crime that has developed in theory and practice allows us to give a fair criminal legal assessment of acts falling under this definition. The guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the rules on continuing crimes are critically analyzed, and some controversial issues related to the characteristics of the category of crimes under study are also considered. As a result of the analysis of legal doctrine and law enforcement practice, the article formulates those essential features that, in our opinion, a crime must possess in order to be considered lasting. Based on the results of the study, recommendations were made aimed at legally consolidating the definition of a continuing crime and the moment of its end.

KEYWORDS

Continuing crime; action; inaction; dangerous condition; corpus delicti; criminal responsibility.

FOR CITATION

Korotkikh N. N. On the issue of the Concept of a Continuing Crime and the Need to Legislate It. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 70 – 75. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.7.

Уголовно-правовая характеристика длящихся преступлений достаточно специфична и не все ее положения однозначно оцениваются и толкуются в теории уголовного права.

Вопросу о длящихся преступлениях в отечественной уголовно-правовой доктрине уделяется немало внимания, хотя, как верно отмечается, в законодательстве он явно недооценивается [2, 10, 13, 14].

В то же время в целях восполнения пробела в уголовном законе предпринимаются

попытки путем толкования определить категорию длящегося преступления в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Хрестоматийным в этом плане можно назвать Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 23 от 4 марта 1929 г.¹ В нем,

¹ Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. №23 (ред. от 14 марта 1963г.)//СПС «КонсультантПлюс».

в частности, говорится, что «длжащееся преступление начинается с какого-либо преступного действия (например, при самовольной отлучке) или с акта преступного бездействия (при недонесении о преступлении). Следовательно, длжащееся преступление можно определить как «действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования». Данное определение внесло весомый вклад в процесс теоретического осмысления длжащихся преступлений и, по мнению А. В. Наумова, стало едва ли не классическим [6].

Тем не менее и в современный период развития уголовного права проблемы понимания и сущности длжащегося преступления не исчезли. До сих пор не определены критерии отнесения преступлений к категории длжащихся.

В научной литературе отмечается, что длжщимся является преступление, которое начинается с акта противоправного действия или бездействия и, не оканчиваясь этим моментом, непрерывно осуществляется, образуя «преступное состояние» лица, до момента его прекращения по воле лица или по обстоятельствам, не зависящим от его воли [14, с. 121].

А. П. Козлов отмечает, что длжащееся преступление — это существующее непрерывно действие или бездействие, создающее опасное состояние при наличии общей цели и единого умысла [3, с. 75].

Преступное состояние лица, является сутью длжащегося преступления, его специфической особенностью [12]. Н. С. Таганцев считал, что «для признания известного преступного деяния длжщимся, безусловно, необходимо, чтобы непрерывно возобновлялась та составная часть деяния, в которой закон видит его преступную сущность» [9, с. 281].

Этот признак длжащегося преступления является практически устоявшимся в теории уголовного права, хотя фраза «преступное состояние» была исключена из определения в редакции Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г. № 1 и вместо нее введена «с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом».

Остается понять, что же включает в себя признак «длжительное невыполнение обязанностей», где они закреплены? В чем «преступная сущность» таких деяний, как, например, дезертирство, неуплата налогов, побег из места лишения свободы и т.д., которые многие специалисты считают длжщимися преступлениями?

Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О прак-

тике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»² установил, что «...преступления, предусмотренные статьями 328 и 338 УК РФ, являются длжщимися. В случае если лицо не явилось с повинной или не было задержано, указанные преступления оканчиваются вследствие отпадения у него обязанностей по призыву на военную службу, прохождению военной или альтернативной гражданской службы». Из этого можно сделать заключение, что преступное состояние в этих составах определяется некоей обязанностью, от выполнения которой лицо уклоняется. Некоторые авторы ставят под сомнение такой вывод, поскольку фактическое достижение цели уклонения от прохождения воинской службы находится за пределами этого состава преступления, а следовательно, оно не может определять момент окончания данного преступления. Дезертирство — это оставление воинской части без законных оснований. Определить момент совершения преступления довольно легко — это день, когда военнотружущего не было на обязательном построении и его поиск на территории воинской части не увенчался успехом. Именно с этой даты и должен начинаться течь срок привлечения лица к уголовной ответственности, поскольку с этого времени потерпевший (государство в лице воинской части) знал или должен был знать о нарушении своих прав. Дальнейшее поведение преступника, его цели, мотивы не играют никого значения для квалификации преступления как завершенного (состоявшегося, оконченного). Это простое одномоментное преступление с формальным составом [8].

Совершение деяния, связанного с неисполнением какой-либо обязанности (уплаты налогов, уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей, оказания помощи больному, прохождения военной службы, отбывания наказания и т. д.), и есть конечная цель этого преступления. С момента достижения указанной цели преступление и юридически и фактически окончено.

Однако во многих публикациях отмечается, что особенность длжащегося преступления состоит в том, что его состав непрерывно

² О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апр. 2008 г. № 3 // Российская газета. 2008. 9 апр.

осуществляется на этапе юридически окончательного преступления. Основываясь на уже упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г., ряд ученых полагают, что последующее длительное невыполнение возложенных на лицо обязанностей после достижения определенной цели является признаком длящегося преступления. Получается, что для того, чтобы преступление было длящимся, к нему нужно «пристегнуть» деяния по восстановлению нарушенного права. Но в судебной практике нередки ситуации, когда лицо, даже уже осужденное за совершение длящегося преступления (в том его понимании, как это рекомендует Пленум ВС СССР от 14 марта 1963 г.), не прекращает своих преступных действий. Например, осуждение лица по ст. 157 УК РФ за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, может продолжаться и во время, и после отбывания наказания. В таких случаях продолжение преступного деяния после осуждения следует расценивать как новое (повторное) преступление, поскольку первое преступление было окончено как юридически, так и фактически.

На наш взгляд, важно понимать, что цель преступника, например, уклониться от уплаты алиментов в этом и заключалась, и она достигнута совершением преступного деяния, указанного в диспозиции статьи и именно это преступное состояние длится во времени в неизменяемом виде. Совершение же дополнительных либо тождественных действий находится за рамками статьи и может образовывать самостоятельный состав преступления или же превращает его в продолжаемое преступление. Таким образом различные виды «уклонений» (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, от уплаты налогов, сборов, от административного надзора, от отбывания ограничения свободы, лишения свободы и т.д.) являются простыми одномоментными преступлениями с формальным составом.

Как нам представляется, совокупность указанных признаков («преступное состояние» на стадии окончательного преступления и невыполнение определенных обязанностей) в длящемся преступлении позволяют относить к таковым слишком неопределенное число деяний. Д. М. Молчанов отмечает, что убийство кредитора с целью освободиться от обязанности выплачивать ему долг, если преступник еще и скрывается от преследования, следуя определению Пленума ВС СССР (от 14 марта 1963 г. № 1), можно признать длящимся преступлением. Лицо совершило действие, далее на

стадии окончательного преступления находится в «преступном состоянии», поскольку уклоняется об обязанности выплаты долга и уклоняется от обязанности привлечения к уголовной ответственности. Вывод напрашивается сам собой: государство произвольно объявляет преступление длящимся до момента поимки преступника, тем самым нивелируя институт давности привлечения лица к уголовной ответственности [8]. Согласимся, что «традиционное определение длящегося преступления абсурдно по своей сути — мы требуем от лица, преступившего закон «выполнения обязанностей, возложенных на него законом». ... А если они этого не сделают — считать их преступления окончанными *de jure*, но не окончанными *de facto*» [5, с. 747]. Хотя, по сути, общественная опасность деяний, включенных в уголовный закон, в том и заключается, что лицо нарушает ту или иную обязанность, например, соблюдать право на жизнь другого человека, на личную свободу, на уплату налогов и т. д.

Очевидная актуальность проблем, связанных с квалификацией длящихся преступлений, необходимость формирования единой судебной практики по соответствующим уголовным делам, отмечается и в проекте нового постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»³. В п. 2 проекта указано, что длящимся признается преступление, которое начинается с определенного преступного действия (например, с размещения в определенном месте незаконно приобретенного или незаконно изготовленного огнестрельного оружия с целью его незаконного хранения) или определенного преступного бездействия (например, с невыплаты зарплат, пенсий, стипендий, пособий или иных выплат), образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния. Как видно, в проекте постановления сохранена преемственность устоявшегося представления о длящемся преступлении. Под характеристику «последующего непрерывного осуществления состава преступного деяния» может подпадать «непрерывность, вплоть до наступления обстоятельств, его устранивающих» [7, с. 369], «протяженность во

³ Пленум Верховного Суда России рассмотрел постановление о практике по длящимся и продолжаемым преступлениям. URL: www.vsrfl.ru (дата обращения: 31.10.2023).

времени и пространстве ущерба» [4, с. 128], «срок исполнения обязанности, которая лежит на виновном» [1, с. 42.].

Как нам представляется, необходимо более узкое понимание термина «длжащееся преступление».

Так, Д. С. Чикин предлагает отказаться от признака «сопряженность с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования» [14, с. 10]. На наш взгляд, надо отталкиваться именно от этой идеи, так как уклонение от определенной обязанности в форме действия или бездействия как цель конкретного деяния достигнута, и лицо следует привлекать к ответственности. Последующее «преступное состояние» от совершенного деяния в длжащихся преступлениях должно подвергать объект уголовно-правовой охраны постоянному воздействию со стороны виновного.

Полагаем, что феномен «длжащихся преступлений» существует и характеризуется непрерывным осуществлением юридически оконченного состава определенного преступного деяния. Определяющим свойством длжащегося преступления должна выступать именно непрерывность негативного воздействия деяния на объект преступления (незаконное лишение свободы, похищение человека, участие в банде или преступном сообществе (преступной организации), незаконное хранение оружия или наркотических средств и др.). Общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, непрерывно нарушаются в течение всего времени осуществления длжащегося преступления, то есть с момента юридического окончания преступления до его фактического завершения. Так, например, при похищении человека, предусмотренном ст. 126 УК РФ, с момента его начала и до момента его окончания происходит непрерывное посягательство на сво-

боду человека. Непрерывность негативного воздействия на объект уголовно-правовой защиты определяется с момента юридического окончания преступления, то есть совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного диспозицией статьи и до момента фактического его окончания, то есть совершения действий самого лица, направленных на прекращение совершения этого деяния (например, явка с повинной, добровольная выдача незаконно хранившихся предметов) или наступления событий, препятствующих его дальнейшему осуществлению (например, задержание лица, участвующего в банде, освобождение похищенного правоохранительными органами). Совершая длжащееся преступление, лицо регулирует свое поведение, контролирует процесс причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Утрата такого контроля означает фактическое прекращение длжащегося преступления (например, сбыт незаконно хранящегося оружия, побег похищенного человека).

Полагаем, что длжащееся преступление — это совершение деяния, содержащего все признаки юридически оконченного состава преступления, предусмотренного конкретной статьей или частью статьи Особенной части УК РФ, при котором объекту уголовно-правовой охраны продолжает непрерывно причиняться вред со стороны виновного либо создается угроза причинения такого вреда, до момента фактического его окончания.

Представляется, что реализация указанных рекомендаций позволила бы сформулировать современное представление о длжащихся преступлениях и поспособствовать выработке более точных формулировок нового постановления Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел, а следовательно, повысить эффективность правоприменительной деятельности в масштабе всей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Звечаровский И. Момент окончания преступлений, связанных с уклонением от уплаты обязательных платежей // Российская юстиция. — 1999. — № 9. — С. 41 — 42.
2. Квалификация преступлений : учеб. пособие / Д. А. Мелешко [и др.] ; ред. К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 352 с.
3. Козлов А. П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация : учеб. пособие. — Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2007. — 280 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. — Москва : Госюриздат, 1958. — 219 с.
5. Молчанов Д. М. Длжащиеся преступления: уголовно-правовая оценка в соответствии с принципом справедливости // Lex Russica. — 2011. — № 4. — С. 741 — 752.
6. Наумов А. В. Проблемы квалификации длжащихся и составных преступлений // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2018. — № 5. — С. 12 — 17.
7. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — Москва : Госюриздат, 1961. — 666 с.

8. Сасов К. О феномене «длющихся преступлений» и «спирали времени». — URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/09/o_fenomene_dlyaschihsya_prestuplenij_i_spirali_vremeni (дата обращения: 8.09.2023).
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. — Москва: Наука, 1994. — Т. 2. — 393 с.
10. Трухин А. М. Одномоментные и длющиеся преступления // Правовые проблемы укрепления российской государственности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 28–30 янв. 2016 г.). — Томск: Изд-во Томского университета, 2016. — Ч. 70. — С. 3–5.
11. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. — Москва: Проспект, 2020. — 208 с.
12. Черненко Т. Г. Уголовно-правовое значение установления момента окончания длющегося преступления // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. конф. (Могилев, 5 апр. 2019 г.). — Могилев, 2019. — С. 124–127.
13. Чикин Д. С. К вопросу о понятии длющегося преступления и моменте его окончания // Общество и право. — 2010. — № 3 (30). — С. 148–151.
14. Чикин Д. С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Краснодар, 2013. — 33 с.

REFERENCES

1. Zvecharovskii I. Time of Termination of Mandatory Evasion Offences. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1999, no. 9, pp. 41–42. (In Russian).
2. Meleshko D. A. et al., Obrazhiev K. V., Pikurov N. I. (eds). *Kvalifikatsiya prestuplenii* [Qualification of Crimes]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 352 p.
3. Kozlov A. P. *Edinichnye prestupleniya: ponyatie, klassifikatsiya, kvalifikatsiya* [Single Offences: Concept, Classification, Qualification]. Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., 2007. 280 p.
4. Kuznetsova N. F. *Znachenie prestupnykh posledstviy dlya ugovolnoi otvetstvennosti* [Importance of Criminal Consequences for Criminal Responsibility]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. 219 p.
5. Molchanov D. M. Continuing Crimes: Criminal Justice Assessment in Accordance with the Principle of Justice. *Lex Russica*, 2011, no. 4, pp. 741–752. (In Russian).
6. Naumov A. V. Problems of Defining Continuing and Composite Crimes. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office*, 2018, no. 5, pp. 12–17. (In Russian).
7. Piontkovskii A. A. *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu* [Doctrine on the Crime Under Soviet Criminal Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 666 p.
8. Sasov K. *The phenomenon of "continuing crimes" and the "time spiral"*. URL: https://zakon.ru/blog/2019/08/09/o_fenomene_dlyaschihsya_prestuplenij_i_spirali_vremeni. (In Russian).
9. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovolno pravo: Lektsii. Chast Obshchaya* [Russian Criminal Law: Lectures. Part General]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 2. 393 p.
10. Trukhin A. M. Instantaneous and Continuing Crimes. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tomsk, 28–30 yanvarya 2016 g.* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Materials of All-Russian Research Conference, Tomsk, January 28–30 2016]. Tomsk State University Publ., 2016. Pt. 70, pp. 3–5. (In Russian).
11. Chernenko T. G. *Kvalifikatsiya prestuplenii: voprosy teorii i praktiki* [Qualification of Crimes: Questions of Theory and Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
12. Chernenko T. G. Criminal Law Significance of Establishing the End of a Continuing Offence. *Borba s prestupnostyu: teoriya i praktika. Tezisy dokladov konferentsii, Mogilev, 5 aprelya 2019 g.* [Fighting Crime: Theory and Practice. Abstracts of Conference Reports, Mogilev, April 5 2019]. Mogilev, 2019, pp. 124–127. (In Russian).
13. Chikin D. S. On the concept Of a Continuing Crime and the Moment of Its Ending. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2010, no. 3 (30), pp. 148–151. (In Russian).
14. Chikin D. S. *Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya). Avtoref. Kand. Diss.* [Complex Single Offences (Criminal Law Characterization, Qualification and Legislative Design). Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2013. 33 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коротких Наталья Николаевна (Владивосток) — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета (690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korotkikh, Natalia N. (Vladivostok) — Doctor Sci. (Law), Docent, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, the Law School of the Far Eastern Federal University (FEFU Campus 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia, e-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru).

УДК 343.301, 343.92, 343.97

И. М. Середа

*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5092-8187
ResearcherID: M-8289-2016*

С. А. Ступина

*Сибирская пожарно-спасательная академия
ГПС МЧС России,
Железногорск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8816-9841
ResearcherID: ABC-3349-2021*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ 2)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 76 — 87.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.8.

Дата поступления 17.07.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

Противодействие информационным атакам против России в современных условиях приобретает несомненную актуальность, особенно в свете появления современных стратегий и тактик когнитивных атак. Среди эффективных средств борьбы с негативным противоправным воздействием на сознание населения России выступает комплексное использование всего потенциала уголовного законодательства. Неотъемлемой частью грамотной политики информационного заслона является своевременное совершенствование нормативного регулирования, которое, прежде всего, должно быть направлено на стимулирование социально полезного поведения, противодействуя факторам, негативно воздействующим на формирование личности, на трансформацию сознания. В статье, с учетом краткого анализа трансформации оснований криминализации, в свете обоснованного постепенного отказа от либеральной модели уголовной политики, определены направления отдельных законодательных изменений с учетом как исторического опыта российского уголовного права, так и уголовно-правового регулирования сходных правоотношений в законодательстве дружественных России государств. Авторами в рамках формирования эффективных уголовно-правовых средств защиты национальной безопасности от асоциального информационного воздействия сформулированы конкретные предложения по изменению и дополнению уголовного законодательства России. Отдельное внимание уделено совершенствованию уголовно-правовых запретов в отношении действий, совершаемых с использованием социальных сетей, возможной квалификации действий по вовлечению в преступления против национальной безопасности лиц, неосведомленных о конечной цели совершаемых деяний, усилению уголовной ответственности за дискредитацию, подрыв авторитета государственных органов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Уголовное законодательство; безопасность; преступление; информационно-психологическое воздействие; специальная военная операция; уголовная политика; криминализация; уголовная ответственность; подрыв авторитета государственных органов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Серeda И. М., Ступина С. А. Некоторые вопросы противодействия преступности в условиях информационной войны (часть 2) // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 76–87. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.8.

UDC 343.301, 343.92, 343.97**I. M. Sereda**

*Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5092-8187
ResearcherID: M-8289-2016*

S. A. Stupina

*Siberian Fire and Rescue Academy of the
State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Zheleznogorsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8816-9841
ResearcherID: ABC-3349-2021*

**SOME ISSUES OF COUNTERING CRIME IN THE CONTEXT
OF INFORMATION WARFARE (PART 2)****PUBLICATION DATA**

*Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 76–87.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.8.
Received 17.07.2023, accepted 12.12.2023, available online
22.12.2023.*

ABSTRACT

The relevance of countering information attacks against Russia in modern conditions is gaining undoubted relevance, especially in light of the emergence of methods and tactics of cognitive attacks. Among the effective means of combating the negative illegal impact on the consciousness of the Russian population is the comprehensive use of the full potential of criminal legislation. An integral part of a competent information barrier policy is the timely improvement of regulatory regulation, which, first of all, should be aimed at stimulating socially useful behavior, counteracting factors that negatively affect the formation of personality and the deformation of consciousness. The article, taking into account a brief analysis of the transformation of the grounds for criminalization, in the light of a justified gradual rejection of the liberal model of criminal policy, identifies the directions of individual legislative changes, taking into account both the historical experience of Russian criminal law and the criminal legal regulation of similar legal relations in the legislation of states friendly to Russia. The authors, within the framework of the formation of effective criminal legal means of protecting national security from asocial information influence, formulated specific proposals for amending and supplementing the criminal legislation of Russia. Special attention is paid to improving criminal law prohibitions in relation to actions committed using social networks, the possible qualification of actions to involve persons unaware of the ultimate purpose of the acts committed in crimes against national security, strengthening criminal liability for discrediting, undermining the authority of government bodies.

KEYWORDS

Criminal legislation; security; crime; informational and psychological impact; special military operation; criminal policy; criminalization; criminal liability; undermining the authority of state bodies.

FOR CITATION

Sereda I. M., Stupina S. A. Some Issues of Countering Crime in the Context of Information Warfare (Part 2). *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 76 – 87. (In Russian). DOI 10.21639/2313-6715.2023.4.8.

После начала специальной военной операции (далее – СВО), которая была объявлена Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным 24 февраля 2022 г., со стороны коллективного Запада, который понимает, что невозможно одержать победу над Россией на поле боя, стали предприниматься действия, направленные на подрыв российского общества изнутри, в активную фазу вошли действия по информационно-психологическому воздействию на российское общество.

В условиях проведения СВО на Россию оказывается не только политическое, экономическое, военное, но и беспрецедентное информационное давление, в первую очередь, через социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и другие интернет-ресурсы, путем активного распространения недостоверной информации [11, с. 10].

Следует отметить, что в зарубежных исследованиях можно найти сведения о том, что еще задолго до начала СВО представителям иностранных государств рекомендовалось в целях выработки методик ведения информационной войны изучение российских публикаций и официальных документов, а также более тщательное изучение лиц, стоящих за этими высказываниями [23, 24].

Оговаривалось, что такие исследования могут помочь подготовить международное сообщество к будущим операциям, одновременно помогая политикам определить жизнеспособность и курс кибердипломатии и сдерживания [23].

При этом враждебные для России представители иностранных государств все это завуалировали тем, что, по их мнению, именно Россия стала активно формировать новую стратегию информационной борьбы [24].

Б. И. Кандауров отмечает, что «анализ действий наших геополитических противников показывает, что гибридная война против России ведется уже на протяжении длительного исторического периода, а информационная война представляет собой её важнейший компонент. При этом ведущая роль отводится операциям психологической войны и непрямым средствам воздействия на экономику, поскольку прямая вооруженная агрессия против России, обладающей ядерным оружием, пока представляется маловероятной» [7, с. 24].

Появилась разрабатываемая НАТО деструктивная идея когнитивной войны, которую Дю Клузель определил как имеющее «универсальный охват искусство использования технологий для изменения восприятия человеческих целей». Эти технологии, по мнению разработчика, включают области NBIC – нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки [21].

Как справедливо отмечается исследователями, «...в век современных информационных технологий проблемы информационной безопасности государства становятся ключевыми в системе обеспечения национальной безопасности государства» [4, с. 39].

Информационная безопасность является основой для обеспечения информационного суверенитета государства в ходе специальной военной операции [4, с. 46; 5; 15].

Органы государственного управления, решая возложенные на них соответствующие задачи и полномочия, своевременно реагируют на деструктивные действия, направленные на раскол российского общества [1, с. 5].

Говоря об уголовной политике, отметим, что современное правотворчество в области уголовного права совершенно справедливо взяло курс на антилиберальное охранительно-регулятивное воздействие на общественные отношения, входящие в круг объекта уголовно-правовых отношений. Такой вектор становится очевиден в свете последних законодательных новелл.

Заметим, что ранее специалисты уже высказывались о том, что «либерализм – враг диалектики»¹. Пропагандируемые коллективным Западом морально-нравственные ориентиры, в том числе и те, которые положены в основу правового регулирования, не приемлемы для развития российского общества и его правовой системы, поскольку за асоциальностью современной западной либеральной идеологии развития общества скрывается более глубокая и последовательная асоциальность, выражаемая в отрицании традиционных нравственно-духовных основ.

¹ Авагян В. Л. Билет в будущее. URL: <https://ss69100.livejournal.com/3793371.html>.

Позволим себе утверждать, что формируемое в последние десятилетия уголовное законодательство, к сожалению, также оказалось под влиянием западного либерализма.

Обоснованно, по нашему мнению, обратить внимание на опыт советского периода развития уголовной политики. Не стоит гипертрофировать отдельные положения уголовного законодательства того времени, но нельзя и не учитывать всего прогрессивного, что позволило уголовную политику периода СССР в определенной мере считать эффективной, отвечающей запросам развития общества.

Следует не забывать и научные концепции в трудах великих советских ученых (М. Д. Шаргородского, В. Н. Кудрявцева и др.), которые влияли на формирование положений советского уголовного законодательства [9].

Современные изменения уголовного законодательства в свете трансформирующейся уголовной политики, отражающей тенденции реалий общественного развития, выступают неопровержимым подтверждением того, что положенная в основу отечественного уголовного права либеральная модель уголовной политики, ко — торая своими теоретическими корнями восходит к работам Д. Милля, Ч. Беккариа, более не может обеспечить в процессе криминализации всестороннее обоснование такого процесса в силу определенного несоответствия такой модели тем морально-нравственным ценностям, которые в нашей стране актуализируются в настоящее время и обеспечивают консолидацию российского общества.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400² указано, что только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России.

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809,³ сказано, что традиционные ценности, к которым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм,

милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России, выступают нравственными ориентирами, которые в том числе укрепляют гражданское единство.

Именно такие нравственно-ценностные, моральные ориентиры позволяют консолидироваться российскому обществу, обеспечивая его развитие, и формируют, прежде всего, духовный заслон от либеральных догм коллективного Запада.

Полагаем, что те основы уголовной политики, которые в значительной степени служили образцом для отечественного уголовного права в последние десятилетия, начиная со второй половины 90-х гг. прошлого века, неизбежно трансформируются и, по нашему мнению, должны отойти от чуждых отечественному праву либеральных идеологий.

В контексте рассматриваемой проблематики представляется важным обратиться к теории психологического принуждения, основоположником которой является П. А. Фейербах [18, с. 14 — 19] и теории уголовно-правового воспитания Л. Е. Владимирова [12, с. 12 — 18].

В совокупности с традиционными основаниями криминализации указанные воззрения позволяют определить основу происходящих и необходимых в современных условиях новелл уголовного законодательства, поскольку именно наказание, используемое государством при нарушении правового запрета, сдерживает граждан от совершения преступлений, а также обеспечивает формирование и поддержание определено — го морального облика отдельной личности.

Л. В. Владимиров подчеркивает, что ни в какой другой области, так, как в уголовном правосудии, государство не является в такой степени важным воспитателем народа [12, с. 12 — 18].

Кроме этого, в настоящее время в отношении криминализации отдельных общественно опасных деяний можно вести речь и о конъюнктуре в уголовном законодательстве как определенном стечении обстоятельств, создавшемся положении, возникшей ситуации, комплексе условий, сложившихся в определенной сфере деятельности в конкретный период времени и оказывающих влияние на принятие решения [19, с. 8]. В таком случае традиционные основания и критерии криминализации следует рассматривать как некий общий фон оценки стечения обстоятельств, оказывающих влияние на принятие решения о криминализации деяний (декриминализации преступлений).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

В целом, как некий итог сказанного о криминализации в современных условиях, приведем мнение о том, что основание рациональной криминализации должно рассматриваться как слагаемое двух оснований: «1) социальное основание — наличие нетипичной формы социального поведения, которая приводит или неизбежно приведет к нежелательным для максимально большого круга людей изменениям в жизни отдельных индивидов, общества и государства; 2) политическое основание — наличие политической воли на признание этой формы поведения преступной» [8, с. 202].

С учетом изложенного позволим сформулировать и обосновать некоторые предложения по изменению и дополнению уголовного законодательства в целях противодействия информационным, когнитивным атакам, направленным на подрыв российского общества, а также на деформацию сознания как отдельной личности, так и той или иной группы и общества в целом.

Предварительно отметим, что после начала СВО на законодательном уровне принят ряд изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации⁴, направленных, в том числе и на борьбу с информационным воздействием.

Например, Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁵ введена ст. 280.3 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁶ состав престу-

пления, предусмотренный указанной ст. 280.3 УК РФ, был дополнен рядом важных признаков, связанных с направленностью действий по дискредитации.

7 декабря 2023 г. Государственная Дума РФ приняла в третьем чтении Законопроект № 445338-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части уточнения ответственности за дискредитацию добровольческих формирований, оказывающих содействие в выполнении задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации)»⁷.

Такие изменения свидетельствуют о пристальном внимании государства к противоправным действиям информационного характера в отношении национальных интересов и своевременности законодательного реагирования на потребности общества и системы защиты его законных интересов [14].

В целом, заметим, что такие действия, как пропаганда, в ракурсе информационного воздействия со стороны националистических, экстремистских и террористических организаций, в действующем УК РФ выступают признаком объективной стороны в следующих составах преступлений: ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»; 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем»; ст. 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан»; ст. 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами».

В п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусмотрено такое обстоятельство, отягчающее наказание, как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а в п. «с» — совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 авг. 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. Далее — УК РФ.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1389.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 12. Ст. 1871.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части уточнения ответственности за дискредитацию добровольческих формирований, оказывающих содействие в выполнении задач, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации) : Проект закона № 445338-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445338-8>.

«Интернет», в качестве отягчающего обстоятельства, в УК РФ предусмотрено в 134 статьях. Однако полагаем, что последнее актуально предусмотреть в ст. 63 УК РФ и учитывать при назначении наказания.

Рассматривая преступные действия по ведению информационной войны против России, нельзя не отметить, что назрела необходимость разработки дополнений и изменений уголовного законодательства в части введения ответственности за пропаганду, оправдание и поддержку действий противника, под которым, согласно примечанию к ст. 276 УК РФ, можно понимать иностранное государство, международную либо иностранную организацию, противостоящих Российской Федерации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники.

По нашему мнению, действия в указанных целях следует предусмотреть в ст. 63 УК РФ как самостоятельное обстоятельство, отягчающее наказание.

Напомним, что в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. в качестве состава преступления было определено распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения. Лица, виновные в этом деянии, карались по приговору военного трибунала лишением свободы на срок от двух до пяти лет, если оно по своему характеру не влекло за собой по закону более тяжкого наказания [10, с. 27].

Таким образом, полагаем обоснованным и в настоящее время либо в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, либо в отдельной уголовно-правовой норме в системе преступлений глава 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», установить уголовную ответственность за пропаганду, оправдание и поддержку действий противника, а также распространение заведомо ложной информации, искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих угрозу безопасности государства.

Сравнительный анализ УК РФ и Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 1 октября 2023 г.)⁸ в части регламентации уголовной ответствен-

ности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства свидетельствует, что в УК РБ, в отличие от УК РФ, в главе 32 «Преступления против государства» есть ряд актуальных для современной реальности уголовно-правовых норм.

Так, например, в ст. 356 УК РБ «Измена государству» предусмотрен такой квалифицированный состав, как «измена государству, совершенная должностным лицом, занимающим ответственное положение, должностным лицом, занимающим государственную должность, или лицом, на которое распространяется статус военнослужащего».

Полагаем, что аналогичный квалифицированный состав преступления обоснованно включить и в ст. 275 УК РФ.

Кроме этого, если в УК РФ предусмотрена уголовная ответственность по ст. 278 только за насильственный захват власти или насильственное удержание власти, то по ст. 357 УК РБ уголовно наказуемыми являются любые действия, совершенные с целью захвата государственной власти захвата или удержания государственной власти неконституционным путем, а также заговор в указанных целях.

Соответственно, если обратиться к юридическому толкованию термина «заговор», то в Республике Беларусь установлена уголовная ответственность даже в том случае, когда лица достигли соглашения о совершении действий против национальных интересов.

К примеру, 5 сентября 2022 г. Минский областной суд вынес приговор по ч. 1 ст. 357 УК РБ за заговор с целью захвата государственной власти неконституционным путем лицам, которые, по данным властей, готовили заговор против Президента Республики Беларусь. Было установлено, что подсудимые обсуждали свой замысел в переписке в одном из мессенджеров⁹.

Обращение к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики [17] показывает, что уголовное законодательство этой страны предусматривает широкий перечень преступлений против государственной безопасности, которые содержатся в главе 1 Особенной части УК КНР.

В отличие от УК РФ в УК КНР установлена, например, в ст. 102 «Государственная измена» уголовная ответственность за любые действия по причинению вреда суверенитету

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З : Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. URL: <https://continent-online.com>. Далее – УК РБ.

⁹ Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/minskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/552122b229614b41.html.

Китайской Народной Республики, ее территориальной целостности и безопасности, совершенные в сговоре с иностранным государством, в ст. 103 УК КНР «Раскол государства, призыв к расколу государства» — организацию, планирование и совершение практических действий, направленных на раскол государства, нарушение государственного единства, осуществленные зачинщиками или лицами, совершившими тяжкие преступления; за подстрекательство к расколу государства, нарушению государственного единства.

Отдельное внимание следует обратить на положения ст. 109 УК КНР «Предательское покидание страны», которая предусматривает уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до 5 лет, краткосрочный арест, надзор или лишение политических прав для сотрудников государственных органов, которые в период осуществления ими своих полномочий самовольно оставили пост и покинули страну либо остались за рубежом, причинив тем самым вред государственной безопасности Китайской Народной Республики. В случае же, если такие сотрудники владели сведениями, содержащими государственную тайну, то это наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Напомним, что в УК РСФСР 1926 г.¹⁰ был институт объявления вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР. Так, Постановлением ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР»¹¹ устанавливалось, что отказ гражданина СССР — должностного лица государственного учреждения или предприятия СССР, действующего за границей, на предложение органов государственной власти вернуться в пределы СССР, следует рассматривать как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену. Такие лица объявлялись вне закона, что влекло за собой конфискацию всего имущества осужденного и расстрел через 24 часа после удостоверения личности осужденного. При этом в указанном постановлении устанавливалась обратная сила закона.

В целом, можно констатировать, что в уголовном законодательстве дружественных

России государств имеются отдельные составы преступлений против государственной власти, которых нет в УК РФ. Однако, опыт этих стран показывает, особенно с учетом исторического аспекта, что ряд положений является весьма актуальным в современных реалиях и для нашей страны.

Отдельное внимание в рамках уголовно-правовых мер противодействия преступности, проявившейся в информационной сфере в условиях СВО, необходимо уделить деятельности граждан РФ, которые, уехав за пределы России, осуществляют информационную дискредитацию нашей Родины.

С позиции действующего УК РФ их действия содержат состав преступления, предусмотренный ст. 280.3 УК РФ, часть первая которой в качестве обязательного признака устанавливает такой, как совершение лицом действий по дискредитации после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Обязательное наличие административной преюдиции не способствует предупреждению наиболее опасных фактов дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

Представляется, что именно высказывания публичных, медийных лиц, представителей творческой среды, которые ранее были популярны среди населения, наносят большой вред национальной безопасности РФ, поскольку имеют деструктивное информационно-психологическое воздействие на гражданское общество и не способствуют его консолидации.

В этой связи обоснованно в ст. 280.3 УК РФ установить квалифицированный состав, субъект которого будет специальный.

Полагаем, что это можно сформулировать следующим образом: «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации, в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе, публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государ-

¹⁰ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года : Постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹¹ Собрание законов СССР. 1929. № 76. Ст. 732.

ственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, совершенные лицом, находящимся под иностранным влиянием».

Кроме указанного, следует обратить пристальное внимание на то, что, например, выступления ряда лиц из медийной сферы за рубежом не просто содержат признаки дискредитации, но и часть их средств направляется ими для финансирования деятельности иностранного государства, осуществляющего деятельность против безопасности РФ.

В таком случае, безусловно, следует констатировать, что такие действия охватываются признаками объективной стороны состава государственной измены: оказание гражданином РФ финансовой помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Однако состав государственной измены в рамках субъективной стороны предусматривает прямой умысел на совершение действий по такому финансированию, что может быть препятствием для привлечения к уголовной ответственности в случае, если организаторы тех же концертов таких лиц самостоятельно перечисляют часть средств враждебному иностранному государству.

Также возможно установление в рамках УК РФ уголовной ответственности и за осуществление гражданином РФ публичной деятельности за пределами РФ, доходы от которой могут быть использованы в ущерб национальной безопасности РФ.

Современная действительность определяется распространением действий лиц, которые фактически без заранее данного обещания способствуют совершению преступлений против национальной безопасности, например, владельцы социальных сетей и т.п.

Безусловно положительно то, что с 1 сентября 2023 г. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹² усилил ответственность последних за отказ от проведения мониторинга и блокировки запрещенной информации.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32, ч. I. Ст. 6133.

Однако следует обратить внимание на возможность введения уголовной ответственности для указанных лиц с учетом института административной преюдиции, а также на ответственность администраторов, создателей различных групп в социальных сетях, мессенджерах.

Анализ действующего уголовного законодательства свидетельствует о том, что имеется ряд норм, направленных на защиту авторитета государственных органов, публичной власти. Вместе с тем, существующий потенциал УК РФ не может в полной мере обеспечить эффективную защиту органов государственной власти от специально распространяемой негативной информации.

Содержательная составляющая авторитета государственной власти в силу своей абстрактности неоднократно выступала предметом научного осмысления в рамках различных отраслей познания, в том числе, философии, социологии, психологии. Как писал И. А. Ильин: «Власть, лишенная авторитета, хуже, чем явное безвластие» [6].

В юридическом поле неоднократно поднимается вопрос о совершенствовании специально-правовых средств противодействия информации, направленной на подрыв авторитета государственных органов. Так, например, И. Г. Башинская и О. М. Башинская предлагают уместным закрепить в нормах КоАП РФ в качестве административного правонарушения такие действия [2, с. 15].

Вместе с тем полагаем, что в современных условиях следует вести речь именно об уголовной ответственности, поскольку действия, направленные на подрыв авторитета государственных органов Российской Федерации, причиняют вред национальным интересам.

В УК РФ установлена уголовная ответственность в целом за клевету (ст. 128.1 УК РФ) и, в частности, за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298.1 УК РФ).

Кроме этого, предусмотрено наказание за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных

на Вооруженные Силы Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ) и публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ).

Анализ признаков составов всех вышеуказанных преступлений приводит к следующим выводам.

Так, во-первых, объектом клеветы, предусмотренной ст. 128.1 УК РФ, исходя из законодательного структурного помещения этого преступления в главу «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» раздела «Преступления против личности», выступают честь, достоинство и деловая репутация, как составляющие частной сферы жизни личности.

Как отмечает Л. В. Григорьевой, «...в ситуациях, когда виновный путем клеветы старается помешать законной деятельности официальных лиц, объект уголовно-правовой охраны смещается с интересов личности на интересы государственной службы или правосудия. Тогда последствия конфликта успешно регулируются статьями, предусматривающими ответственность за воспрепятствование деятельности компетентных органов государства или иных лиц (например, ст. 141, 144, 169, 294, УК РФ)» [3, с. 113].

Даже с учетом того, что согласно изменениям, внесенным в УК РФ в конце 2020 г.,¹³ ч. 2 ст. 128.1 дополнена таким квалифицированным составом, как клевета в отношении нескольких лиц, в том числе, индивидуально не определенных, не представляется возможным, с учетом направленности содеянного именно на национальные интересы, на подрыв публичной власти, квалифицировать распространение заведомо ложной, негативной информации по этой статье.

Также заметим, что при квалификации содеянного как клеветы, следует установить, что распространяются заведомо ложные, конкретные, а не оценочные сведения, которые не соответствуют действительности и порочащие честь и достоинство личности и (или) подрывающие его деловую репутацию [16, с. 185 – 186].

¹³ О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1, ч. I. Ст. 77.

Кроме этого, такие сведения должны содержать информацию о фактах либо уже произошедших, либо имеющих место в настоящее время, а не о будущих.

Если говорить о негативной, ложной информации, подрывающей авторитет государственных органов, то важно отметить, что такая информация может содержать и сведения о возможных будущих фактах, связанных с реализацией органами публичной власти своих полномочий.

Ярким примером такой дезинформации, негативно влияющей на общественно-политическую жизнь социума, и подрывающей авторитет публичной власти, выступают различные «вбросы» в информационное поле о возможных будущих вариантах мобилизации в России. Также примером могут служить и различные фейки со стороны Центра информационно-психологических операций (подразделения украинских сил специальных операций) о якобы как проводимых, так и планируемых органами государственной власти отдельных субъектов или муниципальных образований РФ мер по обеспечению общественной безопасности в том или ином регионе.

При этом такая дезинформация активно тиражируется посредством социальных сетей, мессенджеров.

Если обратиться к составам преступлений, предусмотренным ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, то в рамках первой установлена уголовная ответственность за публичное распространение, под видом достоверных сообщений, заведомо ложной информации, содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности своих полномочий за пределами территории Российской Федерации, а во второй — за публичные действия, направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности своих полномочий за пределами территории Российской Федерации.

Соответственно законодательно предусмотрены такие обязательные конструктивные признаки этих составов преступлений, как публичность действий, и то, что сведения или действия должны касаться исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ.

Таким образом, актуализировалась проблема установления уголовной ответственности за действия, в том числе публичные,

направленные на подрыв и дискредитацию органов государственной власти не только за пределами территории РФ, но и на территории РФ.

Подводя итог вышеизложенному, считаем целесообразным предусмотреть в отдельной статье УК РФ ответственность за действия, связанные с распространением под видом достоверных сообщений, заведомо ложной информации, направленные на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации в целях защиты национальных интересов страны и ее граждан своих полномочий.

В целом, отметим, что в условиях современного мира, где цифровые технологии

играют все более важную роль, информационные войны стали одним из основных инструментов воздействия на государство. Россия, будучи мишенью такого агрессивного информационного воздействия, должна активно и эффективно использовать все имеющиеся в своем распоряжении юридические инструменты для противодействия таким угрозам.

Современные информационные приемы и методы ведения войны против России подчеркивают необходимость всестороннего использования всего потенциала уголовного законодательства и его совершенствования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агапов П. В. Приветственное слово // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации : сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 26 апр. 2023 г.). — Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. — 90 с.
2. Башинская И. Г., Башинская О. М. Актуальные вопросы юридической ответственности лиц, тиражирующих информацию, подрывающую авторитет органов государственной власти, местного самоуправления и судов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2021. — № 3 (53). — С. 12–15.
3. Григорьева Л. В. Критический обзор положений ст. 128.1 УК РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2021. — № 4 (141). — С. 130–136.
4. Дубень А. К. Информационная безопасность государства в условиях информационных войн и конфликтов: анализ и тенденции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 39–46.
5. Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. — 2021. — № 11. — С. 28–33.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений. — Москва : Русская книга, 1994. — Т. 4: [Понятия права и силы; Общее учение о праве и государстве; О сущности правосознания; О монархии и республике; Из лекций «Понятия монархии и республики»]. — 624 с.
7. Кандауров Б. И. Информационные войны в гибридном измерении // The Newman in Foreign Policy. — 2022. — Т. 2, № 65 (109). — С. 24–26.
8. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. — Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. — 256 с.
9. Крашенинников П. В. Советское право. Итоги: Очерки о государстве и праве. 1962–1984. — Москва : Статут, 2020. — 350 с.
10. Лысенков С. Г. Вележев С. И., Молдабаев С. С. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2003. — № 1 (17). — С. 26–32.
11. Месропов Р. М. Практика реализации военными прокурорами полномочий по противодействию распространению в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной информации по дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации // Ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, совершенные националистическим режимом Украины, дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации : сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 26 апр. 2023 г.). — Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. — 90 с.
12. Невский С. А., Пикуров Н. И. О воспитательной функции уголовного закона (по материалам работы Л. Е. Владимирова «Уголовный законодатель, как воспитатель народа». М., 1903 г.) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2020. — № 3 (55). — С. 12–18.
13. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Части общая и особенная. — 2-е изд., испр. и доп. — Одесса, 1926. — 292 с.
14. Середа И. М., Ступина С. А. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Про-лог: журнал о праве. — 2023. — № 1 (37). — С. 79–90. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.1.9.
15. Стрельцов А. А. О предмете и методе информационного права // Информационное право. — 2019. — № 4 (62). — С. 4–11.

16. Ступина С. А. Мнение или клевета? Новое в статье 128.1 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 8–9 апр. 2021 г.). — Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. — Ч. 2. — С. 184–186.

17. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А. И. Коробеева; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. — 2-е изд. — Москва, 2021. — 312 с.

18. Фейербах П. А. Уголовное право. — Санкт-Петербург : Медицинская типография, 1810. — 486 с.

19. Цепелев В. Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — № 12 (52). — С. 18–22.

20. Эстрин А. Я. О соучастии по уголовному кодексу РСФСР // Советское право. — 1922. — № 3. — С. 63–81.

21. Claverie B., Cluzel F., du. The Cognitive Warfare Concept. — URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022/02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf.

22. Ignatius D. Russia's Radical New Strategy for Information Warfare // Washington Post. — 2018. — January 18.

23. Lilly B., Cheravitch J. The Past, Present, and Future of Russia's Cyber Strategy and Forces // Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence, 2020. — URL: https://ccdcoe.org/uploads/2020/05/CyCon_2020_8_Lilly_Cheravitch.pdf.

24. Walton C. What's Old is New Again: Cold War Lessons for Countering Disinformation // Texas National Security Review. — Fall 2022. — URL: <https://tnsr.org/2022/09/whats-old-is-new-again-cold-war-lessons-for-countering-disinformation/>.

REFERENCES

1. Agapov P. V. Welcome speech. *Otvetstvennost za prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva, sovershennye natsionalisticheskim rezhimom Ukrainy, diskreditatsiyu organov gosudarstvennoi vlasti i Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. Materialy nauchno-prakticheskogo seminar, Moskva, 26 aprelya 2023 g.* [Welcome speech. Responsibility for crimes against the peace and security of mankind committed by the nationalist regime of Ukraine, discrediting state authorities and the Armed Forces of the Russian Federation. Materials of a scientific and practical seminar, Moscow, April 26, 2023]. Moscow, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2023. 90 p. (In Russian).

2. Bashinskaya I. G., Bashinskaya O. M. Topical issues of legal responsibility of persons declaring information that happening the authority of state authorities, local self-government and courts. *Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*, 2021, no. 3 (53), pp. 12–15. (In Russian).

3. Grigorieva L. V. Critical review of the provisions of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Academy of Law Bulletin*, 2021, no. 4 (141), pp. 130–136. (In Russian).

4. Duben A. K. Information security of the state in the conditions of information wars and conflicts: analysis and trends. *Law In The Armed Forces – Military-Legal Review*, 2022, no. 4 (297), pp. 39–46. (In Russian).

5. Zharova A. K. Ensuring the Information Sovereignty of the Russian Federation. *Yurist = Jurist*, 2021, no. 11, pp. 28–33. (In Russian).

6. Ilyin I. A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Vol. 4. [Concepts of law and force; General doctrine of law and the state; On the essence of legal consciousness; On monarchy and the republic; From lectures «Concepts of monarchy and the republic»]. 624 p.

7. Kandaurov B. I. Info wars in the hybrid dimension. *The Newman in Foreign Policy*, 2022, vol. 2, no. 65 (109), pp. 24–26. (In Russian).

8. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. *Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo* [New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of criminal and unapproachable]. Yekaterinburg, SAPIENTIA Publ., 2020. 256 p.

9. Krashenninikov P. V. *Sovetskoe pravo. Itogi: Ocherki o gosudarstve i prave. 1962–1984* [Soviet law. Results: Essays on the state and law. 1962–1984]. Moscow, Statut Publ., 2020. 350 p.

10. Lysenkov S. G., Velezhev S. I., Moldabaev S. S. Criminal liability of servicemen during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2003, no. 1 (17), pp. 26–32. (In Russian).

11. Mesropov R. M. The practice of military prosecutors exercising their powers to counteract the dissemination of false information in information and telecommunications networks to discredit the Armed Forces of the Russian Federation. *Otvetstvennost za prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva, sovershennye natsionalisticheskim rezhimom Ukrainy, diskreditatsiyu organov gosudarstvennoi vlasti i Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. Materialy nauchno-prakticheskogo seminar, Moskva, 26 aprelya 2023 g.* [Responsibility for crimes against the peace and security of mankind committed by the nationalist regime of Ukraine, discrediting state authorities and the Armed Forces of the Russian Federation. Materials of

a scientific and practical seminar, Moscow, April 26, 2023]. Moscow, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2023. 90 p. (In Russian).

12. Nevsky S. A., Pikurov N. I. On the educational function of the criminal law (Based on the materials of L. E. Vladimirov's work "Criminal legislator as educator of the people". Moscow, 1903). *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii = Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, 2020, no. 3 (55), pp. 12–18. (In Russian).

13. Nemirovsky E. Ya. *Sovetskoe ugovnoe pravo. Chasti obshchaya i osobennaya* [Soviet criminal law. Parts general and special]. 2nd ed. Odessa, 1926. 292 p.

14. Sereda I. M., Stupina S. A. High Treason: Individual Qualification. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 1(37), pp. 79–90. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.1.9.

15. Streltsov A. A. On the Information Law Subject and Method. *Informatsionnoe pravo = Informational Law*, 2019, no. 4 (62), pp. 4–11. (In Russian).

16. Stupina S. A. Opinion or slander? New in Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktualnye problemy borby s prestupnostyu: voprosy teorii i praktiki. Materialy 24th mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 8–9 aprelya 2021 g.* [Actual problems of combating crime: questions of theory and practice. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, 8-9 April 2021]. Krasnoyarsk, Siberian State Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2021, pt. 2, pp. 184–186. (In Russian).

17. Chuchaev A. I., Korobeev A. I., Huang Daoxiu (eds). *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Criminal Code of the People's Republic of China]. 2nd ed. Moscow, 2021. 312 p.

18. Feuerbach P. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. Saint Petersburg, 1810. 486 p.

19. Tsepelev V. F. Conjunction in the context of the grounds for criminalization of acts and its reflection in the Russian criminal law. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, no. 12 (52), pp. 18–22. (In Russian).

20. Estrin A. Ya. On complicity under the Criminal Code of the RSFSR. *Sovetskoe pravo = Soviet Law*, 1922, no. 3, pp. 63–81. (In Russian).

21. Claverie B., Cluzel F., du. *The Cognitive Warfare Concept*. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf.

22. Ignatius D. Russia's Radical New Strategy for Information Warfare. *Washington Post*, 2018, January 18.

23. Lilly B., Cheravitch J. The Past, Present, and Future of Russia's Cyber Strategy and Forces. *Tallinn: NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence*, 2020. URL: https://ccdcoe.org/uploads/2020/05/CyCon_2020_8_Lilly_Cheravitch.pdf.

24. Walton C. What's Old is New Again: Cold War Lessons for Countering Disinformation. *Texas National Security Review* (Fall 2022). URL: <https://tnsr.org/2022/09/whats-old-is-new-again-cold-war-lessons-for-countering-disinformation/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Серёда Ирина Михайловна (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: irina-sereda@mail.ru).

Ступина Светлана Александровна (Железногорск) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России (662972, Россия, Железногорск, ул. Северная, 1, e-mail: sstupina@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sereda, Irina M. (Irkutsk) – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: irina-sereda@mail.ru).

Stupina, Svetlana A. (Zheleznogorsk) – Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor, Department of Forensic Expertise, Siberian Fire and Rescue Academy of the Russian Ministry for Emergency Situations (1 Severnaya St., Zheleznogorsk, 662972, Russia, e-mail: sstupina@mail.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.125

Л. И. Лавдаренко

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3436-3486
ResearcherID: rid67929*

Л. П. Плеснева

*Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5464-4958
ResearcherID: AAD-7840-2020*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ФАКТИЧЕСКИМ ЗАДЕРЖАНИЕМ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 88 — 99.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.9.

Дата поступления 14.06.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются сущность и правовая природа уголовно-процессуального задержания, соотношение уголовно-процессуального задержания с фактическим (физическим) задержанием. По результатам изучения различных периодов развития института задержания, сделаны обобщения, которые расширяют научное представление о нём и существенно его конкретизируют. На основе анализа доктринальных источников и положений законодательства сделаны выводы о том, что фактическое задержание (захват, принудительное доставление, принудительное удержание лица), которое предшествует процессуальному задержанию и осуществляется правоохранительными органами при выполнении ими задач по поддержанию правопорядка и общественной безопасности, пресечению противоправного поведения, должно регулироваться правовыми актами, регулирующими деятельность этих органов, и не может являться объектом уголовно-процессуального регулирования. Несмотря на то, что процессуальное задержание является продолжением фактического, эти задержания, различаются по значению: фактическое представляет собой действие субъектов по принудительному захвату и удержанию лица, процессуальное — действия в отношении уже задержанного лица. Эти виды деятельности различны по субъектам, характеру выполняемых ими задач. Предлагается следующий алгоритм задержания: сотрудником правоохранительного органа по выполнению фактического задержания должен быть составлен документ — протокол либо рапорт с обязательным указанием времени и места фактического задержания, а также времени доставления задержанного лица. Вместе с тем время фактического задержания

должно включаться в 48 часов процессуального задержания. Решение о процессуальном задержании должно быть принято не позднее 12 часов с момента доставления задержанного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Уголовный процесс; задержание; поимка; захват; доставление.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лавдаренко Л. И., Плеснева Л. П. Правовая природа уголовно-процессуального задержания и его соотношение с фактическим задержанием // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 88 — 99. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.9.

UDC 343.125

L. I. Lavdarenko

*Irkutsk Law Institute (Branch),
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3436-3486
ResearcherID: rid67929*

L. P. Plesneva

*Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5464-4958
ResearcherID: AAD-7840-2020*

**THE LEGAL NATURE
OF CRIMINAL PROCEDURAL DETENTION
AND ITS CORRELATION TO THE FACTUAL DETENTION**

PUBLICATION DATA

*Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 88 — 99.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.9.
Received 02.08.2023, accepted 12.12.2023, available online
22.12.2023.*

ABSTRACT

The article examines the essence and legal nature of criminal procedural detention, the correlation of criminal procedural detention with actual (physical) detention. Based on the results of studying various periods of the development of the institution of detention, generalizations have been made that expand the scientific understanding of it and significantly concretize it. Based on the analysis of doctrinal sources and legislative provisions, it is concluded that the actual detention (capture, forced delivery, forced detention of a person), which precedes the procedural detention and is carried out by law enforcement agencies in the performance of their tasks in maintaining law and order and public security and suppressing unlawful conduct, should be regulated by legal acts, the regulatory bodies, and it cannot be an object of criminal procedural regulation. Despite the fact that the procedural detention is an extension of the actual, these detentions differ in importance: the actual is the act of the subjects to forcibly capture and detain the person, the procedural action is against the already detained person. These activities vary by entity and by nature of the tasks they perform. The following detention algorithm is proposed: the law enforcement officer must draw up a document, either a report or a report indicating the time and place of the actual detention, as well as the time of arrival of the

detainee. However, the time of actual detention must be included in 48 hours of pre-trial detention. A decision on procedural detention must be taken no later than 12 hours after the detainee's arrival.

KEYWORDS

Criminal procedure; detention; capture; seizure; delivery.

FOR CITATION

Lavdarenko L. I. The Legal Nature of Criminal Procedural Detention and Its Correlation to the Factual Detention. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 88 – 99. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.9.

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, является одним из эффективных средств государственного принуждения, обеспечивающим реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности. Неосуществление задержания или промедление с его проведением «может затруднить либо вообще исключить возможность предотвращения или пресечения преступления, а равно обнаружения и закрепления следов преступления» [14, с. 16]. В то же время, задержание связано с ограничением фундаментального права на свободу и личную неприкосновенность, поэтому должно быть законным, обоснованным, соответствующим требованиям надлежащей процедуры. Между тем, в законодательстве относительно процедуры задержания существует неразрешенность ряда вопросов, что главным образом обуславливается введением в УПК РФ¹ понятия «фактическое задержание», означающего физическое задержание, то есть осуществление правоохранительными органами конкретных действий, лишаящих лицо свободы передвижения. Придавая значимость данному понятию, свидетельством чему служит его упоминание в нескольких нормах Кодекса, законодатель, тем не менее, не даёт ему чёткого определения, оставляя открытым вопрос о его соотношении с уголовно-процессуальным задержанием. Так, анализ п. 11 ст. 5 и п. 15 ст. 5 УПК РФ, а также иных положений Кодекса, содержащих понятие «фактическое задержание», позволяет заключить, что законодатель сводит его к уголовно-процессуальному, осуществляемому не иначе, как: 1) по возбужденному уголовному делу; 2) уполномоченными на то должностными лицами; 3) в отношении лица, подозреваемого в совершении конкретного преступления. Вместе с тем,

по смыслу закона, уголовно-процессуальное и фактическое задержание не тождественны и разграничиваются не только благодаря введению понятия «фактическое задержание» в качестве самостоятельного, но и признанию за ним собственного срока, который должен учитываться при осуществлении уголовно-процессуального задержания. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ протокол задержания должен состояться «... в срок не более 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю».

По мнению С. Б. Россинского, введение понятия фактического задержания и акцентирование внимания правоприменителя на том, чтобы учитывался его срок, связано со стремлением законодателя в рамках уголовно-процессуального права привести в соответствие механизм задержания установленному Конституцией Российской Федерации положению о 48-часовом сроке ограничения права лица на свободу и личную неприкосновенность без судебного решения и обеспечении этого лица соответствующими правами независимо от его процессуального статуса [24, с. 30].

В правоведении активно обсуждаются вопросы о понятии фактического задержания, его соотношении с уголовно-процессуальным, а также иные, так или иначе связанные с вопросом о сущности и правовой природе задержания, в целом [3, 4, 5, 7, 13, 17, 22, 24, 27, 30]. Поскольку в проблематике задержания этот вопрос является ключевым и не получившим однозначного понимания среди юристов, мы полагаем необходимым продолжить его рассмотрение и попытаемся высказать по нему свое мнение.

Для более глубокого понимания сущности и правовой природы задержания необходимо проанализировать данное понятие с позиций языка (лингвистический подход), а также в ретроспективе (исторический подход).

Анализ понятия через призму языка, где оно рассматривается не как всеобщая категория, а в его конкретно-национальном воплощении, позволяет получить знания о нём с

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

учётом национального менталитета, выделить сущностные признаки, являющиеся ключом для понимания сложившихся в общественном сознании ценностей и представлений. Хотя национальные смыслы создаются вне языка, но «... именно он запечатлевает результат — национальный способ восприятия, понимания реальности». Языковой анализ позволяет выделить в понятиях такие смысловые оттенки, которые ускользают от внимания специалистов в области юриспруденции [18, с. 15].

Слово «задержание» в русском языке происходит от глагола «задержать», определяемого как: «1. ... Воспрепятствовать движению кого-чего-н., остановить» [20, с. 203]. В свою очередь, «задержать» происходит от слова «держать» — «взять или ухватить, не выпустить, сжимать в руках, не давать двигаться, не выпускать, препятствовать, не давать делать что-либо». [8, с. 431]. В этой связи обращает на себя внимание выражение «держи вора, держи». Включение в структуру слова приставки «за» образует глагол, в том числе со значениями захвата, охвата действием и собственно предела действия. Если слово «держать» означает неоконченное, незавершённое действие, предполагающее применение физического воздействия, то термин «задержание», включающий приставку «за-», означает окончательное действие, не обязательно с применением силы. В словаре В. Даля задержанное лицо определяется как «задержанник», «задержанный», «задержанный под стражей», «взятый под караул», «заклоченный»; также и «задержать» означает «взять под сражу, под караул, под наблюдение» [8, с. 573].

Таким образом, с точки зрения семантических свойств «задержание» можно понимать как: 1) оперативное действие по захвату лица, совершившего преступление; 2) состояние нахождения за какой-то границей, пределом против желания того, кто за этой границей находится. Собственно применение силы (физического воздействия) в семантике этого существительного отсутствует [1, с. 1757].

В английском языке задержание (от лат. apprehendere — «захватывать») понимается как задержание лица, подозреваемого в совершении преступления². Как видно, если в английском языке задержание имеет лишь одно значение, то в русском оно включает несколько компонентов смысла, что объясняется особенностью словообразования в русском

языке, заключающейся в привычке «не только вычленять основную сущностную составляющую объекта или ситуации, но и фиксировать их специфичность именно в данной явленности и в то же время представлять многообразии возможных форм существования объекта» [1, с. 1758].

Наряду с лингвистическим, важным в понимании феномена задержания является ретроспективный анализ, позволяющий рассмотреть его появление и развитие в отечественном судопроизводстве. Как отмечалось выше, язык запечатлевает уже существующее явление в его конкретно-национальном воплощении.

Впервые прообраз института задержания в предусмотренной возможности поимки вора и проведения с ним разбирательства по обстоятельствам совершенного противоправного деяния находит отражение в таких источниках, как Русская Правда (датирована исследователями периодом от середины XI века до 30-х годов XII века), «Псковская судная грамота» (датирована 1462 г.), где говорилось о «задержании застигнутого на месте преступления вора с удержанием его там же до света и последующим сведением на княжий двор», о доставлении, называемом «ездом», лица в суд, который поручается «приставам из числа княжеских или слуг, или же псковичей» с предоставлением полномочия «сковать» или «расковать» ответчика [23, с. 6].

Судебником 1497 г. вводится специальная должность недельщика, наделенного полномочиями по розыску лица, его доставлению и допросу, а также правом арестовать ответчика. Судебник 1550 г., говоря о полномочии недельщика по поимке «татей или разбойников», устанавливает ему наказание за недобросовестное выполнение требований закона (статьи 53, 54, 55) [10, с. 49, 61].

Следующий правовой источник — Судебник 1589 г. — разделил судопроизводство на две стадии: следствие и вершение дела (вынесение приговора), тем самым положил начало к формированию российского судопроизводства розыскного типа и его основных институтов. Досудебное производство (следствие) — розыск, осуществляемое недельщиком, включало доставление ответчика — «хождение» или («езд») [10, с. 49, 50], в современном понимании — фактическое (физическое) задержание.

Соборным Уложением 1649 г. регламент задержания был дополнен его конкретизацией, а именно устанавливалось:

1) задержание лица на месте совершения преступления (ст. 270—271 гл. 10 Соборного

² Apprehension — the seizure and arrest of a person who is a suspected of having committed a crime. Цит. по : URL: <http://www.encyclopedia.com> (дата обращения: 06.11.2023).

Уложения). Его осуществляли как частные, так и должностные лица — пристава. В обязанность пристава вменялась поимка воров и разбойников. Обнаружение преступления и доставление им заподозренного с поличным служило поводом к судебному разбирательству. До судебного разбирательства задержанные находились у пристава, который был обязан обеспечить их охрану;

2) задержание подозреваемого в ходе производства по «судебному делу» при наличии к тому повода. Такое задержание имело место, например, в ходе повального обыска при обнаружении в доме или во дворе подозреваемого похищенной вещи. Подозреваемого предписывалось «вкинуть в тюрьму», пока «не сыщется допряма» или «до указу», или «пока по нем порука будет». Конкретных сроков задержания подозреваемого в данном случае не устанавливалось. Указывались цели задержания: изоляция лица и обеспечение возможности должностным лицам совершить определенные действия, например, попытку подотвращения какого-либо влияния со стороны подозреваемого на ход проведения следственных действий, в частности, предупреждения фальсификации их результатов;

3) задержание подозреваемых лиц по делам, рассматриваемых судом. Судье предоставлялось право задерживать ответчика до тех пор, пока он не выставит за себя поручителей;

4) задержание подозреваемого по государственным делам или политическим преступлениям. Законодательство обязывало всех должностных лиц и подданных задерживать всех лиц, подозреваемых в совершении государственного преступления. Особенность производства по этим преступлениям заключалась в том, что изветчика (лицо, принесшее челобитную) также задерживали с целью обеспечения его дальнейшего участия в «сыске».

В соответствии с Уложением 1649 г. задержание выступало «как способ лишения лица свободы с целью обеспечения его участия в розыске и как метод предупреждения совершения преступлений лицами, в отношении которых имелись сомнения в их добропорядочности» [23, с. 9]. Задержание «переходило» в арест — заключение под стражу. При этом «полицейский», «предварительный» и «следственный» аресты не разграничивались. Поскольку физическое задержание лица по-прежнему отождествлялось с арестом, задержанное по подозрению лицо лишалось свободы на неопределённо длительный срок. Тем не менее, введенная Уложением регламентация

задержания явилась «своеобразным прорывом в развитии института задержания в целом» [23, с. 10].

В 1730 г. вышло специальное указание о том, что воров и разбойников, которые будут пойманы в Москве и приведены в полицмейстерскую канцелярию, записав их данные, сразу же отсылать в сыскной приказ, не производя розыска. Согласно вводимым изменениям в досудебном производстве осуществление задержания подозреваемого и его допрос вменялись полиции, а ведение самого уголовного дела перепоручалось тому судебному месту, которому дело подсудственно. При этом кроме полиции правом проводить задержание подозреваемых наделялись также и частные лица. Так, арт. 206 Воинского Артикула гласил: «Каждый должен злодея задержать и воспрепятствовать, чтоб не ушел, пока онный надлежащему караулу отдан не будет» [6, с. 22].

В период правления Екатерины II издаются «Наказ» от 30 июля 1767 г. и «Устав благочиния» 1782 г. «Устав благочиния» ввел разграничение розыскной, следственной и судебной сфер деятельности, а также суда уголовного и суда полицейского. Согласно данному источнику права, функции полиции теперь ограничивались следующим: обнаружением преступлений и проступков, предупреждением преступлений и проступков, задержанием преступников, исследованием обстоятельств преступления на месте его совершения, обнаружением и закреплением доказательств, передачей уголовных дел в суд. Кроме того, разграничивались меры пресечения и меры уголовного наказания. В частности, указывалось, что содержание под стражей необходимо для пресечения побега обвиняемого или для обнаружения доказательств преступления, тогда как тюремное заключение — это решение судьи, которое служит наказанием. Впервые были сформулированы основания, достаточные для задержания: показания свидетелей; собственное признание, сделанное подозреваемым; показания сообщника, угрозы и вражда между подозреваемым и потерпевшим. Статья 102 «Устава благочиния» предписывала частному приставу приведенного преступника тотчас допросить и провести дознание. После исследования обстоятельств дела частный пристав заключал подозреваемого под стражу [6, с. 31].

7 ноября 1775 г. издаются «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи», в соответствии с которыми учреждается Совестьный суд, целью которого, в том числе являлось рассмотрение жалоб на незаконное заключение под стражу. Так, лицо,

содержащееся более трех дней в тюрьме без объявления причины этого или без допроса (за исключением обвинявшегося в оскорблении царской особы, измене, воровстве и разбое), могло подать жалобу на незаконный арест в Совестный суд, который обязан был не позднее суток ее рассмотреть и принять решение о правильности ареста либо освобождении на поруки. Тем самым был сделан первый шаг в определении срока задержания продолжительностью в трое суток [6, с. 32].

Изданный в 1832 г. «Свод законов Российской Империи» преобразовал досудебное производство, разделив его на предварительное следствие и следствие формальное — торжественное (*inquisitoso lemnis*). «Первое начиналось *ingem* (по факту) при наличии «поводов к его начатию» и сводилось к общему расследованию..., а также к розыску и установлению обвиняемого. Формальное следствие производилось уже в отношении конкретного обвиняемого (*in personam*) [15, с. 648]. В ходе предварительного следствия предусматривалось «взятие и представление обвиняемого к следствию», то есть удержание и привод для допроса лица, в отношении которого имелась улика, основанная «на обстоятельствах, возбуждающих сильное подозрение». Подозрение в совершении преступления являлось поводом для задержания лица и доставления его в полицию с целью допроса и выяснения обстоятельств дела. Приводом «заподозренного» лица заканчивалась первая часть расследования, после чего с допроса обвиняемого начиналось следствие формальное. Как и ранее, задержание заподозренного в совершении преступления лица переходило в арест. Продолжало также действовать правило: если заключенному под стражу в течение трех дней не объявлено, за что он содержится в тюрьме, или его в этот срок не допросили, то он был вправе обратиться в совестный суд, куда должны доставить заключенного. Суд изучал основания заключения под стражу и либо освобождал подсудимого на поруки, либо оставлял под стражей [19, с. 548].

Существенные изменения в регламентации задержания произошли в 1864 г. в связи с принятием «Устава уголовного судопроизводства» (далее — УУС), кардинально преобразовавшего российское уголовное судопроизводство, в том числе — его досудебное производство (предварительное расследование). Первый этап досудебного производства стал представлять дознание, осуществляемое полицией, второй — следствие (ранее выступавшее как «торжественное» следствие), осуществляемое судебным следователем. До-

знание производилось с целью установления факта преступления, розыска улик и лица, совершившего это преступление. Следователь должен был из материалов, представленных ему полицией, собрать и оценить доказательства и по завершению следствия направить уголовное дело в суд. По УУС полиция была вправе производить действия, которые в настоящее время рассматриваются как задержание (ст. ст. 51, 257). Так, статья ст. 51 УУС устанавливала основания привода подозреваемого к мировому судье: когда застигнутый при совершении проступка неизвестен полиции и не представит удостоверения о своем имени, фамилии и месте жительства; когда по делам о преступных действиях, за которые в законе положено заключение в тюрьму или наказание более строгое, есть повод опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожит следы преступного действия. В ст. 257 УУС перечислялись ситуации, когда полиция принимала меры к пресечению способов уклонения подозреваемого от следствия: 1) подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) потерпевшие от преступления или очевидцы прямо укажут на подозреваемое лицо; 3) на подозреваемом или в его жилище будут найдены явные следы преступления; 4) вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) он покушался на побег или пойман во время или после побега; 6) подозреваемый не имеет постоянного места жительства или оседлости.

Задержание по УУС выступало в качестве пресекающей и обеспечительной меры, осуществляемой полицией в отношении лица, заподозренного в совершении преступления — пресекало возможность скрыться и обеспечивало его доставление к следователю, принимавшему решение об избрании меры пресечения. Продолжительность задержания, как и прежде, не определялась, при передаче дела следователю «переходило» в арест, то есть представляло собой первоначальный этап заключения лица под стражу. При этом УУС устанавливал обязанность полиции уведомлять о задержании представителя прокуратуры, уполномоченного осуществлять контроль за законностью и обоснованностью применения данной меры принуждения.

Значение УУС в регулировании задержания заключается в том, что «... из разрозненных элементов, апробированных и зарекомендовавших себя на практике, был сформирован, хотя и не в окончательном виде, но в значительной мере, институт задержания по-

дозреваемого, представляющий собой совокупность юридических норм, регулирующих определенные общественные отношения», предусматривались основания, порядок производства задержания, возможность его обжалования, правила проведения допроса задержанного, основания освобождения из-под стражи, устанавливался судебный и прокурорский надзор за законностью задержания [19, с. 550].

Для решения проблемы неопределённости границ задержания в проекте Устава уголовного судопроизводства 1900 г. законодатель ввел специальное постановление о необходимости немедленного, в течение суток, извещения полицией следователя и прокурора о взятии какого-либо лица под стражу. Однако само сообщение о задержании лица не решило рассматриваемую проблему и 15 июня 1912 г. «Законом о преобразовании местного суда» было предусмотрено, что лица, задержанные по ст. 51 УУС, должны быть в течение 24 часов с момента задержания либо освобождены, либо приведены к мировому судье. При этом данное положение не распространялось на лиц, задержанных в порядке ст. 251 УУС [19, с. 551].

Этап, начавшийся Октябрьской революцией 1917 г. и продлившийся до весны 1922 г., ознаменовался принятием ряда нормативных актов, которыми прежние государственные органы в сфере борьбы с преступностью упразднялись и учреждались новые (вместо полиции учреждалась милиция), использование существовавшего уголовного процессуального законодательства дореволюционной России официально запрещалось. Однако по существу издаваемые правовые источники сложившуюся правовую систему уголовного судопроизводства сохранили, не изменив её кардинально. Что касается задержания, то полномочиями на его применение наделялись суд, а также милиция и государственные органы, учреждаемые в этот исторический период. Так, Декретом № 1 «О суде» от 22 ноября 1917 г. предусматривалось, что задержание может производиться единолично судьей, чье решение должно быть подтверждено постановлением местного суда [19, с. 552]. «Инструкцией волостным милиционерам» от 16 февраля 1920 г. на сотрудника милиции возлагалась обязанность до прибытия на место происшествия судебных властей «арестовать подозреваемого в совершении преступления, хотя бы пострадавшие от преступления просили этого не делать». Согласно Инструкции «Об обязанностях розыскной милиции Главного управления Рабоче-крестьянской милиции

РСФСР» от 1 ноября 1920 г. сотрудник уголовного розыска был обязан задерживать подозреваемых в случаях, перечисленных в этой Инструкции, и имел право брать под стражу, но «с чрезвычайной осторожностью в случае крайней необходимости», при наличии особого постановления, в котором указывалось основание для задержания. О каждом арестованном руководство отделения уголовного розыска не позднее трех суток должно было известить народный суд или следственную комиссию по подсудности, от которых зависело решение: освободить задержанного или постановить о дальнейшем содержании его под стражей. В случае необходимости начальник уголовного розыска имел право под собственную ответственность задержать арестованного на срок не более 15 дней [11, с. 132].

Принятые в 1922 г.³ и в 1923 г.⁴, Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР, по существу не отличавшиеся друг от друга, систематизировали нормы о задержании, создав чёткий алгоритм его применения. В соответствии с данными кодексами задержание определялось как «мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда» (ч. 1 ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.). Полномочием на осуществление задержания наделялся один субъект — орган дознания. Срок задержания напрямую не устанавливался, но, по смыслу закона, орган дознания о произведенном задержании в течение 24-х часов уведомлял: 1) суд, если преступление было наказуемо на срок до одного года лишения свободы; 2) следователя по делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия было обязательным; 3) прокурора по делам о преступлениях, наказуемых на срок свыше одного года, и по последующим следователю. Вышеуказанные субъекты в течение 48 часов с момента получения извещения либо санкционировали меру пресечения в виде заключения под стражу, либо «арест» отменяли. Как и по УУС, применение задержания не связывалось с актом возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, в отличие от УУС задержание было представлено как самостоятельная мера уголовно-процессуального принуждения, а не первоначальный этап заключения под стражу, чётко устанавливались

³ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе : Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г.(вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «КонсультантПлюс».

срок задержания, а также его граница в виде санкционирования заключения под стражу.

Дальнейшую регламентацию процедура задержания получила в УПК РСФСР 1960 г.⁵ Основания задержания по УПК РСФСР 1960 г. не отличались от установленных предшествующими кодексами. Вместе с тем, УПК РСФСР 1960 г. имел следующие отличия: 1) объединил нормы, регулирующие задержание; 2) дополнился новеллами о немедленном после составления протокола задержания допросе задержанного (ч. 3 ст. 123); о том, что протокол задержания мог признаваться доказательством по делу; 3) устанавливался срок задержания в 72 часа, который разделялся на два периода: 24 часа предоставлялись для уведомления прокурора, 48 часов — для санкционирования прокурором ареста. Самым значимым изменением регламента задержания стало его отнесение к неотложным следственным действиям (ст. 119), наделение следователя наряду с органом дознания полномочием по его применению (ч. 6 ст. 127), что обуславливалось общей направленностью уголовно-процессуального законодательства советского периода на достижение неотвратимости уголовной ответственности, на решение задачи «быстрого и полного раскрытия преступлений» (ст. 2 УПК РСФСР). Причислив задержание к следственным действиям, законодатель, тем не менее, оставил открытым вопрос о возможности его применения до возбуждения уголовного дела. По УПК РСФСР 1960 г. фактическое задержание «вышло» за рамки уголовно-процессуальных правоотношений. Отправной точкой задержания являлось составление протокола задержания. В срок задержания не включалось не только время вне- (до-) процессуальной деятельности, связанной с фактическим (физическим) задержанием, а также оперативно-розыскными мероприятиями, но и процессуальной, связанной с принятием решения — юридическим оформлением состоявшегося фактического задержания [16, с. 20]. По УПК РСФСР лицо считалось задержанным с момента «... взятия этого лица под стражу и помещения его в изолятор временного содержания или иное место содержания задержанных» [25, с. 50]. По этой причине в практической деятельности обыденным явлением стали случаи доставления лиц, заподозренных в совершении преступления, в органы внутренних дел и удержания там без документального оформления. В юридической литературе вы-

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

сказывались предложения об установлении правовой регламентации деятельности правоохранительных органов по осуществлению фактического вне- (до-) процессуального задержания [26, с. 140].

Действующий УПК РФ, в целом сохранив сложившийся регламент задержания, одновременно усилил его правозащитную составляющую, в том числе установлением норм о фактическом задержании. Однако рассматриваемую проблему так и не решил, а напротив, усложнил работу правоприменителя, во-первых, сделав неопределённой границу между фактическим и процессуальным задержанием, во-вторых, установив чрезмерно короткий срок в три часа для принятия одного из важнейших решений досудебного производства — процессуального акта о задержании [12, с. 40]. В связи с дефицитом времени следователи вынуждены указывать в процессуальных документах недостоверные сведения о времени доставления задержанного. Еще одним негативным последствием изменения регламента задержания стала фактическая утрата значимости данной меры принуждения в раскрытии и расследовании преступлений, обеспечении принципа неотвратимости уголовной ответственности: задержание стало применяться при наличии улик, однозначно свидетельствующих о причастности лица к совершенному преступлению и возможности избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. В результате задержание вновь стало рассматриваться лишь в качестве первоначального этапа заключения под стражу.

В правоведении высказано несколько точек зрения по решению проблемы правового регулирования фактического задержания.

Согласно первой точке зрения, фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления, заключающееся в его физическом захвате, принудительном доставлении в орган расследования и принудительном удержании, является составными частями уголовно-процессуального задержания и должны регулироваться УПК РФ [2, с. 18; 13, с. 88; 17, с. 95].

Согласно второй точке зрения, задержание должно быть унифицировано как единый комплексный институт, для чего предлагается издать отдельный нормативный акт с установлением единого регламента задержания [29, с. 177].

Мы разделяем третью точку зрения, согласно которой фактическое (физическое) задержание, которое предшествует процессуальному задержанию и осуществляется пра-

воохранительными органами при выполнении ими задач по поддержанию правопорядка и общественной безопасности, пресечению противоправного поведения, должно регулироваться правовыми актами, регулирующими деятельность этих органов [3, с. 33; 6, с. 189; 22, с. 208; 28, с. 137], в частности, законами «О полиции»⁶, «Об оперативно-розыскной деятельности»⁷, «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»⁸.

Как показало проведенное нами исследование, задержание изначально возникло как полицейская мера, заключалось в поимке (захвате) и доставлении в суд лица, подозреваемого в совершении преступления. В последующем, когда возникает потребность в досудебном производстве — розыске, такое задержание становится составной частью ареста, его первоначальным этапом. Затем по УУС между задержанием как первоначальным этапом ареста и собственно арестом (заключение под стражу) происходит разграничение: задержание относится к компетенции полиции, заключение под стражу — компетенции судебного следователя. В советский период развития уголовно-процессуального законодательства задержание формируется как самостоятельная мера уголовно-процессуального принуждения с установлением собственных — отличных от ареста — задач, сроков, условий, оснований, процедуры. За рамками сложившейся модели остается фактическое (физическое) задержание заподозренного в преступлении лица, которое всегда предшествует процессуальному — «невозможно задержать подозреваемого в совершении преступления процессуально, не задержав его физически» [9, с. 15]. Несмотря на то, что процессуальное задержание яв-

ляется продолжением фактического, тем не менее, по значению эти задержания различаются: фактическое представляет собой действие субъектов по принудительному захвату и удержанию лица, процессуальное — действия в отношении уже задержанного лица. Эти виды деятельности различны по субъектам, характеру выполняемых ими задач. При фактическом задержании причастность к совершению преступления не всегда очевидна, но именно своевременное задержание позволяет раскрыть некоторые неочевидные преступления. Так, лишь в результате применения задержаний были раскрыты преступления, совершённые серийными убийцами Михасевичем, Чикатило [21, с. 138]. И даже если лицо захвачено «с поличным» на месте совершения преступления, для принятия решения о процессуальном задержании необходимы сведения, полученные процессуальным путем, о причастности задержанного к совершению конкретного преступления. Для получения же таких сведений трех часов зачастую недостаточно.

С учётом изложенного, нами предлагается следующий алгоритм задержания: сотрудником правоохранительного органа по выполнении фактического задержания должен быть составлен документ — протокол либо рапорт с обязательным указанием времени и места фактического задержания, а также времени доставления задержанного лица. Если следователем (дознавателем) будет принято решение о процессуальном задержании, то такое решение должно быть принято не позднее 12 часов с момента доставления задержанного. Время фактического задержания должно включаться в 48-часовой срок процессуально-го задержания.

⁶ О полиции : Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁸ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27, ч. I. Ст. 4159.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Сущность категории «право на свободу и личную неприкосновенность» в сфере уголовного судопроизводства // Право и политика. — 2013. — № 12. — С. 1753 — 1759.
2. Арестова Е. Н. Проблемы задержания подозреваемого по УПК РФ и по федеральному закону «О полиции» // Российский следователь. — 2013. — № 1. — С. 18 — 19.
3. Баранов А., Супрун С. Момент фактического задержания подозреваемого // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 3. — С. 31 — 34.
4. Большаков Е. В., Назаров И. Д. К вопросу о процессуально-правовой проблематике задержания лица по подозрению в совершении преступления // Пролог : журнал о праве. — 2021. — № 2 (30). — С. 119 — 130. — DOI: 10.21639/2313-6715.2021.2.12.
5. Гаврилов Б. Я. К вопросу о придании процессуального статуса участникам уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела // Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. — Москва : Академия управления МВД России, 2023. — С. 47 — 56.
6. Гирько С. И., Березина Е. С. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития. — Москва : ВНИИ МВД России, 2010. — 210 с.
7. Григорьев В. Н. О фактическом задержании подозреваемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2020. — № 3 (89). — С. 77 — 81.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Санкт-Петербург ; Москва : Товарищество М. О. Вольф, 1882. — Т. 1. — 699 с.
9. Догот Е. Б. О задержании до возбуждения уголовного дела // Адвокат. — 2001. — № 3. — С. 14 — 17.
10. Законодательство Древней Руси : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — Москва : Юридическая литература, 1984. — Т. 1: Российское законодательство X — XX веков. — 442 с.
11. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917 — 1954 гг. : сб. документов / сост. Л. Н. Гусев ; ред. С. А. Голунский. — Москва : Госюриздат, 1955. — 635 с.
12. Колоколов Н. А. Протокол задержания: источник важной процессуальной информации // Адвокатская практика. — 2019. — № 2. — С. 38 — 44.
13. Ксендзов Ю. Ю. Правовая природа задержания подозреваемого и его процессуальное оформление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2007. — № 5 (274). — С. 85 — 95.
14. Куклин В. И. Неотложные следственные действия. — Казань : Изд-во Казанского университета, 1967. — 141 с.
15. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. — Москва : Статут, 2016. — 1276 с.
16. Лавдаренко Л. И., Борбат А. В. Исчисление срока задержания: сравнительный анализ УПК РСФСР 1960 г. и действующего УПК РФ // Российский следователь. — 2023. — № 7. — С. 18 — 23.
17. Мельников В. Ю. Задержание подозреваемого как мера принуждения: от подозрения к подозреваемому // Правоведение. — 2005. — № 2. — С. 94 — 104.
18. Мельникова А. А. Особенности национальной культуры и структура языка: анализ взаимосвязи // Вопросы культурологии. — 2008. — № 1. — С. 9 — 13.
19. Наумов М. В. Эволюция правового института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 5 (30). — С. 543 — 553.
20. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — Москва : Азъ, 1994. — 907 с.
21. Протопопов А. Л. Основания уголовно-процессуального задержания // Правоведение. — 2006. — № 4. — С. 135 — 143.
22. Стельмах В. Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 1 (102). — С. 207 — 212.
23. Ретюнских И. А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 172 с.
24. Россинский С. Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционно-межотраслевого подхода // Российский следователь. — 2018. — № 8. — С. 29 — 33.
25. Тетерин Б. С., Трошкин Е. З. Возбуждение и расследование уголовных дел. — Москва : Новый юрист, 1997. — 223 с.
26. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. — Москва : Юридическая литература, 1991. — 239 с.
27. Чашин А. Н. Уголовно-процессуальные меры принуждения. — Москва : Дело и Сервис, 2012. — 80 с.
28. Чумаров С. А., Железняк Н. С. Оперативно-розыскное задержание: необходима легализация // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 2 (32). — С. 134 — 139.
29. Чупилкин Ю. Б. О необходимости унификации порядка фактического задержания при осуществлении правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранитель-

ной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. А. Семенцов. — Краснодар, 2021. — Ч. 2. — С. 176 — 185.

30. Яковлева С. А. Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения // Российский следователь. — 2018. — № 3. — С. 49 — 52.

REFERENCES

1. Amosova T. V., Lavdarenko L. I., Raybov L. G. Nature of the Category "Right to Liberty and Security of Person" in Criminal Proceedings. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2013, no. 12, pp. 1753 — 1759. (In Russian).
2. Arestova E. N. Problems of Detaining a Suspect Under the Code of Criminal Procedure and the Federal Law "On the Police". *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2013, no. 1, pp. 18 — 19. (In Russian).
3. Baranov A., Suprun S. Moment of Actual Detention of the Suspect. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennoy universiteta = Vestnik Orenburg State University*, 2006, no. 3, pp. 31 — 34. (In Russian).
4. Bolshakov E. V., Nazarov I. D. To the Matter of Procedural and Legal Description Problems of Detaining a Person on Suspicion of Committing a Crime. *Prologue: Law Journal*, 2021, no. 2, pp. 119 — 130. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2021.2.12.
5. Gavrilov B. Ya. On the Question of Granting Procedural Status to Participants in Criminal Proceedings at the Stage of Initiating Criminal Proceedings. *Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collection of scientific articles on the materials of the international scientific and practical conference]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2023, pp. 47 — 56. (In Russian).
6. Girko S. I., Berezina E. S. *Pravovoi institut zaderzhaniya podozrevaemogo: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Legal Institution for the Detention of a Suspect: History, Current State, Development Prospects]. Moscow, Ministry of Internal Affairs of Russian Federation All-Russian Research Institute Publ., 2010. 210 p.
7. Grigoryev V. N. About the actual detention of a suspected. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa law institute*, 2020, no. 3 (89), pp. 77 — 81. (In Russian).
8. Dal V. I. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. Saint Petersburg, Moscow, M. O. Volf Publ., 1882. Vol. 1. 699 p.
9. Dogot E. B. Detention Pending Criminal Proceedings. *Advokat = Lawyer*, 2001, no. 3, pp. 14 — 17. (In Russian).
10. Chistyakov O. I. (ed.). *Zakonodatelstvo Drevnei Rusi* [Legislation of Ancient Russia]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1984. Vol. 1. 442 p.
11. Gusev L. N., Golunskii S. A. (eds). *Istoriya zakonodatelstva SSSR i RSFSR po ugovolnomu protsessu i organizatsii suda i prokuratury, 1917 — 1954 gg.* [The History of Legislation of the USSR and the RSFSR on Criminal Procedure and Organization of Court and Prosecutor's Office, 1917 — 1954]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 635 p.
12. Kolokolov N. A. Record of Detention: Source of Important Procedural information. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2019, no. 2, pp. 38 — 44. (In Russian).
13. Ksendzov Yu. Yu. Legal Nature of the Detention of a Suspect and its Procedural Form. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2007, no. 5 (274), pp. 85 — 95. (In Russian).
14. Kuklin V. I. *Neotlozhnye sledstvennye deistviya* [Urgent Investigative Actions]. Kazan University Publ., 1967. 141 p.
15. Arutyunyan A. A. et al., Golovko L. V. (ed.). *Kurs ugovolnogo protsessa* [Criminal Trial Course]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p.
16. Lavdarenko L. I., Borbat A. V. Calculation of the Period of Detention: Comparative Analysis of the RSFSR 1960 Code of Criminal Procedure and the Current Code of Criminal Procedure. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2023, no. 7, pp. 18 — 23. (In Russian).
17. Melnikov V. Yu. Detention of a Suspect as a Coercive Measure: from Suspicion to Suspect. *Pravovedenie = Legal Science*, 2005, no. 2, pp. 94 — 104. (In Russian).
18. Melnikova A. A. Features of the National Culture and Structure of the Language: Analysis of the Relationship. *Voprosy kulturologii = Issues of cultural Studies*, 2008, no. 1, pp. 9 — 13. (In Russian).
19. Naumov M. V. Evolution of the Legal Institution of Detention of a Suspect in Russian Criminal Procedure Legislation. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2013, no. 5 (30), pp. 543 — 553. (In Russian).
20. Ozhegov S. I., Shvedova M. Yu. (ed.). *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az Publ., 1994. 907 p.
21. Protopopov A. L. Grounds for Criminal Procedure Detention. *Pravovedenie = Legal Science*, 2006, no. 4, pp. 135 — 143. (In Russian).
22. Stelmakh V. Yu. Legal Nature of Physical, De facto and Criminal Detention. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoy yuridicheskoi akademii = Saratov State Academy of Law Bulletin*, 201, no. 1 (102), pp. 207 — 212. (In Russian).

23. Retyunskikh I. A. *Protsessualnye problemy zaderzhaniya litsa po podozreniyu v sovershenii prestupleniya. Kand. Diss.* [Procedural Problems of Detaining a Person on Suspicion of Having Committed a Crime. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2001. 172 p.

24. Rossinskii S. B. Moment of Actual Apprehension of the Suspect Through a Constitutional and Intersectoral Approach. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2018, no. 8, pp. 29 – 33. (In Russian).

25. Teterin B. S., Troshkin E. Z. *Vozbuzhdenie i rassledovanie ugolovnykh del* [Initiation and Investigation of Criminal Cases]. Moscow, Novyi yurist Publ., 1997. 223 p.

26. Tomin V. T. *Ostrye ugly ugolovnogo sudoproizvodstva* [Sharp Angles of Criminal Procedure]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1991. 239 p.

27. Chashin A. N. *Ugolovno-protsessualnye mery prinuzhdeniya* [Coercive Criminal Procedure Measures]. Moscow, Delo i Servis Publ., 2012. 80 p.

28. Chumarov S. A., Zheleznyak N. S. Police custody: Needs to be Legalized. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2015, no. 2 (32), pp. 134 – 139. (In Russian).

29. Chupilkin Yu. B. On the Need to Harmonize the Procedure for Actual Detention in Law Enforcement. *Aktualnye problemy sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugolovno-protsessualnoi deyatel'nosti i natsionalnoi bezopasnosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current Problems of Judicial, Law Enforcement, Human Rights, Criminal Procedure And National Security. Materials of International Research Conference]. Krasnodar, 2021, pt. 2, pp. 176 – 185. (In Russian).

30. Yakovleva S. A. Detention of a Suspect in the Mechanism for the Implementation of the Principle of Human Integrity and the Right to Freedom of Movement. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2018, no. 3, pp. 49 – 52. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лавдаренко Людмила Ивановна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: lavdarenko@mail.ru).

Плеснева Людмила Павловна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: plesnevalp@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lavdarenko, Ludmila I. — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor, Department of Organization and Methodology of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch), University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035, Russia, e-mail: lavdarenko@mail.ru).

Plesneva, Lyudmila P. (Irkutsk) — Cand. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: plesnevalp@mail.ru).

УДК 343.98

Е. В. Брянская

*Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8715-7099
ResearcherID: W-2300-2018*

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА
КАК СРЕДСТВО АРГУМЕНТАЦИИ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 100—107.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.10.

Дата поступления 30.06.2023, дата принятия к печати 12.12.2023,
дата онлайн-размещения 22.12.2023.

АННОТАЦИЯ

В уголовном судопроизводстве России центральным звеном выступает процесс доказывания по делу. Как правило, в основе доказательственной деятельности заложена теория познания, однако современные исследования показывают, что на практике активно применяется теория аргументации, которая своим потенциалом помогает наиболее убедительно воздействовать на судебское усмотрение. Уголовно-процессуальное законодательство определяет источники и средства доказывания, оперирование которыми можно назвать тактическими приемами. В этой связи в настоящем научном исследовании через призму условий состязательности сторон предпринята попытка раскрыть назначение тактических приемов, которые сопровождают процесс аргументации сторонами. Тактические приемы основаны на стратегическом направлении уголовного процесса, которое обусловлено защитительными началами уголовно-процессуальной политики и его состязательной концепцией. При этом может сложиться неверное представление о прерогативе стороны защиты. Между тем, защитительные основы прослеживаются и в полномочиях прокурора, деятельность которого направлена на соблюдение законности и восстановление нарушенных прав граждан. В условиях равенства сторон, которое наиболее ярко и активно проявляется при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, особое значение приобретает способность убеждать суд посредством доказательств. Таким образом в тактических приемах содержится немаловажный ресурс способов убеждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Процесс доказывания; доказательства; аргументация; криминалистическая тактика; криминалистические приемы; тактические приемы; стратегия; состязательность сторон.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Брянская Е. В. Криминалистическая тактика как средство аргументации при рассмотрении уголовного дела в суде // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 4. — С. 100—107. — DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.10.

FORENSIC TACTICS AS A MEANS OF ARGUMENTATION IN A CRIMINAL CASE IN A COURT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2023, no. 4, pp. 100–107.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.10.
Received 30.06.2023, accepted 12.12.2023, available online 22.12.2023.

ABSTRACT

In criminal proceedings in the Russian Federation, the process of proving a case is a central stage. As a rule, evidence activity is based on the theory of cognition, but modern research shows that in practice the theory of argumentation is actively applied, which by its potential helps to influence the judicial discretion most convincingly. The legislation on criminal procedure defines sources and means of evidence, which can be called tactical methods. In this regard, this scientific study has attempted to reveal the purpose of the tactics that accompany the argumentation process between the parties through the adversarial terms. Tactics are based on the strategic direction of criminal procedure, which is determined by the protective principles of criminal procedure policy and its adversarial concept. This may give the wrong impression of the prerogative of the defence. Meanwhile, a protective framework can be found in the powers of the procurator, whose activities are aimed at ensuring respect for the law and the restoration of citizens' violated rights. In the context of equality of the parties, which is most visible and active in a criminal case before the court of first instance, the ability to persuade the court by evidence becomes particularly important. So tactics contain an important resource of methods of persuasion.

KEYWORDS

Process of proving; evidence; argumentation; forensic tactics; forensic techniques; tactical methods; strategy; competitiveness of the parties.

FOR CITATION

Bryanskaya E V. Forensic Tactics as a Means of Argumentation in a Criminal Case in a Court. *Prologue: Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 100–107. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2023.4.10.

Состязательная модель уголовного судопроизводства создает условия, в рамках которых рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции в общем порядке предполагает определенные диалоговые формы коммуникации. Анализ диалоговых форм общения, учитывая, что стороны процесса противостоят друг другу, приводит к необходимости понимания таких ключевых понятий, как стратегия и тактика аргументации.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о стратегии сторон и тех так-

тических приемах, которыми они пользуются в целях достижения своих задач, обратим внимание, что в научной литературе мы все чаще сталкиваемся с такими понятиями, как «обоснование» и «аргументация». Отметим, что два этих термина не синонимичны. Аргументация в большей степени присуща судебным стадиям уголовного процесса, самое яркое выражение приобретает в прениях и репликах сторон; особенно наглядна в речах сторон в суде присяжных, когда защитник и обвинитель последовательно зачитывают свои речи,

пытаясь оказать наиболее убедительное воздействие на отправителей правосудия «из народа».

Обоснование выступает тем элементом, который закладывается на досудебных стадиях. В частности именно тогда, когда органы уголовного преследования, на которые возлагается бремя доказывания по уголовному делу, собирают доказательства, подкрепляют одно другим, выстраивая логичную цепочку, в целях законного вынесения решения о возбуждении уголовного дела, о предъявлении обвинения, о принятии решения об избрании меры пресечения, при вынесении обвинительного акта или обвинительного постановления и в других процессуальных случаях.

Однако если обоснование подразумевает взаимосвязанную и непротиворечивую совокупность сведений, то аргументация является всего лишь внешним выражением обоснованности в судебных прениях, в репликах. В этой связи достаточно справедлива следующая точка зрения: способы обоснования, как правило, могут быть абсолютно индифферентными к содержанию аргументации, в том числе и в глазах определенной судебной аудитории. Тогда как аргументационные средства могут быть, да и, в принципе, практически всегда воплощаются во внешнем выражении наиболее выразительно, чем приемы обоснования ..., «но все приемы аргументации, выходящие за сферу обоснования, заведомо менее универсальны, однако в отдельных случаях бывают не менее убедительны, чем приемы обоснования» [20, с. 98], что дает основание для логического построения аргументации, отталкиваясь от содержания наиболее информативных доказательств. Аргументация идет в развитие обоснования посредством судебного договора.

Исследуя происхождение такого научного понятия, как «аргументация», мы замечаем, что, к примеру, общетеоретические и философские концепции, мысли о семантике и средствах аргументации уходят своими корнями к личности великого мыслителя Аристотеля. Примечательным является то, что именно Аристотель основал такие научные отрасли знаний, которые заложены в основу аргументации и связаны с публичными выступлениями, с судебным договорением, с убеждением. А именно в логике и риторике находят свои истоки приемы исследования, анализа, дедукции, индукции, рассуждения и убеждения [7, с. 7]. Разумеется, аргументация это не просто произнесение судебных речей — она является такой деятельностью, которая планомерна и тактически продумана. Каждый участник разрабатывает тактические ходы

для наибольшего убеждения суда. Сторона процесса преследует цель реализации выбранной стратегии, отталкиваясь от которых формирует тактические приемы.

Поскольку аргументация видится в качестве диалогового воплощения в жизнь стратегических задач, следовательно, она основана на коммуникативном планировании, которое дает возможности логически выстраивать такую совокупность тактических приемов судебного договора, которые в целом формируют тактические комбинации. Тактика судебного договора создает динамичность диалога, раскрывает сущностное содержание собранных доказательств по уголовному делу, позволяющих воплотить в жизнь и понять стратегию той или иной стороны, «проследить движение говорящих к поставленной цели» [2, с. 32].

От умения участников уголовного судопроизводства владеть искусством судебного договора, от уровня речевой культуры в процессе доказывания зависит их профессиональная компетенция. В связи с этим умение убеждать (прежде всего защитником и обвинителем), яркое и содержательное судебное договорение является важным объектом уголовно-процессуальных и криминалистических исследований.

Умение убеждать, аргументировать сосредоточено не только в речевом искусстве — каждый судья руководствуется своим профессиональным критическим мышлением. В этой связи вспоминаются мудрые слова И. Канта: «Догматическое применение разума без критики приводит к ни на чем не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же ложные утверждения, стало быть, приводит к скептицизму» [16]. Скептицизм в процессуальных проявлениях статуса судьи может рассматриваться не в самых лучших реалиях. С одной стороны, судья-скептик — это участник, который не верит в истинность исхода дела. С другой, скептицизм может сыграть лучшую роль в аспекте его критического мышления. В основе проявления скептицизма заложена категория недоверия. «Скептицизм» (от др.-греч. «σκεπτικός» — рассматривающий, исследующий) является философским направлением, выдвигающим сомнение в качестве принципа мышления, сомнение в надежности истины [24, с. 177]. Именно недоверие является основой критики, которая ставит под вопрос как виновность, так и невиновность подсудимого. Следовательно, сторонам процесса необходимо приложить все усилия, так сформировать посредством доказательств тактические приемы, чтобы суд принял уверенное решение в пользу стороны

защиты или же стороны обвинения, а быть может — и компромиссного итога.

Значит, аргументация в суде видится в качестве активной процессуальной деятельности сторон, которые на стадии предварительного расследования собрали, исследовали, проверили и оценили доказательства по уголовному делу, а далее — построили тактику своей позиции для участия в суде первой инстанции во благо достижения задач, предусмотренных ст. 6 УПК РФ.

В первую очередь стратегически планируются такие процессуальные действия, которые направлены на защиту законных прав и интересов не только непосредственных участников уголовного судопроизводства, но и всех граждан нашего государства, общества в целом. Казалось бы, тот же профессиональный прокурор, который всегда ассоциируется с ролью обвинителя, преследует в силу федерального законодательства защиту законных прав и интересов, даже тогда, когда он поддерживает обвинение подсудимого, он тем самым защищает потерпевшего и всех граждан от преступных элементов. «Прокуратура РФ исполняет возложенные на нее полномочия во благо защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства»¹. Говоря о реализации аргументации при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в воплощении процесса доказывания, стороны, излагая свои речи в тактике убеждения, исполняют в процессе две формы деятельности.

Во-первых, гносеологические начала процесса доказывания основываются на познавательной деятельности, которая всегда имеет главную направленность — собирание и исследование сведений о факте совершенного деяния.

Во-вторых, в целях донесения этих сведений им следует придать форму доказательств. Стороны их проверяют и оценивают, чтобы наиболее продуктивно оказать воздействие на внутреннее убеждение сторон и суда.

В предмет познания входят те элементы, которые характеризуют состав преступления и обозначаются уголовно-процессуальным законодательством в качестве предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ — обстоятельства, подлежащие доказыванию). Сведения, характеризующие предмет доказывания, про-

шедшие познание, должны быть тактически представлены сторонами для исследования и оценки суду.

Познание и аргументация взаимообусловленные понятия: одни и те же объекты и предметы исследования. Когда мы аргументируем и убеждаем в свете выбранной тактики по уголовному делу, когда стараемся смысловым содержанием доказательств и посредством судового разговора оказать влияние на оппонента, на суд, которые будут оценивать сведения, мы видим невозможность их реализации друг без друга. Аргументация состоятельна только при условии полноценного познания предмета и объекта исследования.

Можно представить соотношение познания и аргументации в аспекте компромиссных взглядов, на основании которых мы видим аргументацию как связующее звено между исследованием сведений, имеющих процессуальное значение по уголовному делу, и тактическими формами убеждения субъекта, оценивающего доказательства.

Именно поэтому для уголовного судопроизводства особое значение приобретает криминалистическая тактика, которая посредством уголовно-процессуальных, логических, психологических основ помогает наиболее эффективно построить аргументацию в суде на основе собранных, исследованных, проверенных и оцененных доказательств.

В этой связи отметим, понятие «тактика» (греч. «taktika» — «приводить в порядок») уходит своим семантическим содержанием к военным дисциплинам, и в прямом, дословном смысле, сводится к «...изучению объективных закономерностей боя и разработок путей и средств, форм и приемов борьбы, которые в большей степени соответствуют конкретной обстановке в существующий в конкретный момент и вернее всего обеспечивающих успех» [26, с. 6]. О тактике писал А. В. Суворов в своих дневниках-воспоминаниях, которые стали основой будущей «Науки побеждать» [6, с. 37]. С позиции общетеоретических взглядов, тактика, тактические приемы и комбинации представляются как мастерское и квалифицированное искусство. Такая творческая деятельность воплощается посредством применения средств, способных наиболее благоприятно реализовать выбранную стратегию, построение алгоритмов доказательств, процессуальных действий, решений. Тактическое искусство выражается в способности грамотно и логично использовать предусмотренные в УПК РФ права для принятия результативных решений, достижения задач, регламентированных ст. 6 УПК РФ, «которые могут быть

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

частными и промежуточными, ближайшими и второстепенными» [17, с. 19].

Термин «тактика» удачно вписывается в состязательную концепцию уголовного судопроизводства. Тактика выступает в качестве творческого построения стороной аргументации в суде. Интересно, что истоками она уходит к классической науке криминалистике, которая раскрывает это понятие в свете следственной работы, дает представление о тактических приемах, о ситуации и тактических решениях [21]. Тактические приемы наиболее обстоятельно освещены в трудах Р. С. Белкина [5, с. 102], А. Н. Васильева [8, с. 32], И. А. Возгрина [9, с. 222], А. А. Данченко [12, с. 16], А. В. Дулова [13, с. 3], Р. М. Жамиевой [15], В. Е. Коноваловой [18, с. 15], П. Д. Нестеренко [14, с. 3], Д. П. Поташника [22, с. 5], А. Н. Халикова [27, с. 54]. В качестве тактических приемов рассматриваются процессуальные способы поведения, реализуемые в целях наиболее эффективного достижения цели процесса доказывания. Тем не менее, отдельные авторы полагают, что недостаточно обстоятельно представлены «способы, приемы, методы и правила, которые как раз и составляют содержание любой процессуальной тактики». Более того, вопросы криминалистической тактики неполно освещены применительно к стадии судебного следствия, прений сторон и реплик. Тогда как, к примеру, Ю. В. Корневский анализировал тактические приемы как средства криминалистической методики, применимые не только в отношении стадии предварительного расследования, но и как способы реализации методики *судебного рассмотрения уголовных дел* (выделено мной — Е. Б.), которые состоят из двух частей: «а) общая методика собирания, исследования доказательств; б) частные криминалистические методики применительно к отдельным, большим или меньшим по объему группам преступлений» [19, с. 21]. Тактические приемы в судебном следствии, в прениях сторон, в репликах направлены на такое моделирование, которое позволяет построить логичный алгоритм доказательств, сопрождающийся судовоговорением.

Кроме того, криминалистические знания, благодаря разработанным средствам тактики, восполняют пробелы УПК РФ. Например, применительно к судебному разбирательству требуют пристального внимания вопросы, которые вызывают трудности в практической деятельности. В частности, при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции законом неполно регламентированы вопросы «восполнения в суде пробелов предварительного расследования, наличия неустраненных

противоречий в доказательственном материале, специфики исследования доказательств, существенно изменившихся в судебном разбирательстве по сравнению с предварительным расследованием» [19, с. 21].

Справедлива точка зрения С. Ю. Якушина, который видит в криминалистической тактике сформированную научную отрасль знаний, раздел криминалистической науки, которая рассматривается в качестве системной и логичной совокупности теоретических положений, отражающихся в научных воззрениях, учебно-методических материалах, рекомендациях, сформированных следственной и судебной практикой для формирования в рамках действующего законодательства наиболее оптимальной стратегии хода действий должностных лиц, являющихся представителями органов уголовного преследования, а также, что не менее интересно, — криминалистическая тактика относится к системе знаний, применимых для судебного рассмотрения уголовных дел [29, с. 160—168]. Поддерживаем мнение авторов, которые пишут о том, что криминалистическая тактика в суде должна именоваться «судебной тактикой», поскольку она имеет синтезированное содержание, состоит из тактики суда, тактики обвинения, тактики защиты [10, с. 63; 11, с. 9—13]. «Судебная тактика» однозначно должна преподаваться в вузах, относиться к общей системе криминалистики в качестве самостоятельного раздела. Подтверждением этому является специфика рассмотрения отдельных категорий уголовных дел в свете криминалистических знаний.

Следовательно, примечательным является мнение Т. В. Аверьяновой, которая верно подчеркнула: «В конце XIX — начале XX столетия ряд ученых выступили с предложением расширения рамок использования криминалистики, предложив включить в нее такие подсистемы, как "тактика защиты" и "тактика прокурорская". Отсюда появилось высказывание о необходимости пересмотра как предмета криминалистической тактики, так и всего предмета криминалистики» [1, с. 4]. Как видим границы криминалистических знаний достаточно широки и с каждым годом в нее вносятся все более разнообразные криминалистические концепции. О. Я. Баев писал: «думается, теорию и практику тактических операций в настоящее время целесообразно изучать и структурировать не только применительно к деятельности следователя, но и прокурора, поддерживающего в суде государственное обвинение, и адвоката — защитника по уголовному делу» [3, с. 231].

Сложно не согласиться с рассуждениями отечественных ученых о применении криминалистических знаний, навыков, тактической продуманности доказывания, что «не меняет предметной области криминалистики как науки, основной задачей которой остается обеспечение деятельности органов предварительного следствия, суда, экспертных учреждений арсеналом современных научно-технических, тактических и методических средств, позволяющих наиболее эффективно раскрывать, расследовать преступления, а также исследовать доказательства в ходе судебного разбирательства уголовных дел» [28, с. 165].

Часто в научных трудах применительно к судебным стадиям раскрывается речевая тактика [23, с. 27]. Например, «аргументативная сила слов-аргументаторов имеет направление, которое формируется относительно интенции оппонента. Иными словами, в определенной ситуации коммуникации оппонент для достижения своей цели выстраивает стратегический план. Таким образом, теория языковой аргументации тесно связана со стратегиями и тактиками речевого общения» [25, с. 167]. Главные требования, которые предъявляются к тактике речевого воздействия, заключаются применительно к судоговорению таких доказательств, которые отвечают правилам относимости, допустимости, достаточности, достоверности, а в своей совокупности — взаимосвязи. Тактика должна воплощать в жизнь принцип уважения чести и достоинства. Все приводимые доводы должны быть представлены в свете принципа презумпции невиновности. Таким образом тактика будет соответствовать требованиям корректности.

Интерес представляет мнение Б. Т. Безлепкина, который писал: «Логически доказать — значит, применяя законы логики, обосновать выдвинутое положение в рамках выбранной стратегии аргументами, вывести на

убеждаемый вывод посредством тактических приемов» [4]. Тактика, как и весь процесс доказывания, должна быть логичной, основываться на требованиях упорядоченности и подкрепленности доказательств.

Итак, на основании изложенного мы можем сделать вывод о том, что аргументация в суде наиболее эффективная и грамотная, когда она сопровождается соблюдением тех требований, которые регламентированы УПК РФ, а также приемами, раскрывающимися в криминалистической тактике. Приемы криминалистической тактики могут быть различными, главное, чтобы они отвечали требованиям законности и исключали манипуляции, провокационные действия. Иногда тактические приемы, применяемые при рассмотрении уголовного дела в суде, напоминают шахматную игру. Безусловно, когда решается вопрос судьбы человека, виновен он или нет, применение слова «игра» видится не вполне корректным, однако, аргументация, также, как и логика мышления в процессе игры в шахматы, отличается продуманностью ходов. Именно посредством логичного оперирования доказательствами мы формулируем доводы, из которых складывается аргументация. Эффективность доводов в большей степени зависит от логики и взаимосвязанности наиболее надежных и убедительных доказательств. Только на основе качественных доказательств мы сможем построить грамотное судоговорение, которое должно произноситься доступно, устно и без перечитывания длинных предложений, с доступными для понимания терминами и словами, что особенно актуально для суда присяжных. Более того, тактичной аргументация будет тогда, когда она проникнута искренностью и равнодушием к исходу уголовного дела, к судьбе тех, чьи права нуждаются в защите и восстановлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова Т. В. Еще раз о криминалистической тактике и тактике защиты // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 3 (II). — С. 3 — 7.
2. Агеева Ю. В. Специализированные речевые тактики рекрутера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — Вып. 6 (717). — С. 31 — 42.
3. Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. — Изд. 4-е перераб. и доп. — Москва : Юстиция, 2017. — 372 с.
4. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2016. — 300 с.
5. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. — Москва : Мегатрон XXI, 2000. — 334 с.
6. Богданов А. П. А. В. Суворов: рождение тактики // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2016. — № 4. — С. 31 — 47.
7. Брюшинкин В. Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология // Модели рассуждений-2. Аргументация и рациональность : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. — Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. — 211 с.

8. Васильев А. Н. Следственная тактика. — Москва : Юридическая литература, 1976. — 200 с.
9. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. — Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2003. — 475 с.
10. Воробьев Г. А. О предмете тактики судебного следствия // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 6. — С. 60–67.
11. Воробьев Г. А. Тактика и психологические особенности судебных действий : учеб. пособие. — Краснодар : КГУ, 1986. — 84 с.
12. Данченко А. А. Превентивная функция российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Нижний Новгород, 2002. — 28 с.
13. Дулов А. В. Введение в судебную психологию. — Москва : Юридическая литература, 1970. — 159 с.
14. Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. — Минск : Высшая школа, 1971. — 272 с.
15. Жамиева Р. М. Тактика профессиональной защиты по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Алматы, 1999. — 26 с.
16. Кант И. Критика чистого разума. — URL: <https://knijky.ru/books/kritika-chistogo-razuma> (дата обращения: 15.07.2023).
17. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 16–23.
18. Коновалова В. Е. Теоретические проблемы следственной тактики : автореф. дис. .. д-ра юрид. наук : 12.00.09. — Харьков, 1966. — 50 с.
19. Кореневский Ю. В. Государственное обвинение в условиях судебной реформы (процессуальный, тактический и нравственный аспекты) : метод. пособие. — Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1994. — 149 с.
20. Ощепкова Н. А. Контекстуальная аргументация vs универсальная аргументация // Международный журнал гуманитарных и специальных наук. — 2017. — № 11. — С. 98–101.
21. Попов В. И. Руководство к практическим занятиям по криминалистической тактике : учеб. пособие. — Москва : Госюриздат, 1955. — 155 с.
22. Поташник Д. П. Криминалистическая тактика : учеб. пособие. — Москва : Зерцало, 1998. — 64 с.
23. Рябова И. Ю. Персуазивные стратегии, тактики и приемы речевого воздействия судьи в художественно-правовом дискурсе (на материале англоязычного романа И. Макьюэна «Закон о детях» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2021. — Т. 18, № 4. — С. 25–33.
24. Семушкин А. В. Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм // Вестник Российского университета дружбы народов. — 1997. — № 1. — С. 177–178.
25. Ситосанова О. В. Роль слов-аргументаторов even-даже в тактике убеждения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7. — С. 166–169.
26. Тактика / под ред. В. Г. Резниченко. — Москва : Воениздат, 1966. — 496 с.
27. Халиков А. Н. Сущность и цели следственной тактики // Российский следователь. — 2008. — № 14. — С. 50–58.
28. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа и система. — Москва : Юрист, 2005. — 174 с.
29. Якушин С. Ю. Криминалистическая тактика: вопросы преподавания // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — Т. 153, кн. 4. — С. 160–168.

REFERENCES

1. Averyanova T. V. Once again about forensic tactics and defense tactics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University*, 2016, no. 3 (II), pp. 3–7. (In Russian).
2. Ageeva Yu. V. Specialized speech tactics of a recruiter. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, iss. 6 (717), pp. 31–42. (In Russian).
3. Baev O. Ya. *Kriminalistika. Lektsionnyi kurs* [Forensics. Lecture course]. 4th ed. Moscow, Justice Publ., 2017. 372 p.
4. Bezlepkin B. T. *Ugolovnyi protsess v voprosakh i otvetakh* [Criminal procedure in questions and answers]. 8th ed. Moscow, Prospect Publ., 2016. 300 p.
5. Belkin R. S. *Kriminalisticheskaya ehntsiklopediya* [Forensic encyclopedia]. Moscow, Megatron XXI Publ., 2000. 334 p.
6. Bogdanov A. P. A. V. Suvorov: The birth of tactics. *Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta = Scientific works of Moscow University for the Humanities*, 2016, no. 4, pp. 31–47. (In Russian).
7. Bryushinkin V. N. Argumentorics: initial abstraction and methodology. In Bryushinkin V. N. (ed.). *Modeli rassuzhdenii-2. Argumentatsiya i ratsionalnost* [Models of reasoning; Argumentation and rationality]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2008. 211 p. (In Russian).
8. Vasiliev A. N. *Sledstvennaya taktika* [Investigative tactics]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1976. 200 p.

9. Vozgrin I. A. *Vvedenie v kriminalistiku: istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to criminology: history, basic theory, bibliography]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Centr "Press", 2003. 475 p.
10. Vorobyov G. A. On the subject of judicial investigation tactics. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 1973, no. 6, pp. 60–67. (In Russian).
11. Vorobyov G. A. *Taktika i psikhologicheskie osobennosti sudebnykh deistvii* [Tactics and psychological features of judicial actions]. Krasnodar State University Publ., 1986. 84 p.
12. Danchenko A. A. *Preventivnaya funktsiya rossiiskogo prava. Avtoref. Kand. Diss.* [Preventive function of Russian law. Cand. Diss. Thesis]. Nizhniy Novgorod, 2002. 28 p.
13. Dulov A. V. *Vvedenie v sudebnuyu psikhologiyu* [Introduction to Forensic Psychology]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1970. 159 p.
14. Dulov A. V., Nesterenko P. D. *Taktika sledstvennykh deistvii* [Investigative tactics]. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 1971. 272 p.
15. Zhamieva R. M. *Taktika professionalnoi zashchity po ugolovnym delam. Avtoref. Kand. Diss.* [Tactics of professional defense in criminal cases. Cand. Diss. Thesis]. Almaty, 1999. 26 p.
16. Kant Immanuel. *Kritik der reinen Vernunft*. Riga, 1781. 856 S.
17. Kartashov V. N. Legal technology or legal technology? Some methodological aspects of the study. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2007, no. 1, pp. 16–23. (In Russian).
18. Konovalova V. E. *Teoreticheskie problemy sledstvennoi taktiki. Avtoref. Dokt. Diss.* [Theoretical problems of investigative tactics. Doct. Diss. Thesis]. Kharkov, 1966. 50 p.
19. Korenevsky Yu. V. *Gosudarstvennoe obvinenie v usloviyakh sudebnoi reformy (protsessualnyi, takticheskii i нравственный аспекты)* [State prosecution in the context of judicial reform (procedural, tactical and moral aspects)]. Moscow, Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation» Publ., 1994. 149 p.
20. Oshchepkova N. A. Contextual argument vs universal argument. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2017, no. 11, pp. 98–101. (In Russian).
21. Popov V. I. *Rukovodstvo k prakticheskim zanyatiyam po kriminalisticheskoi taktike* [Guide to practical training in forensic tactics]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 155 p.
22. Potashnik D. P. *Kriminalisticheskaya taktika* [Forensic tactics]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 64 p.
23. Ryabova I. Yu. Persuasive strategies, tactics and techniques of linguistic manipulation of judge in a literary-legal discourse (Based on the English novel "The Children Act" by I. McEwan). *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika" = Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 25–33. (In Russian).
24. Semushkin A. V. Ancient skepticism. Lecture 1. Pyrrhonism. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov = RUDN journal*, 1997, no. 1, pp. 177–178. (In Russian).
25. Sitosanova O. V. The role of argumentative words even – даже in the tactics of persuasion. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2017, no. 7, pp. 166–169. (In Russian).
26. Reznichenko V. G. (ed.). *Taktika* [Tactics]. Moscow, Voenizdat Publ., 1966. 496 p.
27. Khalikov A. N. The essence and goals of investigative tactics. *Rossiiskii sledovatel = Russian investigator*, 2008, no. 14, pp. 50–58. (In Russian).
28. Yablokov N. P., Golovin A. Yu. *Kriminalistika: priroda i sistema* [Forensics: nature and system]. Moscow, Yurist Publ., 2005. 174 p.
29. Yakushin S. Yu. Forensic tactics: teaching issues. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan university. Series Humanities*, 2011, vol. 153, bk. 4, pp. 160–168. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Брянская Елена Васильевна (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России (198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Леччика Пилутова, 1, e-mail: veret.1976@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bryanskaya Elena, V. (St. Petersburg) — Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor of the Criminalistics Department, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (1 Letchika Pilyutov St., St. Petersburg, 198206, Russia, e-mail: veret.1976@mail.ru).